

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА
ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. М. ЛОТМАН

Собрание сочинений

ТОМ 1

О · Г · И
МОСКВА
1998

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА
ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. М. ЛОТМАН

*Русская литература
и культура Просвещения*

О · Г · И
МОСКВА
1998

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия

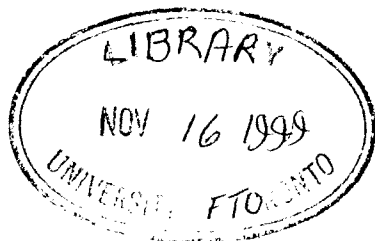
*С. С. Аверинцев, Вяч. Вс. Иванов (гл. редактор), Л. Н. Киселева,
А. Л. Основат, В. А. Садовничий, В. П. Топоров,
П. Түльвисте, Б. А. Успенский*

Ответственные редакторы тома:

Л. Н. Киселева, А. Л. Основат

Составление, подготовка текстов и комментарии

*Л. О. Зайонц, Л. Н. Киселевой, А. С. Немзера,
Е. А. Погосян*

Лотман Ю. М.

Собрание сочинений. Том 1: Русская литература и культура Просвещения. — М.: ОГИ, 1998. — 520 с.

ISBN: 5-900241-37-8

© Лотман Ю. М., 1998

© Объединенное гуманитарное
издательство, оформление, 1998

НАСТОЯЩИМ ТОМОМ открывается издание академического собрания сочинений Юрия Михайловича Лотмана (1922–1993).

В последние годы жизни Ю. М. Лотман принимал активное участие в формировании Института теории и истории мировой культуры Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Предполагая возглавить Отдел русской культуры этого института, Ю. М. Лотман написал общую программу работы Отдела. Чтя память Ю. М. Лотмана, его особую роль как в истории отечественной гуманитарной мысли XX столетия, так и в пока короткой истории Института, Отдел совместно с Тартуским университетом приступил к подготовке научного издания трудов своего первого руководителя.

Научное издание трудов Ю. М. Лотмана позволит проследить путь одного из самых крупных ученых нашего времени от скрупулезных исследований конкретных литературных и публицистических сочинений конца XVIII — начала XIX в., рассматриваемых в контексте социально-политической истории России, до общих структурно-типологических и семиотических построений, принесших Ю. М. Лотману заслуженную мировую славу в качестве одного из создателей тартуско-московской школы семиотики. Настоящее издание призвано удовлетворить растущий во всем мире интерес к деталям становления этого научного направления, которое, в значительной мере именно благодаря Ю. М. Лотману, оказало большое влияние на развитие гуманитарных наук во всем мире и во многом определило открывающийся ландшафт исследований на рубеже XXI столетия. Ю. М. Лотман никогда не замыкался в рамках одной научной дисциплины или одной национальной литературы — его работы необходимы гуманитариям самого разного профиля, ибо каков бы ни был конкретный (всегда детально изученный) предмет того или иного исследования, в трудах Ю. М. Лотмана непременно выявляются

вести интересное свидетельство, показывающее, что стихи Державина воспринимались читателем именно как возвышающие человека, вопреки церковной идее «человек — червь». Вспомним известный спор Дикого и Кулигина в действии IV, явл. 2 «Грозы».

Д и к ó й. ... Так ты знай, что ты червяк. Захочу — помилую, захочу — раздавлю...

К у л и г и н. Савел Прокофьевич, ваше степенство, Державин сказал:

Я телом в прахе истлеваю
Умом громам повелеваю!³

Д и к ó й. А за эти вот слова тебя к городничему отправить, так он тебе задаст!

Важно отметить, что Кулигин в «Грозе» — человек того же круга, что и Пунин и Бабурин из повести Тургенева. Плебей-интеллигент, он воспитан на литературе XVIII в. («почитался-таки Ломоносова, Державина») и сохранил ее живое восприятие⁴.

М. Г. Альтшуллер сообщает ряд интересных соображений о биографических намеках в стихотворении Пнина. Но сведение вопроса к полемике между двумя, отнюдь не первостепенными, литераторами сужает значение этого интересного эпизода в борьбе между просветительским и церковным мировоззрением — эпизода, сохранившего всю остроту на протяжении долгих лет между эпохами Державина и Островского.

³ Напомним, что именно после этих стихов у Державина идет: «Я царь, — я раб, — я червь, — я бог» (Г. Р. Державин. Стихотворения. Библиотека поэта. Изд. писателей в Ленинграде. Л., 1933. С. 107).

⁴ Однако и традиционное истолкование стихов Пнина как направленных против Державина интересно: оно отражает давление на исследователей мировоззрения новейшей эпохи, с точки зрения которого более заметно не отличие, а сходство державинской и традиционно церковной позиции. Так, Марина Цветаева не делала различия между державинской и библейской трактовкой этого образа, отвергая их во имя богоборческой идеи — «человеческое выше божественного»:

Бог — слишком бог, червь — слишком червь.
(Марина Цветаева. Избранное. М., 1961. С. 211).

Комментарии

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Ю. М. Лотмана теперь достаточно интенсивно публикуется различными издательствами. После смерти автора только на русском языке отдельными изданиями вышли следующие книги:

Диалог с экраном. Таллинн, 1994 (в соавторстве с Ю. Цивьяном);

Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994;

Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки. 1960—1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995;

Великосветские обеды. СПб., 1996 (в соавторстве с Е. А. Погосян);

Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII — начало XIX века). М., 1996;

О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. СПб., 1996;

Внутри мыслящих миров: Человек — Текст — Семносфера — История. М., 1996;

Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957—1990. Заметки и рецензии. СПб., 1997;

О русской литературе: Статьи и исследования (1958—1993). История русской прозы. Теория литературы. СПб., 1997;

Письма: 1940—1993. М., 1997.

В петербургском издательстве «Искусство-СПБ» находятся в производстве еще два больших тома сочинений Ю. М. Лотмана (далее — Л.), имеются сведения и о ряде других проектов. Уже перечисленного достаточно, чтобы утверждать, что настоящее издание вызвано не коммерческим спросом и не дефицитом, которым долгие годы были окружены публикации Л. (выходившие в свет, как правило, в малотиражных и труднодоступных изданиях Тартуского университета), а причинами академическими.

Путь ученого представлен в его трудах, работах его учеников и его школы. Тематические комментированные издания трудов крупнейших филоло-

гов давно стали традицией в отечественной науке (см., в первую очередь, издания В. В. Виноградова, Ю. П. Тынянова и др.). Настоящее издание пытается опереться на эту традицию как на образцовую. Трудность состоит в том, что архив Л. находится еще в первоначальной стадии обработки, а срок, отделяющий нас от ухода Л. из жизни, еще невелик и не позволяет взглянуть на его наследие отстраненным взглядом историка науки. Конечно, такая близость дает и определенные преимущества, позволяя восстанавливать различные обстоятельства по свидетельствам участников событий, к которым принадлежат и составители, и комментаторы настоящего тома.

Представляется естественным начать издание собрания сочинений Л. с работ по истории русской культуры XVIII в., поскольку именно с них начался его научный путь. Исследование творчества Радищева навсегда закрепило в сознании Л. восприятие XVIII столетия как «века Просвещения». Именно Л. стал крупнейшим исследователем русского Просвещения как культурного феномена, всесторонне разработал понятие «русского руссоизма» и его историю, уделил много внимания теоретической разработке проблемы культурного перевода (взаимодействие идей французского Просвещения и русской культуры), трансформации, которой подвергаются системы при перенесении в иные национальные и социокультурные контексты (на примере эпохи Просвещения), и т. д. Редкая работа Л., какой бы проблеме она ни была посвящена, не затрагивает примеров или в той или иной мере не касается проблем Просвещения. Попытка охватить в одном томе все написанное Л. на тему «XVIII век и культура русского Просвещения» заранее обречена на провал, поскольку технически не реализуема и даже не продуктивна с читательской точки зрения. Первый том Собрания «Русская литература и культура Просвещения» включает статьи Л., посвященные рецепции французского Просвещения русскими мыслителями XVIII—XIX вв. Составители стремились отобрать для тома все основополагающие статьи, которые дадут научному читателю целостное представление о концепции Л., а также об этапах и путях ее формирования.

Об эдизийных принципах. Многие работы, помещенные в настоящем томе, неоднократно перепечатывались при жизни автора. Составители опирались преимущественно (кроме специально оговоренных в комментариях случаев) на последние прижизненные публикации. Как правило, это — трехтомник «Избранных статей» Л., выпущенных в Таллинне издательством «Александра» в 1992—1993 гг. В подготовке издания участвовал сам автор, внесший в свои ранние публикации некоторые изменения. Разночтения, вставки и купюры, обнаруженные составителями настоящего тома по другим редакциям, черновикам, письмам и прочим источникам, оговариваются в комментариях.

В «Приложении» приводятся никогда не публиковавшиеся прежде фрагменты кандидатской диссертации Л. Их функция в общей концепции тома оговорена в комментариях.

Все тексты специально подготовлены для настоящего издания. Цитаты сверены составителями по первоисточникам, библиографическое описание

по возможности унифицировано. Исправления, внесенные в цитаты, а также устранение опечаток специально не оговариваются. В случаях, когда Л. цитирует издания, осуществленные после орфографической реформы 1918 г., сохраняется орфография первоисточника. Орфография и пунктуация в русских цитатах по изданиям до реформы 1918 г. приведена в соответствие с современными нормами, кроме случаев, где орфография и пунктуация могут нести смысловую или стилистическую нагрузку (например, сохраняется варьативность в написании *щастие/счастье*, *Емилль/Эмилль*, *ефоры/эфоры* и др.). Все авторские ссылки приводятся внизу полосы и обозначаются арабской цифрой. В случае отсутствия ссылки у автора, она приводится в комментариях. Комментарии расположены в конце книги; в тексте Л. комментируемые фрагменты отмечены арабской цифрой с астериском. Использование разрядки и курсива унифицировано: разрядкой даются слова, выделенные в источнике автором, курсивом — слова, выделенные в цитате Лотманом. При отсутствии перевода иностранных цитат он дается в комментариях.

В комментариях сделана попытка уточнить хронологию написания статей, восстановить исторический контекст их создания, для чего приводятся соответствующие биографические материалы, а также историко-литературный фон.

Комментарии составлены Е. А. Погосян (все статьи I раздела; приложения: «Идейное содержание „Путешествия из Петербурга в Москву“», «Радищев в первые годы XIX века»), Л. О. Зайонц (статьи: «Руссо и русская культура XVIII века», «Пути развития русской просветительской прозы», «Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII — начала XIX века»; приложения: «Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века», «С кем же полемизировал Пинин в оде „Человек“?», А. С. Немзером (статья «Истоки „толстовского направления“ в русской литературе 1830-х годов», «„Человек природы“ в русской литературе XIX века и „цыганская тема“ у Блока»), Л. Н. Киселевой (статья «Архаисты-просветители»). В обсуждении принципов издания и подготовке тома к печати принимал участие Е. В. Пермяков.

I

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ настоящего тома посвящен творчеству Радищева. Однако статьи, включенные в него, не исчерпывают всего, что написано Л. о Радищеве.

Во-первых, сюда не вошли работы, которые по своему материалу могли бы быть отнесены к работам о русском Просвещении, но в основном обращены к иной проблематике. Так, статья «Радищев и русская военная мысль в XVIII в.» (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1958. Вып. 67. С. 194—207) занимает особое место в творческой эволюции Л. как одна из первых работ, посвященных семиотике поведения, и будет опубликована вместе со статьями этого цикла. В том, посвященный общим вопросам эволюции литературы X—

XVIII вв., будут отнесены статьи Л. «О некоторых вопросах эстетики Радищева» (Научные труды, посвященные 150-летию ТГУ. Таллин, 1952) и «Радищев — читатель летописи» (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та, 1965. Вып. 181. С. 213—234). Здесь же будет помещена монографическая статья Л. «„Слово о полку Игореве“ и литературная традиция XVIII — начала XIX в.» (Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 330—405), которая создавалась в контексте полемики о подлинности «Слова о полку Игореве» и примыкает к циклу статей Л., посвященных этому памятнику.

Во-вторых, в этот раздел не вошли статьи о Радищеве, материал которых в полном объеме был использован в более поздних работах Л., публикуемых в настоящем томе. Так, статья «Был ли А. Н. Радищев дворянским революционером?» (Вопросы философии, 1956. № 3. С. 165—172) является более ранним и ориентированным на полемику о Радищеве 1956—1958 гг. вариантом работы «Радищев и Мабли» (см. наст. изд.). В статье «„Сочувственный“ А. Н. Радищева А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тургеневу» (см. наст. изд.), как указано автором во вступительной ее части, пересмотрены основные выводы работы «Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века: А. Н. Радищев и А. М. Кутузов» (Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950. С. 81—128).

Кроме того, не представляется целесообразным переиздание Автореферата *КД* (Ю. М. Лотман, А. Н. Радищев в борьбе с общественно-политическими воззрениями и дворянской эстетикой Карамзина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1951), поскольку она лишь формально и далеко не полностью отражает содержание диссертации и в значительной большей мере, чем сама диссертация, следует канонам официального литературоведения той эпохи.

Все остальные работы Л., посвященные творчеству Радищева, включены в раздел I настоящего тома. Его открывает статья «Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII в.», которая является обобщающим исследованием и дает наиболее полную характеристику позиции Радищева в ее отношении к идеям Просвещения. Следующие за ней работы посвящены отдельным вопросам мировоззрения Радищева. Завершают раздел статьи «Из комментариев к „Путешествию из Петербурга в Москву“» и ряд заметок комментирующего характера.

Материалы *КД* легли в основу целого ряда работ Л. Однако к центральной части главы II «Идейное содержание „Путешествия из Петербурга в Москву“» и разделу «Радищев в первые годы XIX века» главы IV (за исключением материалов о реакции Карамзина на смерть Радищева, которые вошли в статью «Источники сведений Пушкина о Радищеве» — см. наст. изд.) Л. более не возвращался. Указанные разделы *КД* впервые публикуются в приложениях к настоящему тому.

Творчество Радищева было в сфере интересов Ю. М. Лотмана начиная с исследований студенческих лет и кончая последними работами. До войны (в 1939 г. Л. был зачислен на русское отделение филологического факультета ЛГУ) он интересовался фольклором и занимался в семинаре В. Я. Пропп-

па. Вернувшись с фронта на второй курс (в декабре 1946 г.), Л. записался в семинар Н. И. Мордовченко: «Надо было определять семинар. Общим миром студентов был Гукковский. Я продемонстрировал самостоятельность и не пошел к Гукковскому. Я записался к тогда еще числившемуся среди молодых профессоров и не пользовавшемуся такой популярностью Н. И. Мордовченко. Но у Мордовченко, который занимался Белинским, я взял тему по Карамзину» (Ю. М. Лотман. Не-мемуары // ЛС. С. 34). В семинаре Мордовченко Л. работал над темой: «Карамзин в „Вестнике Европы“» (по словам Л., только фрагмент студенческой работы на эту тему вошел впоследствии в *КД*, значительная ее часть затерялась: статья была передана Г. А. Гукковскому для публикации и, вероятно, погибла в связи с арестом ученого). Во время работы над этой темой Л. впервые обратился к творчеству Радищева: «Мне удалось показать, — пишет Л., — что Карамзин откликнулся на гибель Радищева, замаскировав отклик во французский перевод» (там же). Этот эпизод неопубликованной работы вошел впоследствии в *КД* и статью «Источники сведений Пушкина о Радищеве» — см. наст. изд.

Первая работа, посвященная Радищеву, была опубликована Л. в 1950 г. в сборнике «Радищев: Статьи и материалы». Статья носила заглавие «Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века: А. Н. Радищев и А. М. Кутузов». Впоследствии она составила концептуальный каркас *КД*.

Тема диссертации определилась еще до окончания университета (т. е. до 1950 г.) — «А. Н. Радищев в борьбе с общественно-политическими воззрениями и дворянской эстетикой Карамзина». «Диссертация была фактически написана еще в студенческие годы и сразу после окончания университета я подал ее на защиту (это, кажется, было воспринято как нахальство, но честное слово, это была просто наивность)» (Не-мемуары // ЛС. С. 40—41). Диссертация была защищена 31 марта 1952 г. на Ученом совете филологического факультета ЛГУ. На титульном листе и в автореферате имени научного руководителя не значилось (Н. И. Мордовченко умер в январе 1951 г.). Оппонентами были П. Н. Берков и А. В. Предтеченский.

КД состояла из пяти глав. Первая — «Радищев в борьбе с дворянским идеализмом 80-х гг. XVIII в.» — является воспроизведением статьи 1950 г. II глава «Мировоззрение Радищева» впоследствии была переработана и послужила основой для статей: «Был ли А. Н. Радищев дворянским революционером?» (Вопросы философии, 1956. № 3. С. 165—172); «Радищев и Мабли» (см. наст. изд.); «Радищев и русская военная мысль в XVIII в.» (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та, 1958. Вып. 67. С. 194—207); «Радищев — читатель летописи» (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та, 1965. Вып. 167. С. 213—234). Однако к центральной части главы (разделу «Идейное содержание „Путешествия из Петербурга в Москву“») Л. после защиты диссертации более не возвращался. Этот раздел II главы *КД* мы перепечатаем в приложениях к настоящему тому.

III глава «Эволюция мировоззрения Карамзина» и часть IV главы «Радищев и Карамзин в первые годы XIX века» будут учтены при подготовке соответствующего тома, посвященного творчеству Карамзина. Разделы

IV главы, посвященные Радищеву, не были опубликованы (за исключением материалов о реакции Карамзина на смерть Радищева, которые вошли в статью «Источники сведений Пушкина о Радищеве» — см. наст. изд.). Они перепечатываются в Приложении.

И, наконец, последняя V глава КД «Радищев в борьбе за демократическую эстетику» с небольшими изменениями легла в основу статьи «О некоторых вопросах эстетики Радищева» (Научные труды, посвященные 150-летию ТГУ. Таллин, 1952). Эта статья в основном посвящена проблеме поэтики Радищева и имеет только косвенное отношение к теме настоящего тома. Она будет учтена при составлении одного из последующих томов собрания. Не вошедшие в статью разделы, посвященные творчеству С. Боброва и Карамзина, были использованы Л. в позднейших работах.

31 августа 1949 г. отмечалось 200-летие со дня рождения Радищева. Первая статья Л. о Радищеве появилась в сборнике, посвященном этому юбилею. В юбилейных работах о Радищеве сложился канон описания творчества «великого мыслителя и революционера» (см., например: Правда. 31 августа 1949 г.). В этой ситуации само обращение к творчеству Радищева ставило исследователя в сложную ситуацию. Экземпляр КД, хранящийся в архиве Л., сохранил следы идеологических «доработок»: окружение «сомнительных» мест (например, указаний на отрицательную оценку Радищевым пугачевского восстания) цитатами из «классиков», купюры и т. п.

Изменение политической ситуации после смерти Сталина вызвало стремление радищевоведов «переоценить» последние Радищева и его место в общественной борьбе 1780-х гг. В журнале «Вопросы философии» развернулась дискуссия, начало которой было положено статьей Ю. Ф. Карякина и Е. Г. Плимака «О двух оценках „Путешествия из Петербурга в Москву“ в советской литературе» (Вопросы философии. 1955. № 4). Оценка Радищева как «последовательного либерала», а не «революционного мыслителя», в этой ситуации имела совершенно определенный смысл. Она не столько была ориентирована на более глубокое понимание творчества Радищева, сколько была продиктована стремлением разрушить идеологический штамп, возможностью, не выходя за рамки языка официальной науки о литературе, таким образом охарактеризовать Радищева.

Статья Л. «Был ли Радищев дворянским революционером?» (Вопросы философии. 1956. № 3. С. 165–172) в рамках развернувшейся полемики звучала в достаточной мере архаично. Радищев рассматривался как выразитель интересов крестьянства и сторонник революции. Ни один из штампов эпохи борьбы с космополитизмом в статье Л. не был опровергнут. Л. оставался здесь на позициях академизма и стремился не заместить один идеологический штамп другим, но вернуть терминологию ее научный смысл.

«После шестилетнего перерыва, в марте 1955 года, в Пушкинском доме возобновила свою работу Группа по изучению русской литературы XVIII в.» (И. А. Кряжмиская. О работе Группы по изучению русской литературы XVIII века // XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 587). Группу возглавил П. Н. Берков. Участие в деятельности этой группы было важным фак-

тором научной эволюции Л. На одном из первых заседаний Группы Л. был прочитан доклад «Был ли Радищев дворянским революционером». «В развернувшейся полемике, — говорится в отчете о работе Группы, — приняли участие П. Н. Берков, Б. Ф. Егоров, И. З. Серман, которые согласились с основными положениями Юрия Михайловича <...> Попутно же указывалось, что докладчик, характеризуя мировоззрение Радищева, недооценил значение русской традиции для формирования взглядов писателя, не сопоставил его взгляды с развитием русской мысли предшествующего пятидесятилетия. А. В. Предтеченский, Г. П. Макогоненко, З. И. Гершкович, отмечая, что в докладе Ю. М. Лотмана много новых сведений, трактовок, оспаривали ряд положений...» (там же. С. 589). В рамках занятий Группы по изучению русской литературы XVIII века Л. были прочтены доклады «Забывтый писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский» (XVIII век. Сб. 4. М.; Л., 1959. С. 230–256); «„Сатирический театр“ 1808 года» (см. коммент. к статье «Пути развития русской просветительской прозы XVIII века», с. 466–467).

1958–1961 гг. были переломными в научной биографии Л. Резко расширяется сфера его научных интересов: если первое обращение к деятельности М. А. Дмитриева-Мамонова происходит еще в студенческие годы, то в 1956 г. Л. публикует статью об Андрее Тургеневе, в 1958 г. — о Ломоносове, Крылове, Кайсарове, Вяземском, Мерзлякове, обращается к «Слову о полку Игореве», к 1960 г. относится первая работа о Пушкине.

С другой стороны, именно в эти годы Л. обращается к структурным методам изучения литературы: в 1960/1961 гг. он читает в Тартуском университете спецкурс по структурной поэтике, в 1964 г. выходит I том «Трудов по знаковым системам», в котором были опубликованы «Лекции по структуральной поэтике».

Новый всплеск интереса Л. к Радищеву приходится на 1962–1966 гг. В течение пяти лет было написано 9 статей, так или иначе связанных с творчеством Радищева.

Это было осмысление творчества Радищева на основе принципиально нового подхода. Центральная работа этого периода, посвященная творчеству Радищева, — «Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской культуре конца XVIII века» — имеет программный характер. Она была написана вслед за проходившей с 19 по 29 августа 1964 года Первой Летней школой по вторичным моделирующим системам. Важной темой дискуссии здесь было обсуждение границ применения метода структурного анализа. Основным своим оппонентом Л. называл впоследствии И. И. Ревзина, который «решительно отстаивал неприменимость семиотических методов к индивидуальному творчеству, ограничивая их пределами фольклора» (Не-мемуары. С. 81). Переход от фольклора к анализу индивидуального творчества Л. рассматривал как задачу «переместить значительную часть интересов в область нарушения правил» (там же), «обратиться к анализу наиболее сложных объектов культуры» (Ю. М. Лотман. Заметки о тартуских семиотических изданиях // Труды по русской литературе и семиотике Тартуского университета. 1958–1990: Указатель содержания. Тарту, 1991.

С. 91). Не случайно доклад Л. на этой школе носил название «О принципиальной возможности построения порождающих моделей в литературоведении» (Программа и тезисы докладов в Летней школе по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1964).

В этом контексте статья «Отражение этики и тактики...» — первая историко-литературная работа, опубликованная после школы, — продемонстрировала возможность применения новых теоретических методов в анализе историко-литературного материала. В статье Л. ставит своей задачей изучение «конкретных сплетений идеологических проблем, создающих неповторимую структуру идейной жизни эпохи» и построение ее непротиворечивой «модели» (с. 7 наст. изд.; подробнее о зависимости терминологии этой статьи от ЛСП — см. ниже в комментариях).

Последняя статья Л., специально посвященная Радищеву, — «Из комментариев к „Путешествию из Петербурга в Москву“» — была написана в 1977 г. В этот период Лотмана интересуют комментарий к художественному тексту и с точки зрения практической, и как теоретическая проблема.

Представление о том, что необходимым условием понимания «мира» писателя является реконструкция культурного кругозора его «идеального читателя», имеет в этот период для Л. принципиальное значение. В статье «Текст и структура аудитории», написанной в том же 1977 году, выделенная проблема получает теоретическое обоснование. Такой подход лег и в основу концепции комментария к «Евгению Онегину», работа над которым началась вскоре (книга вышла в 1980 г.).

Однако эта статья, манифестируя новые идеи Л., является и обобщением уже проделанной работы по восстановлению того контекста, в котором современники воспринимали «Путешествие из Петербурга в Москву». К ней примыкает ряд «комментирующих» статей о Радищеве. В настоящем томе эти статьи помещены вслед за работой «Из комментариев к „Путешествию из Петербурга в Москву“».

Вместе с усилением интереса к типологическому описанию русской культуры XVIII — начала XIX в. изменился и подход исследователя к творчеству Радищева. Можно говорить о том, что Радищев уже с начала 1970-х гг. привлекает Л. в первую очередь как «культурная личность». Наиболее важным «радищевским» сюжетом становится для Л. самоубийство Радищева (подробно об этом см. коммент. ¹⁴ на с. 447—448). С возвращением к этой теме связано последнее обращение ученого к Радищеву в книге «Беседы о русской культуре» (СПб., 1994).

Здесь очерк о Радищеве отнесен к разделу «Век богатырей», где даны портреты «людей последней трети XVIII века», которые «при всем неизбежном разнообразии натур, отмечены были одной общей чертой — устремленностью к особому индивидуальному пути, специфическому личному поведению» (Беседы... С. 254). Портрет Радищева, нарисованный здесь, заметно отличается от «мужа тверда», каким он обычно являлся в работах Лотмана. «Мы видим перед собой не хладнокровного философа, осуществляющего своего рода социологический эксперимент, а страстного человека,

совершающего поступки под влиянием мощного голоса эмоций, а потом *post factum* объясняющего их по моделям философии <...> Он силой вдавливал себя в нормы „философской жизни“ и одновременно силой воли и самовоспитания делал эту „философскую жизнь“ образцом и программой жизни реальной» (Беседы... С. 268—269).

ОТРАЖЕНИЕ ЭТИКИ И ТАКТИКИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVIII ВЕКА

ВПЕРВЫЕ — Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1965. Вып. 167 (=Труды по русской и славянской филологии. VIII. Литературоведение). С. 3—32. 24 января 1964 г. Л. писал: «Задумал статью очень хорошую об этике политической борьбы, о неизбежности перехода этики диктатуры в этику цинизма — от Карамзина до Пушкина (Карамзин и фр<анцузская> революция — золотое дно: Карамзин — сторонник Робеспьера, Радищев — его враг!!!)» (Письма. С. 160).

В 1990 г. раздел статьи «3. Политическое мышление Радищева и Карамзина и опыт французской революции» был перепечатан в сборнике «Великая французская революция и русская литература» (Л., 1990. С. 55—68) с небольшими стилистическими поправками и включением материалов из раздела «2. Радищев и проблема революционной власти» (от слов «Руссо был близок к мысли...» до конца раздела). Осенью 1988 г. Л. внес в статью изменения стилистического характера, раздел, посвященный Карамзину, был исключен, и в таком виде статья вошла в ИС (Т. II. С. 134—159). Здесь печатается по первой публикации.

¹⁴ «...идеологическая система <...> непротиворечивая с точки зрения ее создателей. — Центральной проблемой радищевоведения 50-х гг. — и это в полной мере отразилось в дискуссии в «Вопросах философии», в которой принял участие и Л., — была проблема внутренней противоречивости идейного наследия писателя. Особенно часто указывалось на сосуществование в рамках «Путешествия из Петербурга в Москву» либеральных («Хотиллов») и радикальных («Зайцово») глав. Выход, предложенный Г. П. Макогоненко, — рассматривать «Путешествие» как рассказ об эволюции взглядов путешественника (впервые печатно был изложен: Г. П. Макогоненко. О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // XVIII век. Сб. 2. 1940. С. 25—54), не был поддержан радищевоведами (П. Н. Берков. Некоторые спорные вопросы изучения А. Н. Радищева // XVIII век. Сб. 4. 1959. С. 178—183). Л., говоря о концепции Макогоненко, неизменно подчеркивал ее особую роль в изучении Радищева: «„Путешествие из Петербурга в Москву“ изучали как собрание высказываний. Макогоненко в семинаре Гукковского сделал доклад: единство книги в эволюции повествователя. Умер либерал, родился революционер. Потом Макогоненко написал книгу и стало ясно, что это не работает. Но написано хорошо и на фоне пресной литературы того времени важно» (Курс лекций 1991 г., запись Е. А. Погосян).

Другой попыткой объяснить противоречия было стремление рассматривать «Путешествие» как повествование от разных лиц, последовательно оспаривающее один подход за другим (С. Ф. Елеонский, Ю. Ф. Карякин и Е. Г. Плимак). Позицию Л. по вопросу о внутренней логике «Путешествия» см. в разделе «Приложения» наст. изд.: «Идейное содержание „Путешествия из Петербурга в Москву“».

⁷ «...построить ее модель, восстановив все связи представлений той эпохи. — Понятие модели — одно из ключевых в ЛСП (см. раздел «Искусство и проблемы модели»), вышедших незадолго до написания данной статьи. Отправное для своих рассуждений определение модели Л. заимствует в статье: А. А. Зиновьев, И. И. Ревзин. Логическая модель как средство научного исследования // Вопросы философии. 1960. № 1. С. 83. «В качестве модели объекта рассматривается любой другой имитирующий его объект, служащий своего рода заместителем его в процессе исследования» (ЛСП. С. 46).

⁸ «...до осознания основных идеологических оппозиций, определяющих структуру мировоззрения данного деятеля. — Структуру мировоззрения Л. определяет как «систему отношений, которые художник воспроизводит конструкцией своего произведения» (ЛСП. С. 32). Здесь же понятие оппозиции вводится со ссылкой на работу Н. С. Трубецкого «Основы фонологии» (С. 33).

⁹ Исследователи русской революционной идеологии давно уже обратили внимание на то, что программные установки дворянских революционеров-декабристов были значительно уже, чем идеи, выдвинутые их хронологически предшественниками — деятелями Просвещения XVIII в. типа Радищева. — Имеется в виду в первую очередь работа: Б. П. Козьмин. А. Н. Радищев и его «Путешествие из Петербурга в Москву» // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. 1949. № 5. С. 385—398.

¹⁰ «...имел ли Радищев вокруг себя помогавших ему единомышленников или действовал одиночно. — В «Беседах...» Л. писал: «Мы знаем ряд примеров, когда Радищева пробовали представить вождем обширной, но оставшейся по непонятным причинам не разоблаченной политической группы или хотя бы вдохновителем легального литературно-общественного движения» (с. 262). Среди сторонников этой точки зрения Л. называет В. Н. Орлова — имеется в виду составленный им сборник стихотворений поэтов «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» «Поэты-радищевцы» (Л., 1935). По словам Л., «Г. А. Гуковский с присущей ему меткостью окрестил поэтов „Вольного общества“ „детьми лейтенанта Шмидта“» (Беседы... С. 262).

К моменту написания статьи вопрос этот вновь стал актуальным в связи с выходом книги Г. Шторма «Потасненный Радищев» (М., 1965). Г. Шторм писал о Радищеве как о создателе целой конспиративной сети для сохранения черновиков «Путешествия» с целью дальнейшей работы над произведением. Отношение Л. к этой концепции см. в его рецензии «В толпе родственников» (Учен. зап. Горьк. гос. ун-та. 1966. Вып. 78. С. 491—505). «Радищев, — писал Л., — не создал ни заговора, ни партии, ибо для просветителя

XVIII века они представляются в принципе ложной дорогой. Надежда возлагалась на истину» (Беседы... С. 263). Автор последнего по времени комментария к «Путешествию» В. А. Западов, относясь к книге Шторма в целом крайне критически, тем не менее говорит о Радищеве как о «блистательном конспираторе» (В. А. Западов. История создания «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Вольности» // А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 616).

¹¹ «...вступление Радищева в «Общество друзей словесных наук», участие в «Беседующем гражданстве»... — См.: Ю. М. Лотман. Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века: А. Н. Радищев и А. М. Кутузов // Радищев: Статьи и материалы. Л., 1950. С. 81—128.

¹² Спор о бессмертии души и вопросы революционной тактики в творчестве Радищева. — В основе этого раздела лежит детально переработанная глава КД «Мировоззрение Радищева» (с. 39 и след.). Основное направление переработки — использование нового языка для описания идеологических систем.

¹³ В работах М. А. Горбунова, Г. С. Васецкого, М. Т. Иовчука, И. Я. Щипанова, В. С. Покровского, Т. А. Казакевич, Ю. Я. Когана... — Имеются в виду работы: М. А. Горбунов. Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева. [М.,] 1949; Г. С. Васецкий, М. Т. Иовчук. Очерки по истории русского материализма XVIII и XIX вв. М., 1942; И. Я. Щипанов. Общественно-политические и философские воззрения А. Н. Радищева // Из истории русской философии. Сб. статей. М., 1949; В. С. Покровский. Общественно-политические и правовые взгляды А. Н. Радищева. Киев, 1952; Т. А. Казакевич. К вопросу о теории познания А. Н. Радищева // Учен. зап. ЛГУ. 1955. № 168. Сер. филос. наук. Вып. 5. С. 223—243; Ю. Я. Коган. Свободомыслие А. Н. Радищева // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. 1949. № 5. С. 385—415.

¹⁴ «...в трудах Е. Боброва, Г. Шнета и И. И. Лапина. — Имеются в виду работы: Е. Бобров. А. Н. Радищев как философ // Философия в России. Вып. III. Казань, 1900; Г. Шнет. Опыт развития русской философии. Ч. 1. Пг., 1922; И. И. Лапин. Философские взгляды А. Н. Радищева. Пг., 1922.

¹⁵ «...к «чистому афеизму», по выражению А. С. Пушкина. — слова из статьи «Александр Радищев» (Пушкин. Т. XII. С. 35).

¹⁶ «...«тишина насилия»... — Семантика этого словосочетания (социально-негативная для Радищева) подробно рассмотрена Л. в КД на фоне масонской символической фразеологии и официальной фразеологии екатерининской эпохи (КД. С. 139—141).

¹⁷ «...загадки самоубийства. — Проблема самоубийства Радищева была для Л. ключевой для понимания личности и творчества писателя. Подробно о самоубийстве как акте глубоко символическом и для автора «Путешествия», и для современников Л. писал в КД (с. 456—490), впоследствии он включил этот раздел КД в статью «Источники сведений Пушкина о Радищеве» (см. наст. изд.); см. также: Поэтика бытового поведения // ИС. Т. 1.

С. 253, 262–267 (первая публикация в 1977 г.); Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе // *ИС. Т. 2. С. 458–459* (1982); *Беседы...* С. 215–217 и 264–267 (1994) и др.

В статье «Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе» Л. возвращается к отброшенной им в работе «Поэтика бытового поведения» идее о связи самоубийства Радищева и возможной новой ссылке в Сибирь. Такое изменение позиции связано, по-видимому, со стремлением Л. заново пересмотреть свою концепцию личности и творчества Радищева: автор «Путешествия» оказывается сопоставлен здесь с пушкинским Петронием. Это сопоставление, которое лишь наметило возможность параллельного рассмотрения «Путешествия» и «Сатирикона» в контексте проблематики «поэт-тиран», в более поздних работах Л. больше не встречается. Однако в курсе лекций по истории литературы XVIII в., прочитанном Л. в Тартуском университете в 1991 г., он указывал: «У Пушкина был план о Христе, где он хотел выразить идеи античного мира и сменяющего его христианства — там римлянин с чертами Радищева. Он для него — человек умирающей эпохи, материал, мыслящий о праве на свою жизнь» (запись Е. А. Погосян).

В «Беседах...» самоубийство Радищева освещено по-новому. Л. видит в Радищеве «страстного, экспансивного человека, силой разума подчиняющего свои душевные движения чуждым им требованиям теории»: «самоубийство автора „Путешествия“ выглядит как мгновенное, под влиянием аффекта, необдуманное действие. Радищев думал о самоубийстве долгие годы, но в момент действия все оказалось роковым образом неподготовленным» (с. 267).

¹⁷ «...«Находясь в крепости <...> правды ради». — Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.; Л., 1959. С. 71. Подробнее об этом см. в наст. изд. в статье «Об одной самооценке Радищева».

¹⁸ «...в «Дневнике одной недели» — произведении, по убедительному предположению ряда исследователей, написанном приблизительно в то же время, что и трактат... — Время начала работы Радищева над «Трактатом...» определяется по записи автора «Начато 1792 года генваря 15. Илимск» (Радищев. Т. II. С. 370; комментарий Г. А. Гуковского). Что же касается времени написания «Дневника одной недели», то существовало несколько точек зрения. Первый публикатор «Дневника одной недели» относил его к 1780-м гг. (А. П. Радищев. Полн. собр. соч. Ред., вст. ст. и примеч. В. В. Каллаша. М., 1907). Г. А. Гуковский датирует это произведение приблизительно 1773 г. (Радищев. Т. I. С. 460). Н. Н. Берков относит «Дневник одной недели» к началу 1790-х годов: Н. Н. Берков. «Гражданин будущих времен» // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1949. Т. 8. Вып. 5. С. 414–415.

¹⁹ В «Отрывке путешествия в... И*** Т***» (если считать автором его Радищева)... — Обзор литературы вопроса сделан Г. А. Гуковским — см.: Радищев. Т. II. С. 405 и след. См. также коммент. ¹⁷ на с. 472.

²⁰ «...кара, которой подвергли цыганы Алеко. — Подробно см. в статье «Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская тема» у Блока» в наст. изд.

²¹ В «Размышлении о праве наказания и смертной казни» цитируется трактат «Об общественном договоре» Руссо... — «не может быть истинной Демократии, и сие правление <...> не может и по мнению г. Руссо, сделать народа счастливым» (Радищев. Т. I. С. 194). «Ушаков не совсем точно передаст мысль Руссо, изложенную им в „Общественном договоре“ в главе IV книги III („О демократии“»)» (там же. С. 468; комментарий Я. Л. Барскова).

²² «...вечевая республика в духе представлений XVIII в. о строе древнего Новгорода. — См. подробно об этом с. 422–424 наст. изд.

²³ Радищев старательно выписывал из летописи случаи, когда князья целовали крест народу... — Подробно эта тема была разработана в КД; материалы этого раздела диссертации см. на с. 423 наст. изд., а также в статье Л. «Радищев — читатель летописи» (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1965. Вып. 167. С. 213–234).

²⁴ «...утверждение, что описания случаев насилия над отдельными людьми в первой части «Путешествия» — результат либеральных иллюзий путешественника. — Имеется в виду концепция Г. А. Макогоненко (см. выше, с. 445). Л. не разделял его концепции. Однако критические замечания, первоначально высказанные в КД, при доработке текста диссертации были сняты, по всей видимости, в связи с появлением как раз в это время обвинений Макогоненко в стремлении рассматривать Радищева в «отрыве от русской действительности» — см. статью А. В. Западова в сборнике: Радищев: Статьи и материалы. Л., 1950.

²⁵ «Не красна изба углами, а красна пирогами» — Интерпретация этого эпиграфа Л. в КД близка к предложенной позже В. В. Пугачевым.

²⁶ В. В. Пугачеву принадлежит ценное наблюдение, что отрицательные высказывания о Робеспьере датируются совсем не временем якобинской диктатуры. — См.: В. В. Пугачев. А. Н. Радищев: Эволюция общественно-политических взглядов. Горький, 1960. С. 91.

²⁷ И только в конце жизни (не ранее весны 1802 г.) он прямо осудил Робеспьера, приравняв его к Сулле... — «Песнь историческая», в которой Радищев упоминает Робеспьера, по мнению Г. А. Гуковского, автора комментария к «Песни...», была написана после 11 марта 1801 года (Радищев. Т. I. С. 455). Современные исследователи относят ее к илимскому периоду (см., например, комментарий В. А. Западова в кн.: А. Н. Радищев. Сочинения. М., 1988. С. 655). Указание на весну 1802 г. восходит к указанной выше работе В. В. Пугачева.

РАДИЩЕВ И МАБЛИ

ВПЕРВЫЕ — XVIII век. Сб. 3. 1958. С. 276–308. Однако уже в начале 1956 г. в работе «Был ли А. Н. Радищев дворянским революционером?» (Вопросы филологии. 1956. № 3. С. 169) Л. дает ссылку на статью «Радищев и Мабли»

с указанием «готовится к печати». Перепечатана в ИС (Т. II. С. 100–123) с небольшими стилистическими и библиографическими уточнениями.

¹ Указанный еще В. С. Сопиковым... — В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии. Ч. IV. СПб., 1816. № 9493.

² ...редакция полного собрания сочинений А. Н. Радищева включила во второй том полный текст «Размышлений о греческой истории...», дав в примечаниях обширный очерк... — Автор комментария к «Размышлениям...» — Г. А. Гуковский. Л. не называет имени исследователя и в дальнейшем, когда вступает в прямую полемику с его выводами в комментарии к полному собранию сочинений — см. коммент. ⁴.

³ ...«барского скептицизма» <...> возникал аристократический эпикурейский «либертинаж». — Уже в КД Л. описывает «бытовые» изводы модных философских систем как самостоятельный культурный феномен. Именно с этой позиции он рассматривал «барское вольтерьянство», которое «служило теоретическим обоснованием гедонистическим настроениям, эгоизму и цинизму» (КД. С. 229). Ср. его характеристику масонства, бытовавшего «в гостинных» (КД. С. 38). Однако в опубликованных работах Л. тема русского бытового гельвецианства, вольтерьянства и масонства подробной разработки не получила, хотя и приобрела научную актуальность в 1970-е гг.

⁴ ...отмечавшегося в литературе знакомства автора «Путешествия» с ранними произведениями французского философа... — Имеется в виду книга Мабли «Публичное право Европы», вышедшая в 1748 г. (Я. Л. Барсков. А. Н. Радищев: Жизнь и личность. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. М., Л., 1935. С. 89–90).

⁵ ...о положении Польши и Америки <...> труды по вопросам истории и морали... — Имеются в виду книги Мабли: «О государственном устройстве и о законах Польши» (1770–1771); «Наблюдения над государственным устройством и законами Соединенных Штатов Америки» (1784); «Об изучении истории» (1778); «Принципы морали» (1784).

⁶ Указание на связь Мабли с системой Кондильяка <...> опирается на свидетельство самого Мабли в его работе «О развитии и границах разума». — «Я только приложил принципы философии моего брата к морали и политике» (Mably. Collection complète des oeuvres. P., 1794–1795. T. 15. P. 26). Пер. С. С. Софронова (Указ. соч. С. 241).

⁷ ...«мир и тишина»... — Подробно см. об этом в статье «Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века», с. 29 наст. изд.

⁸ ...примечание Радищева к слову «ефоры» представляет справку не только фактическую, обнаруживающую его «осведомленность в столь специальном вопросе греческой истории»... — Автор процитированного Л. комментария — Г. А. Гуковский.

⁹ Исследователи обращали уже внимание на то, что содержание этого текста находится в известной зависимости от трактата Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре». — Имеется в виду, в первую очередь, комментарий Г. А. Гуковского, который писал о втором примечании Радищева к книге Мабли: «примечание Радищева является конспектом „Общественного договора“» (Радищев. Т. II. С. 412).

¹⁰ ...к вечевым республикам Древней Руси. — См. подробно об этом с. 422–424 наст. изд.

ИСТОЧНИКИ СВЕДЕНИЙ ПУШКИНА О РАДИЩЕВЕ (1819–1822)

ВПЕРВЫЕ — Пушкин и его время. Л., 1962. Вып. I. С. 45–66.

¹ ...ссылки на авторитет Радищева в полемике о русском гекзаметре. — Имеются в виду работы А. Востокова «Опыт о русском стихосложении» (СПб., 1817), В. Капниста, Н. Педича, С. С. Уварова («Чтения в Беседе любителей русского слова». Кн. 10. СПб., 1813), В. К. Кюхельбекера «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности» (Вестник Европы. 1817. Ч. 95. № 17 и 18).

² ...многократно рассматривавшийся вопрос: как истолковывалось Пушкиным в тот или иной период творчество Радищева... — Л. рассматривал статью Пушкина как проявление отношения поэта к эпохе Радищева в целом: «Он считал XVIII век веком ошибочным, сурово судил и о Радищеве, и о его веке» (Курс лекций 1991 г., запись Е. А. Погосян).

³ ...беседы с Николаем Тургеневым <...> должны были коснуться и «Путешествия» — книги, известной последнему с детства. — Имеется в виду запись Николая Тургенева в дневнике 1807 года (ему было тогда 18 лет): «Тут приходит мне на мысль Сон Радищева, когда он ехал в Москву („Езда в Москву“»)» (Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 года. Т. I. СПб., 1911. С. 64).

⁴ Круг лиц, от которых Пушкин мог почерпнуть сведения о Радищеве <...> В ряду подобных собеседников в первую очередь должен быть назван Николай Михайлович Карамзин. — Семенников в указанном Л. труде отмечал устный характер источников Пушкина, указывал, в первую очередь, на Н. К. Загряжскую и только затем на Карамзина и Дмитриева. Среди информаторов Пушкина, по мнению исследователя, могли быть также М. М. Сперанский и М. С. Воронцов, хранитель архива А. Р. Воронцова, к которому Пушкин мог иметь доступ (В. П. Семенников. Радищев: Очерки и исследования. М.; Пг., 1923. С. 251–252).

⁵ ... Лужники <...> напоминало о Каченовском как враге просвещения... — Имеется в виду псевдоним Каченовского.

«СОЧУВСТВЕННИК» А. Н. РАДИЩЕВА
А. М. КУТУЗОВ И ЕГО ПИСЬМА К И. П. ТУРГЕНЕВУ

^{6*} «добродушнейшим и любезнейшим человеком» <...> «о веселых Московских вечерах и философских спорах». — Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 33.

^{7*} «он помнит К., Р. и других Руских...» — Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 65. В комментариях к этим словам Л. пишет: «Видимо, соприкосновение Карамзина с окружением Радищева было более близким, чем это обычно представляется. Во время путешествия за границей Карамзин постоянно общался с лицами из радищевского круга: Кутузов и Зинovieв были его школьными товарищами, Платнер — профессором, П. П. Дубровский — хорошим знакомым, а С. Р. Воронцов — братом ближайшего друга. По крайней мере очевидно, что читатель летом 1791 г., сталкиваясь с упоминанием лейпцигского студента Р*, в первую очередь должен был думать о Радищеве, чей непонятный процесс был злобой дня <...> Карамзин не мог не учитывать такой ассоциации. Избежать ее было в его власти — он этого не сделал. Вряд ли это было случайно» (там же, с. 624).

^{8*} Как обстоятельства, так и причины этого трагического происшествия... — Начиная с этого места и кончая словами Не лишено вероятности, что человеком этим был Н. М. Карамзин, следует фрагмент КД (с. 457—474), который Л. включил почти без изменений. Правка к статье сохранилась в экземпляре КД, хранящемся в архиве Л. (сначала карандашом и со с. 470 — синими чернилами).

^{9*} «настойчивые попытки Ульянинского обнаружить ее следы не увенчались успехом...» — См.: А. И. Ульянинский. Радищев в Петербурге. Л., 1939. С. 63.

^{10*} «митрополит Евгений <...> утверждал...» — См.: Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, сочинение митрополита Евгения. Т. I. М., 1845. С. 139.

^{11*} «Катона самоубийцу...» — Н. М. Карамзин. Сочинения. М., 1804. Т. VIII. С. 67.

^{12*} «et la mort un devoir. — «Когда ты — ничто и надежда потеряна, жизнь — позор, а смерть — долг» (франц.) (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 306).

^{13*} ««молодыми якобинцами»...» — слова А. С. Пушкина (Пушкин. Т. XII. С. 306).

^{14*} «в известном письме Жуковскому...» — «Я был масон в Кии. <невской> ложе, т.е. в той, за которую уничтожены в России все ложи» (Пушкин. Т. XIII. С. 257).

^{15*} ««Беседы о том, что есть сын отечества» <...> авторство Радищева было раскрыто лишь в 1908—1909 гг...» — См.: Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1768—1798. Под ред. и со вст. ст. К. А. Военского. СПб., 1908. Ср.: П. Е. Щеголев. Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева // Минувшие годы. 1908. Т. 12. Л. подробно останавливается на вопросе участия Радищева в журнале «Беседующий гражданин» в работе «Из истории литературно-общественной борьбы 1780-х годов XVIII века: А. Н. Радищев и А. М. Кутузов» (Радищев: Статьи и материалы. Л., 1950. С. 99 и след.).

ВПЕРВЫЕ — Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1963. Вып. 139. С. 281—297 (=Труды по русской и славянской филологии. VI) в качестве вступительной статьи к публикации писем А. М. Кутузова к И. П. Тургеневу. По-видимому, именно жанр работы стал причиной того, что она никогда не перепечатывалась и в ИС включена не была.

Обстоятельства подготовки публикации и свою роль в ней Л. осветил в заметке, помещенной вслед за вступительной статьей. Письма были подготовлены к публикации «перед Отечественной войной <...> В. В. Фурсенко, со смертью которого снова затерялись. В 1948 г. по поручению Г. А. Луковского и Н. И. Мордовченко, — пишет Л., — мной были предприняты розыски рукописи В. В. Фурсенко для готовившегося к печати очередного тома сб. «XVIII век». Рукопись была обнаружена в домашнем архиве покойного исследователя и сверена с подлинниками писем, однако, сборник издан не был» (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1963. Вып. 139. С. 296).

^{16*} «...некоторые существенные стороны освещения роли А. М. Кутузова в работах советских литературоведов, в частности и моих, представляются нуждающимися в существенном уточнении. — В КД и статье 1950 года «Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века: А. Н. Радищев и А. М. Кутузов» Л. рассматривал Кутузова и Радищева как непримиримых идейных противников, в борьбе которых отразились основные идеологические коллизии их эпохи.

^{17*} «...ложи вступили на путь, противопоставивший их и деспотическому правительству, и косной дворянской массе. — Характеристика позиции Кутузова-масона как оппозиционной по отношению к режиму была принципиальной для эпохи, когда создавалась статья. Официальная наука рассматривала масонство как течение, ведущее борьбу с прогрессивной философией материализма и атеизмом. В 1966 году Л. написал статью «Масонство» для Советской исторической энциклопедии (статья была перепечатана в Большой советской энциклопедии). Здесь, в частности, говорится: «Масонство выступало как одна из форм организации независимой от правительства оппозиции дворянской общественности» (БСЭ. Т. 15. С. 448).

^{18*} Просветительские идеи XVIII в. ... — т. е. имеющие отношение к русскому просветительству, а не к философскому движению французского Просвещения. Дискуссию о содержании терминов «просветительство» и «просвещение» см. в изд.: Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л. 1961. См. также комментарий к статье «Пути развития русской просветительской прозы», с. 466—467 наст. изд.

^{19*} «...в моей работе 1950 года. — Ю. М. Лотман. Из истории литературно-общественной борьбы 1780-х годов XVIII века: А. П. Радищев и А. М. Кутузов // Радищев: Статьи и материалы. Л., 1950. С. 81—128.

⁷ *Вопрос этот <...> неизбежно приводит к Новикову.* — Задача рассмотреть полемику Радищева с А. М. Кутузовым с учетом позиции новиковского кружка и самого Новикова была поставлена уже в статье «Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века: А. Н. Радищев и А. М. Кутузов». С. 90. Сп. 1.

⁸ *Пушкин <...> имел, в первую очередь, в виду генерала Тучкова...* — Подробно об этом см. в статье «Источники сведений Пушкина о Радищеве» (наст. изд.).

⁹ *Осторожный историк-источниковед будет рассматривать эти документы не в ряду освещающих мировоззрение масонов, а изучая тактику их са-мозащиты в момент, непосредственно предшествующий разгрому ордена.* — Имеется в виду позиция Г. В. Вернадского, который писал: «Нельзя думать, что масоны Новиковского кружка писали так только для отводу глаз, имея в виду неизбежную „перлюстрацию“» (Г. В. Вернадский. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 196).

¹⁰ *Кутузов, посланный в Берлин приобщиться к алхимическим знаниям, выполнял приказ руководителей московского центра с видимой неохотой.* — Загадочное путешествие А. М. Кутузова было подробно рассмотрено Л. в 1980-е гг. в связи с упоминанием этого вояжа в «Письмах русского путешественника». По предположению Л., Кутузов совершил в 1789 г. тайное путешествие в революционный Париж, где и встретился с Карамзиным. Однако Кутузова, в отличие от Карамзина, интересовали масонские дела: он, вероятно, стремился наладить контакты с ложей «Соединенных друзей», во главе которой стоял исключительно интересный социальный мыслитель-утопист Клод Фоме (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // М. Н. Карамзин. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 543–545).

¹¹ *...Фридрих в своей работе о книгоиздательской деятельности Новикова.* — Имеется в виду работа: Л. Я. Фридрих. Книгоиздательская деятельность П. И. Новикова в Москве (1779–1792) // Вопросы истории. 1948. № 8. С. 23–42.

¹² *Истории русской общественно-политической и военной мысли изучаются в неоправданном разрыве.* — Этой проблеме Л. посвятил специальную работу: «Радищев и русская военная мысль в XVIII в.» (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1958. Вып. 67. С. 194–207).

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К «ПУТЕШЕСТВИЮ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»

ВПЕРВЫЕ — XVIII век. Сб. 12. Л., 1977; А. Н. Радищев и литература его времени. С. 29–39. Перепечатано в ИС. Т. 2. С. 124–134 с небольшими стилистическими поправками. Здесь печатается по ИС. Статья была написана как отклик на книгу: Л. И. Кулакова, В. А. Западов. А. Н. Радищев. «Путеше-

ствие из Петербурга в Москву»: Комментарий. Л., 1974, и по сути дела была критически обращена не только к тому отрывку комментария, который упоминается в статье, но ко всей книге в целом.

¹³ *...бытовые реалии <...> понятные современникам цитаты и реминисценции <...> все еще остаются нераскрытыми.* — Об ориентации Л. при подготовке комментария к «Евгению Онегину» на реконструкцию кругозора читателя — см. 444.

¹⁴ *...с тираноубийственными размышлениями Пушкина в Петербурге 1819–1820 гг.* — В биографии Пушкина Л. рассматривает их в контексте сближения Пушкина с П. Я. Чаадаевым. Чаадаева «манил путь русского Брута или русского маркиза Позы», он призывал «повторить в России подвиг Брута и Кассия — ударом меча освободить родину от тирана». С этими настроениями Л. связывает заключительные строки пушкинского стихотворения «К Чаадаеву...» (Ю. М. Лотман. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л., 1982. С. 48–50).

¹⁵ *...«Родамист и Зиновия»...* — А. С. Грибоедов. Полн. собр. соч.: В 3-х тт. Т. 1. СПб., 1911. С. 256. (Соч. М.; Л., 1959. С. 311–312). Более подробный комментарий к данному эпизоду грибоедовского наброска см. в статье Л. «Декабрист в повседневной жизни» (ИС. Т. 2. С. 311), где Л. указывает на Шиллера как на источник характеристики «республиканца» в «Родамисте и Зиновии» в связи с темой «русского маркиза Позы» и смыслом известного эпизода отставки П. Я. Чаадаева.

¹⁶ *...вызывающей столь значительные споры главе.* — В последнем по времени комментарии к «Путешествию» споры эти были подытожены В. А. Западным (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. Изд. подг. В. А. Западов. СПб., 1992. С. 659).

¹⁷ *Последующие комментаторы отмечали, идя за ссылкой Радищева, значение Рейналя для антидеспотической концепции «Путешествия».* — По-видимому, речь идет о подробном анализе многотомного труда Рейналя в связи с идейным наследием Радищева в кн.: Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. Запретная мысль обретает свободу: 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. М., 1966. Отсутствие прямой отсылки, возможно, было продиктовано желанием уклониться от дискуссии, которая Л. не представлялась плодотворной.

¹⁸ *...«асийскими правлениями».* — Указание на полемическое обращение Радищева в этом эпизоде не только к Рейналю, но и к Гельвецию не было учтено в комментарии Западова (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. Изд. подг. В. А. Западов. СПб., 1992).

¹⁹ *...книжность и жизненность отнюдь не обязательно являются взаимоисключающими началами.* — Проблема сложного взаимодействия двух указанных сфер нашла отражение в работах Л. приблизительно этого же времени «Декабрист в повседневной жизни» (1975) и «Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века» (1977).

* То, что Радищев ясно сознавал противоположность традиций, идущих от этих двух писателей, явствует из «Памятника дактилохорейскому витязю». — Вероятно, имелся в виду указание Радищева на то, что Ломоносов «показал истинное свойство языка Российского, нашел опое забыто в книгах церковных», тогда как Тредиаковский, «знав лучше язык Виргилиев, не жели свой», «думал, что и переносения в Российском языке можно делать такие, как в Латинском» (Радищев. Т. I. С. 215–216).

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ XVIII ВЕКА О «ПУТЕШЕСТВИИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»

ВПЕРВЫЕ — Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1963. Вып. 139 (=Труды по русской и славянской филологии. VI). С. 335–338.

ОБ ОДНОЙ САМООЦЕНКЕ РАДИЩЕВА

ВПЕРВЫЕ — Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1966. Вып. 184 (=Труды по русской и славянской филологии. IX). С. 137–141.

РАДИЩЕВ — ПОЭТ-ПЕРЕВОДЧИК

ВПЕРВЫЕ — XVIII век. Сб. 5. 1962. С. 435–439. В основу работы положены материалы, которые вошли в комментарий к стихотворению Радищева «Молитва» (А. П. Радищев. Избр. соч. М., 1952. С. 631–632).

II

В 60-е гг. Л. начинает публикацию материалов ЛД («Пути развития русской прозы 1800–1810-х гг.», 1961; «Пути развития русской просветительской прозы XVIII века», 1961). Продолжением темы становится глубокий и детальный анализ рецепции просветительских идей русскими мыслителями конца XVIII — XIX вв. Центральное место в цикле работ по Просвещению занимает статья «Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века». По мнению Л., Руссо для России — явление уникальное: вскрытая философами антинomia Природы и Цивилизованных в русской культуре задолго до появления Руссо. Именно в этом, считает Л., причина той органичности, с которой философское наследие Руссо было воспринято в России и долгое время продолжало оставаться актуальным. Речь идет не только о текстах, вторичных по отношению к Руссо, но и о фактах возникновения

типологически «руссоистских» систем вне воздействия Руссо (о «предруссоистских» тенденциях в допетровской и послепетровской литературе и их органичном усвоении русской культурой XVIII в. см. в Приложении «Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века»). С комплексом этих представлений пересекается один из основных мифов Просвещения — миф о «золотом веке». Его обновление стимулировало новую волну интереса к понятиям истории и исторического прогресса. Анализ просветительских концепций времени Л. посвящает статью «Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII — начала XIX столетия» (1981). В России начала XIX в. представление о прогрессе тесно связывается с возрождением национальной идеи. Специфика «русского Просвещения» появилась, по мысли Л., в характерном переосмыслении основной руссоистской оппозиции «естественное — извращенное»: естественное стало отождествляться с национальным. «В русском крестьянине, „мужике“, увидели „человека Природы“, в русском языке — естественный язык, созданный самой Naturой» («Арханглы-просветители», с. 249 наст. изд.). Русская культура получала, т. о., статус истинной, т. е., близкой к природному началу, и противопоставлялась европейской — извращенной и ложной. В этом контексте Л. рассматривает явления «арханзма» и «младодархаизма» (статья «Арханглы-просветители». 1986), открывая в предложенной некогда Ю. Н. Тыняновым историко-литературной модели новый культурологический аспект.

Второй раздел настоящего тома объединяет статьи 1960–1980-х гг., посвященные проблемам «русского Просвещения» рубежа XVIII—XIX вв.

РУССО И РУССКАЯ КУЛЬТУРА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

ВПЕРВЫЕ — «Руссо и русская культура XVIII века» // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 208–281. С незначительными поправками библиографического характера и под заглавием «Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века» перепечатана в ИС. Т. II. С. 40–99 (далее: Руссо, ИС). Печатается по этому изданию.

Статья с аналогичным названием была опубликована также в книге: Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969. С. 554–604. В настоящий том не включена, т. к. представляет собой монтаж фрагментов статей, либо полностью вошедших в данный том, либо намеченных к публикации в будущих томах издания. Оригинальные части статьи, впоследствии не переиздававшиеся (о «предруссоистских» идеях в русской литературе XVII — начала XVIII вв. и о воздействии философии Руссо на творчество Чернышевского, Толстого и Достоевского) даются в Приложении «Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века».

К проблеме рецепции идейно-литературного наследия Руссо Л. впервые обращается в КД в главе III, посвященной журнальным обзорам Карамзина 1790-х гг. Анализируется интерес Карамзина к французской револю-

ционно публицистике (Вольней, Шенье, книга Мерсье о Руссо), резкое изменение его позиции после 1793 г. и, как следствие этого, охлаждение к Руссо. Однако в *КД* эта тема не получила развития.

В 1950 г. в личной библиотеке Л. появляется французское издание полного собрания сочинений Руссо (*J.-J. Rousseau. Oeuvres complètes. Paris, 1824*). А в 1957 г. в Ученых записках Тартуского университета (вып. 57) выходит в свет отредактированная для печати III глава *КД* «Эволюция мировоззрения Карамзина (1789—1803)», где динамика отношения Карамзина к философии Руссо рассмотрена уже несколько подробнее. Заканчивая работу над *ДЛ*, Л. публикует по ее материалам статью «Пути развития русской прозы 1800—1810-х гг.» (1961), в которой впервые всесторонне анализируется творчество Карамзина сквозь призму руссоистских идей. В июле 1962 г. в Одессе состоялась конференция, посвященная 250-летию со дня рождения Ж.-Ж. Руссо, куда Л. был приглашен В. С. Алексеевым-Поповым. На ней он выступил с докладом «Восприятие идей Руссо в русской литературе конца XVIII — начала XIX в.» (см.: Тезисы конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Ж.-Ж. Руссо: 1712 — 28/VI — 1962. 16—18 июня 1962 г. Одесса. 1962. С. 78—80). «Осенью 1962 г. Л. уже, видимо, собирался писать на материале доклада статью...» (*Письма*. С. 144). Видно, именно в эти годы у Л. формируется концепция «русского руссоизма», наиболее полно сформулированная им в работах начала 1960-х гг.: «Истоки „толстовского направления“ в русской литературе 1830-х годов» (1962), «„Человек природы“ в русской литературе XIX века и „цыганская тема“ у Блока» (1964, соавт. с З. Г. Минц). В статьях предпринимается попытка очертить хронологические рамки и проследить историко-литературную судьбу «руссоизма» — «термина, которым гораздо чаще пользуются, чем определяют его содержание» (с. 219 наст. изд.).

В 1965 г., когда уже созданы работы, проследивающие развитие просветительских (демократических и руссоистских) идей в русской литературе после Радищева, выходит в свет принципиальная для всего радищевского цикла статья «Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века», второй раздел которой открывает тему «Радищев и Руссо»: «Можно только удивляться тому, что историки русской философии не проделали работы по выявлению <...> всей суммы тех откликов на мысли Руссо, которые заключены в сочинениях русского мыслителя» (с. 28 наст. изд.). Весь этот собранный к середине 1960-х гг. историко-литературный материал теоретически обобщается и анализируется как единый идеологический комплекс в статье «Руссо и русская культура XVIII века» (Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967). По словам Л., приоритетным научным исследованием о руссоизме была для него книга М. Н. Розанова «Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII — начала XIX века: Очерки по истории руссоизма на Западе и в России» (Т. I. М., 1910). Запланированный М. Н. Розановым второй том, обещавший обзор и анализ *русского* руссоизма, так и не появился. Комментируемая работа восполнила эту невольную лакуну.

Понятие «руссоизма», ключевое, по мысли Л., в русской рецепции Просвещения, рассматривается им как «особое типологическое явление европейской культуры» (с. 139 наст. изд.). Это позволяет осмыслить «руссоизм» как метакультурный феномен, раздвинув границы его исследования до начала XX в. Л. разделяет понятия «исторической реальности» и «типологической абстракции», предлагая использовать *второе* как средство описания *первого* — и лишь затем обратиться к «изучению того, как реальное творчество Руссо исторически (а не типологически) превращается в „руссоизм“, а этот последний <...> становится неким абстрактным типом целой цепи истолкований...» (с. 140 наст. изд.).

Таким образом, статья «Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века» стала «фокусом» целого ряда проблем и сюжетов, работа над которыми ей предшествовала, и к которым Л. вновь обращается в 1970—1980-х гг. с новых методологических позиций.

¹⁴ *О раннем русском «руссоизме» мы писали в работе «Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века»*. — См. Приложение: «Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века».

¹⁵ *Сама возможность построить стройную систему, которая могла бы быть приложима к сочинениям Руссо, вызывала у исследователей сомнения*. — В России эта традиция восходит к антируссоистским выступлениям Сумарокова и Екатерины II; в 20-гг. XIX в. ее продолжили Батюшков и Пушкин; позже, закрепленная Беллинским («Руссо не создал никакой философской системы...») — Полн. собр. соч. Т. VI. С. 198), она перешла в исследовательскую литературу XX в. (В. Гурье, М. Н. Розанов, Ш. Дедейан, Г. Рёре). В 1950—1960-е гг. отношение к философской системе Руссо существенно не изменилось (см.: Тезисы конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Ж.-Ж. Руссо. Одесса, 1962).

¹⁶ *Руссо <...> часто воспринимался как автор парадоксов, уже в силу этого не являющийся создателем системы*. — Ср. мнение М. Н. Розанова, отмечавшего искусственную (ложную) природу парадоксов Руссо: «Парадоксом нам может иной раз казаться истина, не достаточно доказанная и идущая в разрез с общепринятым мнением. Парадоксы Руссо обыкновенно идут в разрез с этим мнением, но в то же время они обладают очень слабую степенью убедительности, что не позволяет нам смешивать их с недосказанной истиной» (М. Н. Розанов. Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII — начала XIX века. Т. I. М., 1910. С. 103).

¹⁷ *...исследование В. С. Алексеева-Попова...* — Имеется в виду статья В. С. Алексеева-Попова «Ж.-Ж. Руссо и Великая французская буржуазная революция» (1967), опубликованная позднее в кн.: Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969. С. 487—554.

¹⁸ *Основная оппозиция...* — Использование структуралистского языка в историко-литературной статье принципиально для Л. этого периода. Во вступительной части статьи «Отражение этики и тактики революционной

борьбы в русской литературе конца XVIII в.» он впервые обосновывает продуктивность использования структурных методов при анализе явлений историко-культурного и идеологического ряда. Статью о Руссо с полным основанием можно считать апробацией нового подхода. В данном случае использование структуралистского термина может быть объяснено не только как стилистическое выражение общих методологических установок статьи, но и как факт точного соответствия языка описания объекту описания. Бинарность (или антитетичность) основных положений Руссо была отмечена еще М. Н. Розановым: «В парадоксах Руссо, как и в его творческом воображении, играли большую роль ассоциации по контрасту <...> Точно так же он отвечает на многие другие основные тезисы XVIII века соответствующими им или отрицающими их антитезами. Против принципа разума он выставляет принцип чувств, против общественности — индивидуализм, против материализма — идеализм, против безверия — веру и т. д.» (М. Н. Розанов. Указ соч. С. 103).

⁶⁶ «...вплоть до очищения человеческой речи от слов, которые <...> в социальном мире служат лжи. — Идея просветительской концепции слова как социального знака, вступающего в противоречие со своей природой, подробно рассмотрена в статье «Слово и язык в культуре Просвещения» (ИС. Т. I. С. 216–223). В наст. том не включена, т. к. запланирована к публикации в томе работ Л. по семиотике культуры.

⁶⁷ Ср. парад людей-дробей в «Невском проспекте» Гоголя и оценку художественной функции этого эпизода в кн. Г. А. Гуковского «Реализм Гоголя». (М.; Л., 1959. С. 333–335). — В ссылке на Гуковского Л. неточен. Эпизод из «Невского проспекта», отражающий по мнению Л. соотношение личности и государства (части и целого — «дробь»), рассматривается Гуковским в несколько иной идеологической плоскости: Гоголь, по мысли Гуковского, видит в «цивилизации» силу, раздробляющую не столько личность (превращение человека в «дробь», по Руссо), сколько человеческое сообщество. Ср.: «„Ему казалось, что какой-то демон искромсал весь мир.“<...> Иерархия званій и имуществ <...> делит общество, дробит его единство <...> „Здесь ничто не похоже на столицу, но вместе с тем не похоже и на провинциальный городок, потому что раздробленность многосторонней и, если можно сказать, цивилизованной жизни проникла сюда“» (Г. А. Гуковский. Реализм Гоголя. М.; Л., 1959. С. 333).

⁶⁸ «Стройность системы Руссо достигалась совсем не единообразием отдельных положений, а общностью основных принципов классификации мира. — В критических обзорах XIX–XX вв. наиболее распространенным оставалось представление о «непоследовательности» Руссо, между тем мысль о целостности его системы была выдвинута еще в середине XIX в. Г.-Т. Геттнером: «У Руссо есть гениальная односторонность, отличающая всех мыслителей, для которых единственная цель жизни есть осуществление одной определенной великой идеи» (Г.-Т. Геттнер. Французская литература XVIII века. СПб., 1866. С. 316–317).

⁶⁹ *Вопрос о том, движется ли человек <...> к просвещению, добродетели и счастью или имеет место обратное движение <...> к просвещению, рабству и злу... — Подробно о просветительских концепциях истории см. в наст. изд.: «Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII — начала XIX столетия» и «Архаисты-просветители».*

⁷⁰ «...рижская цензура обратилась в Совет по поводу пропуска книги «*Di Contrat Social* <...>», предлагая ее запретить... — Речь идет непосредственно о донесении Ф. О. Туманского, гражданского цензора рижской таможни, известного своим обскурантизмом. В конце 1790-х гг. цензура была учреждена в Петербурге, Москве, Риге, Радзивилове и Одессе, однако «единственно рижская цензура, действительно, принялась за работу с увлечением, рьяно — оттого и дела, относящиеся до нее, имеются в огромном количестве...» (В. В. Ситовский. Из прошлого русской цензуры // Русская старина. 1899. № 4. С. 171).

⁷¹ Известно, что Екатерина II, охотно повторяя, что она «обокрала» Монтескье... — Из письма Екатерины II к Даламберу: «Вы увидите <...> как там <в Наказе. — Комм.> на пользу моей империи обокрала президента Монтескье, не называя его. Надеюсь, что если бы он с того света увидел меня работающею, то простил бы эту литературную кражу во благо двадцати миллионов людей, которое из того последует» (Бумаги императрицы Екатерины II. Т. II. СПб., 1872. С. 29).

⁷² «...аргументы, которыми Монтескье обосновывал выгоды монархии, она применила для оправдания самодержавия, не являвшегося, по терминологии Монтескье, монархией. — Имеется в виду положение Монтескье, согласно которому монархическое государство должно быть средней величины, тогда как большая империя предполагает исключительно деспотическую форму правления («Дух законов», статья X). Екатерина использует одно из допущений Монтескье, по которому разумными законами монархии можно урегулировать нецивилизованную общественную жизнь народов, живущих под «властью климата», т. е. в полной зависимости от специфических природных условий своей страны. Пытаясь представить Россию как образец просвещенной монархии, Екатерина доводит мысль философа до логического конца: то, что допустимо по отношению к «власти климата», вполне можно применить и в отношении к территории, иными словами, обширная территория империи также может быть приведена в цивилизованный вид разумными законами монархии (см.: Ф. В. Тарановский. Судьба наказа императрицы Екатерины Второй во Франции // Журнал министерства Юстиции. № 1. СПб., 1912. С. 100–127).

⁷³ Часто комментируемые слова Карамзина («Все народное ничто перед человеком. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских») прямо имеют в виду Руссо. — В литературоведении 1940–1950-х гг. этот тезис Карамзина использовался, главным образом, как доказательство его «реакционности»: «Такова формула русского космополитизма конца XVIII века, провозглашенная

Карамзинным...» (А. В. Предтеченский. Общественно-политические взгляды Карамзина в 1790-х гг. // Проблемы русского Просвещения XVIII в. М.; Л., 1961. С. 71). «Дворянскому космополитизму» Карамзина противопоставлялся ярко выраженный «национальный характер» творчества писателей демократического лагеря — Новикова, Фонвизина, Державина, Радищева, Крылова. Тогда же Г. П. Макогоненко предложил рассматривать народность и патриотизм как один из неотъемлемых признаков русского просветительства (Г. П. Макогоненко. К истории русского просвещения и реализма XVIII века // Там же, с. 179). Наиболее авторитетным в этом вопросе было для Л. мнение Н. И. Мордовченко. В письме от 11—12 июля 1985 г. Л. писал: «Работать над Карамзинным я начал в 1947 г., когда вообще эта тема была не в чести. Даже Гуковский называл Карамзина консервативным сентименталистом, постепенно перешедшим в лагерь реакции. Только Н. И. Мордовченко писал о положительной роли Карамзина, Макогоненко даже доказывал, что „карамзинского периода“ вовсе и не было» (имеется в виду статья Г. П. Макогоненко «Был ли карамзинистский период в истории русской литературы?» — Русская литература. 1960. № 4) (Письма. С. 338).

¹⁴ «...часть историков литературы, слишком прямолинейно толкуя известную оценку Пушкиным Комиссии по выработке нового Уложения... — См.: Пушкин. Т. XI. С. 17. Обзор точек зрения см.: Повонайденный автограф Пушкина <...> Подг. текста и комм. В. Э. Вацура и М. И. Гиллельсона. М.; Л., 1968. С. 87—90.

¹⁵ Предметом интереса становится не та или иная авторская идея <...>, а структура авторской личности... — Проблема соотношения творческой личности писателя и его биографии рассмотрена Л. в статье «Литературная биография в историко-культурном контексте: К типологическому отношению текста и личности автора» (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1986. Вып. 683. С. 106—121).

¹⁶ «...кн. Наталья Петровна Голицыной, в будущем знаменитой в пушкинскую эпоху *princesse moustache*, «Пиковой даме»... — Л. имеет в виду факт, описанный в 1834 г. А. С. Пушкиным: «Моя Пиковая дама в большой моде — игроки понтируют на тройку, семерку, туза. При дворе нашли сходство между старой Графиней и кн. Н. П. <Голицыной> и кажется не сердятся...» (Пушкин. Т. XII. С. 324).

¹⁷ На зависимость этих идей Фонвизина от Руссо впервые указала Ф. Элиашберг в неопубликованной работе «Фонвизин и французское Просвещение XVIII века». — Ни Ф. Элиашберг, ни самой работы обнаружить, к сожалению, не удалось. Иной точки зрения на этот вопрос придерживался Г. А. Гуковский, считавший, что системе Фонвизина были ближе идеи И.-Г.-Г. Юсти («Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов». М., 1770. Пер. Авр. Волкова), адаптированного ряд положений «Общественного договора» Руссо к своим более эклектичным и менее радикальным взглядам (Г. А. Гуковский. Фонвизин // История русской литературы. Т. IV. М.; Л., 1947. С. 161—163).

¹⁸ Эпиграфу Руссо полемически противопоставлено у Фонвизина: «Беззакония моя аз познах и греха моего не покрых». — Эпиграф Д. И. Фонвизина к сочинению «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (Д. И. Фонвизин. Полн. собр. соч. М., 1830. Ч. III. С. 1).

¹⁹ «...синтезировать сатирическую прозу XVIII в. с житийной традицией. — Внимание Л. к житийным элементам в прозе Фонвизина следует рассматривать в общем ключе с его интересом к жанру жития у Радищева. Одним из проявлений этого интереса в начале 1970-х гг. стала курсовая работа студентки лотмановского спецсеминара И. В. Душечкиной «Жанр жития в творчестве Радищева».

²⁰ Согласно радищевскому представлению о человеке... — С этих слов до слов непосредственным контролем народа (с. 184—185) текст перенесен из статьи «Радищев и Мабли» (с. 59—60 наст. изд.).

²¹ «...дают основание говорить о большей, по сравнению с Руссо, революционности мышления и выводов Радищева. — Впервые высказанная Г. А. Гуковским в 1938 г., эта идея впоследствии была полностью принята советским литературоведением. В основе ее — представление о «своеобразии философского и социально-политического мировоззрения» Радищева, выросшего на русской почве (Радищев. Т. I. С. VII—VIII; В. С. Покровский. Общественно-политические и правовые взгляды Радищева. Киев, 1952). В экземпляре книги В. С. Покровского, хранящемся в Тартуской библиотеке, рукой Л. отмечены слова: «Уже в эти годы Радищев, под влиянием картин крепостнической русской действительности, по смелости и революционности своих взглядов превзошел французских просветителей XVIII в.» (Указ. соч. С. 56).

²² «...обширным государствам по природе их свойственна монархия. — Имеется в виду положение Руссо, высказанное им в «Эмиле» о том, что «демократический образ правления в основном подходит для небольших государств, аристократический — для средних, а монархический — для крупных» (Ж.-Ж. Руссо. Избр. соч.: В 3 тт. Т. I. М., 1961. С. 692).

²³ «...не в возможности всего народа собираться на площади... — Имеется в виду тезис Руссо о том, что законодателем может быть лишь народ, собранный на площади: «Суверен может действовать, лишь когда народ собран» (Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре. М.; Л., 1938. С. 78).

²⁴ Критерием... — С этих слов и до конца с. 187 текст соответствует фрагменту статьи «Радищев и Мабли» (с. 63 наст. изд.).

²⁵ «...бесспорная для многих исследователей антитеза: «Радищев — сторонник радикальной и Карамзин — консервативно-идиллической интерпретации наследия Руссо»... — Ср. у Гуковского: «Основываясь на теории естественного права и естественного равенства людей, воспринятого в наиболее радикальной трактовке Руссо, Радищев протестует против угнетения человека человеком» (Радищев. Т. I. С. VIII); см. также: Г. П. Макогоненко. Русская проза XVIII века. М., 1950; его же: Радищев и его время. М., 1956).

^{26*} Это мнение, высказанное одним из самых глубоких знатоков русской литературы XVIII в. <...> страдает известной неточностью. — Аргументируя свою позицию, Л. опирается на материалы III главы *КД*, что указывает на возможность полемики с Г. А. Гукковским еще в 1950 г. Однако ни тогда, ни позже (в 1957, когда глава была опубликована) Л. своих возражений не выдвигает. Причина, как представляется, не только в бесспорном для Л. научном авторитете Гукковского, но и в динамике его собственного отношения к творчеству Карамзина. Факты, введенные в конце 1950-х гг. В. В. Пугачевым и самим Л. в научный обиход: сложное и далекое от негативного отношение Карамзина к Робеспьеру, его откровенный интерес к революционной публицистике и, как следствие этого, к общественно-политическим теориям Руссо, — с полной очевидностью опровергли сложившееся (в виду неизученности темы) представление о «дворянской» аполитичности Карамзина и его «консервативно-идиллическом» отношении к наследию французского Просвещения.

^{27*} Однако особенно отчетливо этот поворот во взглядах Карамзина проявился в повести «Моя исповедь»... — С этих слов до слов осмеяния любых нравственных принципов (с. 200—202, конец верхнего абзаца) текст соответствует фрагментам статьи «Пути развития русской прозы 1800—1810-х гг.» (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 104. С. 32—33).

^{28*} Повесть эта направлена и против «Эмиля», и против «Исповеди» Руссо, и — шире — против идей врожденной доброты, а, следовательно, внутренней значительности человеческой личности. — Идея антируссоистской направленности «Моей исповеди» Карамзина, впервые высказанная Л. в *КД* и развернуто обоснованная в *ДД* (см. статью «Пути развития русской прозы 1800—1810-х гг.», 1961), вызвала резкую критику. По мнению Ф. З. Кануновой, «Моя исповедь» — «почти единственная сатирическая повесть Карамзина, направленная против безответственного дворянского воспитания, в результате которого попираются элементарные нравственные нормы и затанцовывается в грязь высокое назначение человека» (Ф. З. Канунова. Эволюция сентиментализма Карамзина («Моя исповедь») // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966. С. 287; *её же*: Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина. Томск, 1967. С. 137—138. Ср. также близкую точку зрения: Е. П. Куприянова. Русский роман первой четверти XIX в. От сентиментальной повести к роману // История русского романа. М.; Л., 1962. Т. I. С. 72). Для литературоведческой ситуации 1960-х гг. позиция Ф. З. Кануновой тем более характерна, что источником непримлемой для многих концепции Л. она считает практически нецитируемого в эти годы Б. М. Эйхенбаума. Имеется в виду его работа о Карамзине, в которой подвергается сомнению «чисто сатирический» характер «Моей исповеди» (Б. М. Эйхенбаум. Сквозь литературу. Л., 1924. С. 45).

^{29*} Попытка одновременно спорить с Руссо в «Моей исповеди» и продолжать его в «Рыцаре нашего времени» характерна и для позиции Карамзина в те годы, и для задач русской литературы... — До Л. ни «Моя исповедь», ни «Ры-

царь нашего времени» в контексте произведений Руссо, фактически, не рассматривались. Исключение составляет лишь работа Ф. З. Кануновой «Эволюция сентиментализма Карамзина («Моя исповедь»)» (Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966), в которой имя Руссо вводится с большой осторожностью и целым рядом оговорок.

^{30*} ...интерес ряда писателей конца XVIII — начала XIX в. к Гомеру. — Имеются в виду переводы И. Ф. Богдановича, Е. И. Кострова, И. Крюкова, К. Кондратовича, М. Н. Муравьева, И. И. Мартынова, Я. А. Галинковского, Н. И. Педича и др.

^{31*} ...проповедуется свобода чувства... — Роман «Новая Элоиза» воспринимался в 1770-х гг. как откровенно аморальный. Вместе с ним в 1770 г. «не было дозволено к печатанию» и «Предисловие к „Новой Элоизе“, или Разговор о романах с одним ученым человеком, соч. Ж.-Ж. Руссо» (см.: Д. Д. Шамрай. К истории цензурного режима Екатерины II // XVIII век. Сб. 3. 1958).

^{32*} Не менее значительным оставалось наследие Руссо для других двух ведущих направлений русской литературы тех лет — связанных с именами Толстого и Достоевского. — О «руссоистской» традиции в творчестве Достоевского и Толстого см. Приложения: «Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века».

ПУТИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ПРОЗЫ XVIII ВЕКА

ВПЕРВЫЕ: Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. Изд. АН СССР. М.; Л., 1961. Не переиздавалась. Печатается по этому изданию.

20—21 октября 1959 г. Группой по изучению русской литературы XVIII в. при ИРЛИ (Пушкинский дом) было проведено Всесоюзное совещание по проблемам русского Просвещения XVIII в. и его влияния на русскую литературу. (Отчеты о работе Совещания см.: Русская литература. 1960. № 1. С. 253—255; Изв. Отд. лит. и яз. АН СССР. 1960. Вып. 3. С. 259—263.) Материалы Совещания были изданы отдельным сборником «Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века» (М.; Л., 1961). В сборник вошли доклад Л. (первоначальное название «Этапы развития и художественная структура русского просветительского романа XVIII века») и выступление, вышедшее под названием «Просветительство и реализм». Доклад Л. вызвал критику П. Н. Беркова и И. З. Сермана, суть которой сводилась к тому, что в докладе преувеличена роль просветительского романа в развитии русской прозы XVIII в. По мнению П. Н. Беркова, «материал, включенный в доклад, можно лишь с большой натяжкой отнести к этому жанру. Между тем, за пределами доклада оказались такие произведения как „Путешествие в землю Офирскую“ Щербатова, романы Захарьина, Аполлоса Байбакова» (Рус-

ская литература. 1960. № 1. С. 225). Противоположную точку зрения на доклад высказал Г. П. Макогоненко, отметив «свежую, острую теоретическую постановку вопроса» (Изв. Отд. лит. и яз. 1960. Вып. 3. С. 263). В докладе впервые была предложена концепция становления жанра русского просветительского романа.

К 1950-м гг. тема русского романа XVIII в. оставалась, фактически, открытой: «История возникновения и развития романа в русской литературе XVIII века почти не разработана в нашей литературе», — констатировал в 1959 г. И. З. Серман (Становление и развитие романа в русской литературе середины XVIII века // Из истории литературных отношений XVIII—XX вв. М.: Л., 1959. С. 82). История изучения вопроса сводилась к нескольким работам, предлагавшим ту или иную классификацию более чем пестрого материала (см.: *И. Белозерская*. Василий Трофимович Нарезный. Историко-литературный очерк. Изд. 2. СПб., 1898; *П. Н. Сакулин*. История новой русской литературы. Эпоха классицизма. М., 1918; *В. С. Печав*. Русский бытовой роман XVIII века. М. Д. Чулков // Учен. зап. Ин-та яз. и лит. Т. 2. М., 1928. С. 5—41). Особняком стоит энциклопедический труд В. В. Сиповского «Очерки по истории русского романа» (СПб., 1909. Т. 1. Ч. 1—2), не утративший своей практической пользы до сих пор. Вероятно, Л. был знаком и с другой его работой «Политические настроения в русском романе XVIII века» (СПб., 1905), где впервые было выделено, но еще никак не квалифицировано творчество писателей просветительского толка: «От той эпохи до наших дней сохранилось несколько туманных образов: Новиков, Радичев — наиболее интересные из них» (указ. соч. С. 2).

Одной из основных тенденций литературоведения 1940—1950-х гг. становится пересмотр историко-литературного наследия XVIII в. «Просветительство» рассматривается как «антифеодалная гуманистическая идеология», представленная в России творчеством Фонвизина, Новикова, Козельского, Щербатова, Радичева. Исследуя традиции русской демократической прозы XVIII в., Л. предлагает свое определение жанра «Путешествия из Петербурга в Москву» — «просветительский роман идеологического типа». Определение для Л. принципиальное: оно вводит сочинение Радичева в широкий спектр просветительских идей — от европейского философского романа XVIII в. до «руссоистской» темы в русской прозе XIX в. Доклад, прочитанный Л. на Совещании, положил начало целой серии работ о русском романе и шире — русской литературе XIX — начала XX вв., обращенной к социальной и философской проблематике Просвещения («Сюжетное пространство русского романа XIX столетия», «Истоки „толстовского направления“ в русской литературе XIX столетия», «„Человек природы“ в русской литературе XIX века и „цыганская тема“ у Блока»).

Комментируемая статья продолжает начатую Л. в 1950-е гг. публикацию материалов, вошедших в ДД. Текст статьи (в сокращении) соответствует первому разделу 2-й главы диссертации «Пути развития прозы 1800—1810-х годов». Все опущенные фрагменты, существенно дополняющие, по мнению составителей тома, опубликованный вариант, приводятся в ком-

ментариях. Тогда же (1959—1960 гг.), на одном из открытых заседаний Группы по изучению литературы XVIII в., Л. выступил с докладом «„Сатирический театр“ 1808 года» (материал второго раздела 2-й главы ДД) о появившейся в начале XIX в. подражательной литературе, воспроизводившей традиции демократической прозы XVIII в. В качестве образца такой литературы и представлен журнал «Сатирический театр, или зрелище людей нынешнего света. Ежемесячное издание на 1808 год» (изд. Ф. Меморский). Материал той же главы, посвященный анализу плутовского (Нарезный), «черного» (традиции Радклиф и Льюиса) и исторического романов в русской литературе конца XVIII — начала XIX вв., вошел в статью «Пути развития русской прозы 1800—1810-х годов» (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1961. Вып. 104. С. 23—27).

Текст заметки «Просветительство и реализм», помещенный в сборнике «Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века» (М.; Л., 1961) в рубрике «Выступления», не соответствует содержанию устного выступления Л. на Совещании. Главная мысль выступления сводилась к доказательству неправомерности применения термина «просветительство» к литературе и идеологии петровской эпохи, на чем настаивал в своем докладе П. Н. Берков. Впервые свою позицию Л. сформулировал в критическом разборе вступительной статьи Ф. Я. Приймы к Собранию стихотворений А. Кантемира (Больш. сер. Б-ки поэта. Л., 1959), в которой поэт фигурирует как «русский просветитель XVIII века» (см.: *Ю. М. Лотман*. Новые издания поэтов XVIII в. // XVIII век. Сб. 4. 1959. С. 459—460. Эта рецензия была написана Л. по поручению П. Н. Беркова в рамках занятий Группы по изучению русской литературы XVIII в.). Позже ее текст был использован Л. при составлении заметки «Просветительство и реализм»: в нее полностью был перенесен фрагмент о понимании «просветительства» классиком марксизма (*Ю. М. Лотман*. Новые издания поэтов XVIII в. С. 458).

¹ На эту особенность политического романа указал еще Карамзин... — Более подробно об отношении Карамзина к традиции политико-педагогического романа Фенелона см.: *Ю. М. Лотман*. «Письма» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 580—582.

² Далее в ДД следует текст: «Это давало возможность двоякого истолкования идей и образов политического романа. Двойкой могла быть и вытекавшая из него традиция — политический роман был предшественником и масонских аллегорий, и социально-философского романа второй половины XVIII в. Двойная возможность построения политического романа как сатирического или утопического в известной мере определила и структуру просветительской философской прозы» (ДД. С. 95—96).

³ Далее в ДД следует текст: «Но необходимо отметить и различие: эпопея, по природе жанра давала меньше простора и для критики, и для утопии, обладала меньшей внутренней емкостью усвоения политических доктрин,

и не случайно, что политический роман в гораздо большей степени привлекал читателей XVIII в.

Итак, политический роман, игнорируя действительность в ее бытовых проявлениях, давал рациональную концепцию жизни, в первую очередь концепцию государственную, то есть политическую. В этом смысле он был прямой противоположностью плутовскому роману» (*ДД*. С. 96–97).

⁶ «...и автор не осуждает его за это. — Точка зрения Л. в значительной степени отличается от принятой официальным литературоведением 1950-х гг. См., например: Русская повесть XVII века. (М.; Л., 1954), где комментатор «Повести о Фроле Скобееве» И. П. Ляпицкий представляет ее как «насмешливую сатиру», автора которой «воодушевляет народная ненависть к крепостникам» (с. 474).

⁷ «...«реализм» прозы подобного типа... — Говоря о «реализме» XVIII в., Л. достаточно осторожен, тогда как в развернувшейся в 50 — начале 60-х гг. дискуссии о раннем русском реализме кавычки со слова «реализм» будут сняты (см.: Г. П. Макогоненко. Русская проза XVIII в. М.; Л., 1950. С. VI; Проблемы реализма: Материалы дискуссии о реализме в мировой литературе. М., 1959). Одной из наиболее дискуссионных тем на Всесоюзном совещании по проблемам русского Просвещения (1959) стала тема, предложенная в докладе и выступлении Г. П. Макогоненко «Русское Просвещение второй половины XVIII в. и проблемы реалистического стиля» (опубликовано под названием «Русское Просвещение и литературные направления в XVIII в.» в: Русская литература. 1959. № 4. С. 23–53) и «К истории русского Просвещения и реализма XVIII в.» (Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 173–189). Г. П. Макогоненко предложил пользоваться термином «просветительский реализм», понимая Просвещение как эпоху «формирования важнейших особенностей реалистического метода» (указ. соч. С. 178). Несмотря на общую тенденцию к пересмотру основных историко-литературных понятий (классицизма, сентиментализма, барокко, реализма), с критикой предложения Макогоненко выступили Л. И. Кулакова, З. И. Гершкович, Е. А. Касаткина, И. З. Серман (см.: Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. С. 263). О взглядах Л. на этот счет см. в наст. изд. коммент. к статье «„Человек природы“ в русской литературе XIX века и „цыганская тема“ у Блока».

⁸ Далее в *ДД* следует текст: «В противоположность „идеологической“, очищенной от реалий природе романа Хераскова, роман Чулкова эмпиричен. Если автор и не надеется (в отличие от писателя XVII в.) уверить читателя в подлинности всех описываемых событий, то он решительно отказывается проникать в душевный мир героя, как недоступный непосредственному наблюдению. Писательский вымысел определяется как ложь: „Владимира жалела ли об отце, об етом я неизвестен; ибо она мне сего не сказывала, а лжи писать я не намерен“ (М. Чулков. Пересмешник, ч. III, с. 233).

Сама „литературность“ литературного произведения подвергается осуждению. С этим связаны многочисленные пародии Чулкова на стиль

и приемы романтической литературы. Особенно же осмеянию подвергается поэзия: „Фая наш начал делать ей изъяснение свое стихами, для того, что прозы ненавидел он смертельное и не умел совсем ею изъясняться“ (там же, ч. I, с. 87)» (*ДД*. С. 103–104).

⁹ Далее в *ДД* следует текст: «В Предупреждении к „Пересмешнику“ автор декларативно писал: „В сей книге важности и правоучения очень мало или совсем нет <...> Человек, как сказывают, животное смешное и смеющееся, пересмевающее и пересмеваемое: ибо все мы подвержены смеху и все смеемся над другими“ (там же, ч. I, с. 2 об. и 3. Декларативный отказ от морализма заставлял ненавидеть чисто развлекательную роль литературы, а это приводило к сближению с отрицаемой самим Чулковым прозой „волшебного“, рыцарского романа). И далее: „Я довольно читывал романов, которые глупых людей исправляют и делают дураками“ (там же, с. 28)» (*ДД*. С. 104).

¹⁰ Далее в *ДД* следует текст: «Генетически предшествовавшая плутовскому роману новелла включала рассказ об одном или нескольких, но тесно связанных между собой похождений. Характерными же признаками плутовского романа является бесконечное, необозримое нагромождение плутией. Эпизоды сменяются один другим, и, если в новелле плут всегда торжествует, поскольку сталкивается с людьми менее ловкими, чем он сам, то в романе счастливому концу предшествуют многочисленные и далеко не всегда приятные для героя приключения; часто он сталкивается с обманщиками еще более ловкими, делается жертвой насилия и хитрости и падает с общественных вершин на самое дно жизни.

Это, на первый взгляд, чисто количественное различие в композиционном построении (небольшое или значительное число эпизодов) обуславливало глубокое различие в идейно-художественной сущности плутовской новеллы и плутовского романа» (*ДД*. С. 105).

¹¹ Далее в *ДД* следует текст: «В литературе высказывалось мнение, что „Чулков откровенно склоняется перед властью денег“ (Г. А. Пуковский. Русская литература XVIII в. М.: Учпедгиз, 1939, с. 227. Ср.: А. В. Западков. Журнал М. Д. Чулкова «И то и се» и его литературное окружение, Сб. «XVIII век», ч. 2., М.; Л.: Изд. АН СССР, 1940, с. 98–100). На самом деле вопрос был более сложен: во власти денег, как и в стремлении к ним, Чулков уже видит и вторую сторону: „Человек, при получении множества богатства, всякое порочное нахальство сделать в состоянии“ (Пересмешник, IV, с. 216). В герос „Пересмешника“ „хотя и говорила часто совесть, но светлая монета делала ей всегда затмение“ (там же, III, 195–196). Вряд ли можно уловить восторг в словах Чулкова о деньгах: „Без оных и человек не человек“ (там же, III, 196)» (*ДД*. С. 107).

¹² «Маркс прямо указывал на связь сенсуалистической гносеологии материалистов XVIII в. с требованием освобождения человека от пут феодализма. — Очевидная для Л. конца 1950-х гг. связь философии Радищева с сенсуализмом Гельвеция все еще не была принята в те годы официальным литературоведением и, в силу этого, требовало аргументации особого рода. Однако

и сам Л. десятью годами раньше (на рубеже 40–50-х гг.) был искренне увлечен выдвинутой Г. П. Макогоненко концепцией «революционности» Радищева, не допускавшей подобных сближений: «Отвергая упрощенное представление сторонников механического материализма (например, Гельвеция), „что человек разумом своим никогда природе <...> не обязан“, Радищев развивает свою точку зрения...» (Ю. М. Лотман. О некоторых вопросах эстетики Радищева // Научные труды, посвященные 150-летию Тарт. гос. ун-та. 1802–1952. Таллин, 1952. С. 162; см. также проштудированную Л. книгу В. С. Покровского «Общественно-политические и правовые взгляды Радищева» (Киев, 1952), отстаивающую концепцию острого неприятия Радищевым материализма Гольбаха и Гельвеция (с. 106).

¹¹ Далее в ДД следует текст: «К. Маркс подчеркивал сложность взаимодействия этих этапов. Хотя он и говорил, что французский материализм ведет „свое происхождение непосредственно от Декарта“ (там же <К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 20-е. Т. 2. М., 1955. — *Комм.*>, с. 139), одновременно в той же работе он указывал: „Французское просвещение XVIII века и в особенности французский материализм были борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против существующей религии и теологии, но и открытой, ясно выраженной борьбой против метафизики XVII века и против всякой метафизики, особенно против метафизики Декарта, Мальбранша, Спинозы и Лейбница“. Далее в „Святом семействе“ упоминается „метафизика XVII века, побитая французским Просвещением и в особенности французским материализмом XVIII в.“ (там же)».

¹² ...в последней трети XVIII в. — Тезис полемически направлен против так называемого «расширительного» понимания Просвещения, рассматривавшего литературу и идеологию петровской эпохи как первый этап русского просветительства (П. Н. Берков, Ф. Я. Прийма, отчасти И. З. Серман).

¹³ Далее в ДД следует текст: «Просветительское сознание XVIII в. исходило из противопоставления „естественного“ порядку реально существующему. Последний мыслился как рабский, унижающий достоинство человека и искажающий его благородный облик. „Человек рожден свободным, а между тем везде он в оковах“ (Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, Соцэкгиз, 1938, с. 3). „Предрассудки, авторитет, необходимость, пример, все социальные учреждения, в которые мы погружены, заглушают в нем природу...“ (Ж.-Ж. Руссо. Эмиль, или О воспитании, 1913, с. 11). Дело было не только в критике современности, но и в том, что ей противопоставлялся некий исконный, первоначальный, правильный порядок, который составляет и первую точку, и конечную цель человеческой истории. Такого рода мышление ярче всего проявилось в сочинениях Руссо, не свойственное демократическому сознанию XVIII в. в целом, требовало „двуплановости“, о которой мы уже говорили в связи с проблемой народности — сопоставления порядка существующего, эмпирически данного, с „естественным“ — теоретическим» (ДД. С. 114–115).

¹⁴ Далее в тексте ДД следует текст: «Даже Н. М. Карамзин, под влиянием захвативших его в конце 80-х — начале 90-х гг., в период всеобщего общественного подъема просветительских идей, писал в рецензии на книгу „Voyage de Mr. Le Vaillant dans l'interieur de l'Afrique par Cap de Bonne Esperance dans les années 1780, 1781, 1782, 1783, 1784 et 1785“: „Путешественники говорят противное прежним, описывающим самыми гнусными красками человека дикого или натурального <...> Бакон говорит, что надобно снова начать действие разума человеческого <...> также бы, может быть, надлежало начать снова и наблюдения, на которых иные философы основывают свои идеи о натуре человеческой и представляют ее злою и не могущею никогда перемениться“. „Я осмелюсь сказать, — продолжает автор, — что если где-нибудь на сей земле уважают еще благопристойность в поведении и во нравах, то надобно идти искать храм ее среди пустынь <...> Развращение во нравах находил он <путешественник. — Ю. Л.> там, где дикие имели обращение с белыми“ (Московский журнал, ч. I, кн. 1, с. 114–116).

П. А. Светлов писал Сперанскому, сидя в монастырской тюрьме:

Я часто жалуясь, почто простой народ
Забыл естественный и дикий жизни род?
Почто он вымыслил гражданские законы
И утвердил почто правительства и троны?
Для счастья, говорят, для счастья только тех,
Которы рвут с нас дань для балов и потех.

(Л. Светлов. А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII века, Сб. «Из истории русской философии XVIII–XIX веков». М., Изд. МГУ, 1952, с. 49)» (ДД. С. 116–117).

¹⁵ Разбойник — тоже своего рода «естественный» человек, он изгнанник из общества. — «Не случайно, — отмечает Л. во 2-й главе ДД, — Шиллер в авторецензии на драму „Разбойники“ сравнивал интерес к герою-разбойнику с интересом к Робинзону Крузо на необитаемом острове» (раздел «Шиллер и русская литература последних лет XVIII — первого пятилетия XIX в.» 2-й главы ДД. С. 319). В дальнейшем Л. будет не раз возвращаться к этой теме в статьях и учебных курсах («Пушкин и „Повесть о капитане Копейкине“», «Сюжетное пространство русского романа», Комментарий к «Евгению Онегину» и др.).

¹⁶ Далее в ДД следует текст: «П. Богданович не был решительным мыслителем, и там, где ему надо было из общего отрицательного отношения к современному обществу сделать конкретные политические выводы, он сознательно прибегает к туманным, уклончивым формулировкам. Он осуждает республики как „подверженные раздорам, мятежам и междоусобным браням“, но тут же пишет: „В самовластных государствах, управляемых волею, своеправием и прихотьюми единого человека, и где отчаяние приводит людей на такие дела, на какие и самая дерзость не всегда устремляется, владелец и его подданные, беспрестанно смущаемые ожиданием самой незапной

смерти, должны препровождать жизнь, исполненную страха и горести» (П. Богданович. Дикий человек..., с. 31)» (ДД. С. 122).

¹⁷ «Отрывок путешествия в... И*** Т***», сделавшийся предметом многолетней полемики... — К моменту публикации статьи споры вокруг «Отрывка» шли уже более ста лет и сводились к единственной проблеме — установлению его авторства. В 1940—1950-е гг., когда в литературоведении развертывается кампания по переоценке личности и творчества Радищева, проблема авторства приобретает идеологическую остроту. Ученые, считавшие автором «Отрывка» Радищева (П. Семеновичев, Я. Л. Барсков, позже П. Н. Берков, Д. С. Бабкин, М. А. Горбунов, Н. В. Баранская), нашли в лице Г. П. Макогоненко, Д. Д. Благого, Л. В. Крестовой непримиримых оппонентов. Последние настаивали на авторстве Новикова, апеллируя к тому факту, что признание автором Радищева «искажает действительное положение вещей и принижает первого русского революционера» (Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1951. С. 242—243). Существовала, однако, и третья точка зрения, в те годы не обсуждавшаяся и принадлежащая А. И. Пезелену: автором «Отрывка» он предлагал считать И. П. Тургенева (А. И. Пезеленов. Н. И. Новиков, издатель журналов. СПб., 1875. С. 238. Обзор точек зрения см. также: Г. П. Макогоненко. Радищев и его время М., 1956).

¹⁸ Исключение составляет в этом отношении исследование Г. П. Макогоненко «Радищев и его время» (М., 1956, с. 427—432). — Исследование Г. П. Макогоненко, однако, также не составляет исключения. На указанных страницах «Отрывок» упоминается два раза и оба в связи с литературной деятельностью Новикова (с. 423 и 430; подробнее см.: Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1951. Гл. VI. С. 227—270). Ссылка на Макогоненко, таким образом, не носила для Л. принципиального характера, а являлась обычным жестом дружеского расположения.

¹⁹ ...указание на главу XIV не может рассматриваться как фиктивное <...> обладал ли писатель, которому мы приписываем сочинение «Отрывка», склонностью к созданию социально-философских романов... — Идея о возможной связи «главы XIV» с проблемой атрибуции «Отрывка» стала темой специальной статьи Ю. Иванова «Воссоздадим реальные обстоятельства: Об „Отрывке путешествия в... И*** Т***» (Вопросы литературы. 1966. № 2. С. 165—171). Автор статьи предполагает, что цифра XIV, поставленная после заглавия, и продолжение «главы XIV», опубликованное на «листе 14», указывают на 14-й населенный пункт от Петербурга, т. е. деревню Любань, где, видимо, и останавливался И. Т. Сопоставляя эти данные с предполагаемой датой и другими обстоятельствами путешествия, Ю. Иванов делает вывод, что «Радищев не имел к „Отрывку» никакого отношения» (указ. соч. С. 171).

²⁰ Далее в ДД следует текст: «Формулировки „Отрывка» потом повторялись в публицистике. Например, с характерной заменой „младенца» на „дикого»,

находим их в опубликованном в „Беседующем гражданине» „Рассуждении о человеке и его способностях».

„Отрывок путешествия в... И*** Т***»: „Чего же требует он? — Необходимо только пропитания».

„Рассуждение о человеке и его способностях»: „Что ему <„дикому». — Ю. Л.> потребно, чтобы учиниться столько счастливым, сколько он может быть? Пропитание для настоящего времени, и естли он думает о будущем, надежда сего первого блага» (Радищев. Статьи и материалы, Изд. ЛГУ, 1950, с. 122. Статья представляет, как нами было недавно установлено, вольный перевод из Рейналя)» (ДД. С. 132).

²¹ ...его выдуманный, «неестественный» характер. — Одним из неосуществленных замыслов Л. осталось переиздание «Переписки Моды» Н. Стрехова в серии «Былой Петербург». В 1996 г. в этой серии вышла подготовленная им еще при жизни совместно с Е. А. Погосян книга «Великосветские обеды» (см.: Ю. М. Лотман, Е. А. Погосян. Великосветские обеды. СПб., 1996).

²² Далее в ДД следует текст: «Переход к новым литературным формам, связанный с углублением социального протеста, не означал отказа от завоеваний предшествующего периода. Безусловно, сохранялась охарактеризованная выше „двуплановость» изложения как характерная черта демократического мышления просветителей, связанная с „антропологическим» подходом к человеку. Сохранились и элементы сатиры, особенно в обрисовке героев из социально-отрицательного ряда. Однако с переходом от сатирико-фантастического к социально-бытовому роману сатира теряет свое универсальное значение, она сохраняется как один из многих — часто не основной — прием в арсенале художественных средств писателя» (ДД. С. 148—149).

²³ ...речь идет, конечно, не о стернианском «путешествии», имеющем к композиции книги Радищева весьма отдаленное отношение... — Полемика о жанре «Путешествия» восходит к работам А. Н. Веселовского, Л. Н. Пумпянского, А. Б. Лехтбау, А. А. Анникста, Г. А. Гуковского, связывавших роман Радищева с западным сентиментализмом и традицией Стерна. С 1920-х до конца 1940-х гг. эта точка зрения не пересматривалась, что нашло отражение в «Истории английской литературы» (Т. I. М.; Л., 1945. С. 541) и «Истории СССР» (Изд. 2-е. Т. I. 1947. С. 661). В 1950—1960-е гг. позиция большинства исследователей, в том числе и Л., сводится к отрицанию влияния на Радищева сентиментальной и, в частности, стернианской традиции. (См.: Н. К. Пиксанов. «Бедная Анюта» и «Бедная Лиза» // XVIII век. Сб. 3. 1958; П. Н. Берков. Некоторые спорные вопросы изучения Радищева // XVIII век. Сб. 4. 1959). В качестве компромиссного варианта В. Н. Орлов предложил формулу «революционный сентиментализм Радищева» (Радищев и русская литература. Л., 1949. С. 18), которая ни тогда, ни позже не встретила поддержки (см.: П. Н. Берков. А. Н. Радищев в истории русской литературы // «Ленинградский университет». 1949. № 28. 1 сент; Н. К. Пиксанов. Указ. соч. С. 312—314).

ИДЕЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ
КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЯ

ВПЕРВЫЕ — Проблемы историзма в русской литературе (конец XVIII — начало XIX в.) // XVIII век. Сб. 13. 1981. С. 82—90. Не переиздавалась. Печатается по этому изданию.

В 1979 г. Л. подготовил и сдал в 13-й сборник «XVIII век» две статьи: «Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII — начала XIX столетия» и «Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (к генезису исторической концепции Карамзина)». Проходя цензуру разных уровней, сборник пролежал в издательстве почти два года (подписан к печати 11.12.81). В апреле 1980 г. Л. писал Б. А. Успенскому: «<...> Прийма <Ф. Я. Прийма, научн. сотр. Пушкинского дома, член редколлегии журнала «Русская литература», печатного органа ИРЛИ. — Комм.> распоясался и публично обнажил чресла — он меня не пропустит, хоть умри (сейчас он занят зарезанием очередного (уже лежащего в типографии) тома «XVIII века» с целью резекции из него моей статьи о Карамзине (помните публикацию о Петре III?)...» (Письма. С. 600). О том же в письме к Б. Ф. Егорову: «...Статьи с моим именем он, конечно, не пропустит» (Письма. С. 289).

Публикация статьи о Карамзине была важна для Л.: в ней предлагалась новая, ломающая сложившееся представление, концепция «Писем русского путешественника», что было достаточной причиной для исключения статьи из центрального академического издания. Вторая статья «Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII — начала XIX столетия» была написана специально для этого тома «XVIII века» и, судя по всему, осуществляла еще и некоторую тактическую задачу: в отличие от первой, она не вызывала «раздражения». Обращение к привычному, уже не раз апробированному материалу, точное попадание в историко-литературный контекст и проблематику сборника должны были свидетельствовать о «благонадежности» автора и, возможно, повысить таким образом шансы статьи о Карамзине. В сборник вошли обе статьи Л.

Комментируемая работа — своего рода резюме высказывавшихся ранее и разбросанных по разным статьям соображений Л. о специфическом понимании истории и исторического прогресса людьми рубежа XVIII—XIX веков («Истоки „толстовского направления“ в русской литературе 1830-х годов»; «Пути развития русской прозы 1800—1810-х годов»; «Руссо и русская культура XVIII века»; «Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры...», 1975, совм. с Б. А. Успенским). Во второй половине 1980-х гг. этот материал становится предметом культурологического анализа («Архангелы-просветители», 1986; «О роли случайных факторов в литературной эволюции», 1989; «Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении», 1989). В законченную культурологическую концепцию эти идеи оформятся в двух последних

книгах Л. «Внутри мыслящих миров» (время написания 1988 г.; впервые на англ. яз.: Universe of the Mind: Theory of Culture. London; N.Y., 1990; на русск. яз. см.: Ю. М. Лотман. Внутри мыслящих миров. М., 1996) и «Культура и взрыв» (М., 1992).

¹ Между тем каждый тип культуры не только отбирает те факты и тексты, которые он считает «историческими», но и вырабатывает свое понятие истории. — Позиция Л. оставалась полемической по отношению к официальной линии сборника («XVIII век». Сб. 13). «Программой» была статья его ответственного редактора Г. П. Макогоненко «Из истории формирования историзма в русской литературе» (с. 3—65), в которой понятие историзма вводилось в качестве очередного «изма», необходимого для дальнейшего «плодотворного» изучения русской просветительской литературы (о термине «просветительский реализм» см. коммент. ⁵ к статье «Пути развития русской просветительской прозы XVIII в.», с. 468). Предложенный Г. П. Макогоненко подход нашел отражение в статьях Г. М. Фридлендера, Н. Д. Кочетковой и некоторых других авторов; Ю. М. Лотман, Н. А. Жирмунская, Л. Н. Лузянина — отчетливо дистанцировались.

² Идея циклического времени Джамбаттиста Вико <...> заметной роли в историческом сознании русского XVIII в. не сыграла, и мы ее оставляем в стороне. — С мнением Л. категорически расходятся в своих статьях Г. П. Макогоненко, Г. М. Фридлендер и Н. Д. Кочеткова.

³ ...исцеление социального зла рисовалось одним в облике столь же мгновенного возрождения природных прав человека — революции, другим — как следствие постепенного прозрения человечества под влиянием Разума и просвещения. — Интерес к закономерностям культурного процесса рубежа XVIII—XIX вв. возникает у Л. еще в период работы над материалами и документами по истории Французской революции (КД). Предметом специальных культурологических штудий этот материал становится в 1980-е гг. В 23-м томе «Трудов по знаковым системам», где появилась статья «О роли случайных факторов в литературной эволюции», была опубликована созвучная ей по проблематике работа Б. А. Успенского «История и семиотика. (Восприятие времени как семиотическая проблема). Статья вторая» [Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1989. Вып. 855 (= Труды по знаковым системам. XXIII). С. 18—38], в которой отмечалось характерное изменение самих понятий *революции* и *эволюции* в эпоху Просвещения: «Новое понимание исторического прогресса замечательным образом отразилось, между прочим, на переосмыслении термина революция. <...> Если ранее противопоставление революции и эволюции соответствовало противопоставлению циклического и нециклического движения — <...> то теперь оно соответствует противопоставлению постепенного и скачкообразного движения, процесса и эксцесса...» (Б. А. Успенский. Указ. соч. С. 33).

⁴ ...тот образ бога, который был скрыт художником в глубинах персонажей картины... — «„Просто человек“ Просвещения — человек в его истинной

природной человеческой сущности, человек из народа и Христос начинают отождествляться» (Ю. М. Лотман. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 371). О многократном возвращении Л. к ивановскому сюжету о Христе см. в коммент. к статье «Истоки „толстовского направления“ в русской литературе 1830-х годов»).

⁵ *Карамзин...* — Последнюю часть статьи, посвященную карамзинским представлениям о соотношении личного и надличностного в историческом процессе, следует рассматривать в общем контексте с напечатанной в этом же томе «XVIII века» статьей Л. «Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. (к генезису исторической концепции Карамзина» (указ. соч. С. 102—131).

АРХАИСТЫ-ПРОСВЕТИТЕЛИ

ВПЕРВЫЕ: Тыняновский сборник. Вторые тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 192—207; переиздано: Радуга (Таллинн). 1992. № 3. С. 53—59; вошло с незначительной технико-стилистической правкой в ИС. Т. 3. С. 356—367. Печатается по этому изданию.

Хотя в ИС статья датируется 1986 г. (год публикации), она была написана в первой половине 1985 г. (28.08.1985 г. «Тыняновский сборник» был уже сдан в набор). Доклад Л. на Вторых тыняновских чтениях в июне 1984 г. не совпадал с текстом сданной в сборник статьи, пересекаясь с ним в части, посвященной Грибоедову. Статья была написана с отчетливой ориентацией на «тыняновский» контекст.

Название «Архаисты-просветители» своей оксюморонной природой ориентировано на предложенный В. Б. Шкловским вариант заглавия главного труда Ю. П. Тынянова («Архаисты-новаторы» вместо тыняновского «Архаисты и новаторы», см.: Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М., 1966. С. 58—59) и призвано заострить внимание на поднятой в статье культурологической проблеме. Л. изначально притягивала тема «мнимых противоречий» в культуре, которые заставляют исследователя двигаться сквозь стереотипы, навязываемые либо самим историко-культурным материалом (самоописаниями, поверхностными интерпретациями современников и т. д.), либо сложившимися в науке схемами, и заново постигать материал в его многообразии. На этом пути книга Тынянова «Архаисты и новаторы» (Л., 1929) была одной из ключевых для Л. и для тех поколений ленинградских гуманитариев, для которых живая связь с идеями формалистов осуществлялась не только через книги и статьи (на них долгие годы невозможно было даже ссылаться), а через людей опоязовского круга.

Подлинным диалогом с тыняновской концепцией литературного «архаизма» явилась статья (по объему — монография) Л. в соавторстве с Б.А. Ус-

пенским «Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры», предпосланная публикации сочинения С. Боброва «Происшествие в царстве теней, или судьбина российского языка» // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1975. Вып. 358. С. 158—254 (Труды по русской и славянской филологии. Т. XXIV) — указаны только страницы набранной петитом статьи, не считая публикации текста и комментариев к нему. В статье, писавшейся в 1973—74 гг., впервые высказана мысль, легшая в основу «Архаистов-просветителей», о просветительской природе ряда идей шишковистов: «И карамзинисты, и шишковисты далеко ушли от принципов философии XVIII в., относились к этой культуре критически и часто полемизировали с идеями энциклопедистов, Руссо и русских поклонников «Общественного договора». Вместе с тем, связи каждого из этих лагерей с названной традицией были одинаково глубокими, хотя и качественно различными. <...> Шишковизм сложно соотносился с идеями народной и национальной культуры, восходящими к Руссо и Гердеру» (указ. соч. С. 181). Здесь эта мысль далее не развивается. Тогда она была важна Л. скорее для указания на генетическую связь обоих лагерей с масонством и идеями новиковского кружка (там же. С. 181—182). Однако затем собственные изыскания (в частности, размышления над личностью Грибоедова, так и не отлившиеся в самостоятельное исследование), а также работы учеников (Л. Н. Киселевой, В. С. Парсамова, Л. О. Зайонц и др.) вновь привлекли Л. к архаистам и к теме их просветительских интересов.

В ИС комментируемая статья недаром помещена в раздел «Механизм культуры», что должно определить ее восприятие не как историко-литературной, а как теоретической. Она прямо продолжает и развивает многие идеи, высказанные Л. в теоретических статьях начиная с середины 1970-х гг. (см. ниже). Весьма важной представляется ее связь с работой, опубликованной в 1983 г.: К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // ИС. Т. 1. С. 110—120. Л. писал: «Еще В. Б. Шкловский и Ю. П. Тынянов обратили внимание на изменение функции текстов в процессе усвоения их чужеродной культурой и в связи с этим на то, что процесс взаимодействия текста связан с его трансформацией» (там же. С. 111). Далее Л. описывает семиотический процесс и условия подобной трансформации.

В статье «Архаисты-просветители» Л. анализирует некоторые аспекты трансформации идей французского Просвещения в процессе их перевода в русский культурный контекст, что, в свою очередь, сближает комментируемую статью с исследованиями Л., посвященными русскому Просвещению, начиная с его первых трудов по Радищеву. Однако сближение, а иногда и прямые переклички с материалом ранних работ выявляет и изменение дискурса. Новый язык описания открывает возможность для новых трактовок. Типологическое сопоставление эпохи Просвещения с Ренессансом и ранним христианством также существенно дополняет прежнюю перспективу.

¹ *комментатор дает краткую, но содержательную справку о полемике вокруг термина «архаисты»...* — Имеется в виду А. П. Чудаков, автор комментария к статье «Архаисты и Пушкин» в цитируемом издании Тынянова.

² *стремление П. Пестеля переодеть русскую армию...* — Подробно этот материал разрабатывался В. С. Парсамовым, который в 1992 г. защитил в Саратовском университете под руководством Л. магистерскую диссертацию «Культурно-языковая позиция П. И. Пестеля», см. также: В. С. Парсамов. П. И. Пестель как «архангел» // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли (к 85-летию Г. А. Луковского). Межвузовский научный сб. Саратов, 1984. С. 126–146.

³ *Основной смыслообразующей оппозицией социологии Просвещения является противопоставление Природы и Предрассудков.* — В ранних статьях Л. эта же оппозиция обычно формулировалась более традиционно (природа — цивилизация). См. статью о Руссо и «Человек природы...» в наст. изд., а также на пушкинском материале: К эволюции построения характеров в романе «Евгений Онегин» // Пушкин. Материалы и исследования. М.: Л., 1960. Т. 3.

⁴ *«Историческое мировоззрение Просвещения не было подлинно историчным, главным в нем были полемичность и антиисторизм.»* — Цитата из Коллингвуда призвана подкрепить важную для Л. и многократно повторяющуюся им (см. ниже, а также другие статьи наст. изд.) мысль о принципиальности для просветителей отказа от истории. Здесь явно ощущается внутренняя полемика со сложившимся взглядом на проблему, наиболее полно представленным в 13-м сборнике «XVIII век» (1981). В этом сборнике была напечатана статья Л. «Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII — начала XIX столетия» (см. наст. изд.), что не отменяло его несогласия с несколько механистическим подходом к просветительской историософии в программных статьях Г. П. Макогоненко и Г. М. Фридлендера (статья последнего носит заглавие «История и историзм в век Просвещения»). Цитата из Коллингвуда кажется ответом на утверждение Г. П. Макогоненко: «Термин „просветительский историзм“ только на первый взгляд кажется парадоксальным, и в этом вينا нашего неисторического <...> представления о воззрениях просветителей на историю» (указ. соч. С. 6).

⁵ *«...человек Просвещения <...> проклинал историческую традицию и чаял наступления нового неба и новой земли.* — Эти слова (Отк. 21, 1) завершают последнюю книгу Л., см.: Культура и взрыв. М., 1992. С. 269.

⁶ *«...заветными отцовскими поверьями.»* — Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Последнее новоселье» (1841). М. Ю. Лермонтов. Собр. соч.: В 6 тт. М.; Л., 1954. С. 182.

⁷ *Это означало сделаться чужим...* — Л. почти цитирует статью А. С. Грибоедова «Загородная поездка»: «Каким черным волшебством сделались мы чужие между своим! <...> Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, <...> он конечно бы заключил <...>, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен» (А. С. Грибоедов. Соч. Л., 1945. С. 380). Любопытно, что Грибоедов пользуется приемом просветительской публицистики для того, чтобы доказать мысль, прямо противо-

положную той, о которой идет речь у Л. Ниже Л. будет обсуждать проблему руссонского культа Природы у Грибоедова, но не соотнесет этих двух аспектов.

⁸ *«Персидские письма» и «Английские письма» не случайно стоят у истока просветительской публицистики.* — Названы основополагающие для культуры европейского Просвещения философские романы: «Персидские письма» (1721) Монтескье и «Философские письма» («Письма, написанные из Лондона об англичанах», 1734) Вольтера, которые часто именуется «Английские письма». Заглавие «Английские письма» носит также полемическое сочинение итальянского последователя Вольтера С. Беттинелли (1766), однако Л., конечно, имеет в виду сочинение самого Вольтера.

⁹ *«вкус деревенский»...* — Цитата из стихотворения В. К. Тредиаковского «Стихи похвальные Парижу» (1728): «Красное место Драгой брег Сенски! / Где быть не смеет манер деревенски» (В. К. Тредиаковский. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 76).

¹⁰ *«...перед его глазами опыт просвещенного абсолютизма.»* — Подробнее об этих проблемах Л. писал в статье «„Езда в остров любви“ Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века» (ИС. Т. 2. С. 22–28).

¹¹ *«...проблемы отношения центра культуры и ее периферии.»* — Понятия центр (ядро) — периферия с начала 1970-х гг. обсуждались Л. в теоретическом аспекте (см., например: «Динамическая модель семнотической системы», 1974 — ИС. Т. 1. С. 99) и на различном историко-культурном материале. К трансформации, которой подвергались идеи Просвещения в Европе середины XVIII — начала XIX в. («бунт периферии против центра»), Л. вернулся в статье «Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении» (опубл. в 1989), см.: ИС. Т. 1. С. 125–126.

¹² *«...народ уже новый»...* — Цитируется «Сатира П. На зависть и гордость дворян злонаправных. Филарет и Евгений»: «Мудры не спускает с рук указы Петровы, / Конми стали мы вдруг народ уже новый» (Антиох Кантемир. Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 75 [Больш. сер. Б-ки поэта]).

¹³ *«...считать которых просветителями означало бы подменять термины игрой слов.»* — Л. имеет в виду расхожие утверждения, подобные характеристике Кантемира, данной в учебнике Д. Д. Благого в специальном параграфе «Просветительство Кантемира» — Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. М., 1945. С. 97.

¹⁴ *«...сиять величием в работе»...* — Цитируется по памяти строка из стихотворения «Вельможа» (1794): «Великий Петр, как некий бог, / Блистал величием в работе» (Г. Р. Державин. Стихотворения. Л., 1957. С. 213 [Больш. сер. Б-ки поэта]).

¹⁵ ...«простерти в работу руки»... — Цитируется 5-я строка из: «Надпись 1 к статуе Петра Великого» (1750): «Рожденны к Скипетру простер в работу руки» // *М. В. Ломоносов*. Полн. собр. соч. Т. 8. М.; Л., 1959. С. 284.

¹⁶ ...никаких реальных биографических побуждений к нему не было. — См. коммент. ¹⁷ к статье «Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века» в наст. изд.

¹⁷ «...Он делом оправдать обязан»... — Цитируется дума «Державин» (*К. Ф. Рылеев*. Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 172 [Больш. сер. Б-ки поэта]).

¹⁸ ...русско-французское двуязычие... — Подробнее см. об этом в статье Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского «Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры».

¹⁹ ...Грибоедов в своем первом литературном выступлении в печати... — Имеется в виду статья Грибоедова: О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора» // *Сын отечества*. 1816. № 30, которой он вступил в полемику о балладе на стороне Н. А. Катенина. Первые публикации Грибоедова в «Вестнике Европы» — «Письмо из Бреста Литовска к издателю» и «О кавалерийских резервах» (1814. № 15 и № 22) — не имели отношения к литературным вопросам.

²⁰ ...«мечты и сущности»... — Л. перефразирует слова Пискарева из «Невского проспекта»: «Боже, что за жизнь наша! вечный раздор мечты с сущностью» // *И. В. Юголь*. Собр. соч.: В 7 тт. Т. 3. М., 1966. С. 28.

²¹ *Весь сотканный из лжи Молчалин — карамзинист...* — Ср. в биографии Пушкина: «В 1810-е годы определенная группа карамзинистов была близка к „либеральной” правительственной бюрократии и быстро делала карьеру. Блудов, Данков, братья Тургеневы, Северин, Жуковский занимали ответственные государственные, дипломатические и придворные посты. Грибоедов, насмешливо относившийся к карамзинистам, в образе Молчалина прозорливо показал, что сентиментальность, романтическая мечтательность, игра на флейте и платонические романы с дочерью вельмож могут прекрасно сочетаться с карьеризмом, душевной черствостью и бюрократическим бездушием. Есть основания полагать, что в характеристику Молчалина вошли портретные черты Уварова». Цит. по: *Ю. М. Лотман*. Пушкин. СПб., 1997. С. 163. Ср. также характеристику Уварова в рецензии Л. на книгу С. Л. Абрамович «Пушкин в 1836 году (Предыстория последней дуэли)» — там же. С. 382–384 («О дуэли Пушкина без „тайн” и „загадок”»).

²² «...хищник возопил»... — «„Вот русской!” — хищник возопил». // *Пушкин*. Т. IV. С. 93.

²³ *Здесь характерно сочетание шишковского слова «первообразный»...* — Л. справедливо указывает на «шишковскую» природу этого слова. Видимо, следует рассматривать грибоедовское определение «первообразный» (народ) как стилистический перевод шишковского «коренной» (язык).

III

КОНЕЦ 1950-х — начало 1960-х гг. было для Л. временем расширения круга научных интересов, перехода от чисто академических штудий о словесности, идеологии, культуре XVIII — начала XIX вв. к работам об официально признаваемой и культурно актуальной классике. Оценивая этот уже свершившийся поворот, Л. писал 27 апреля 1964 Б. Ф. Егорову: «Например, занимайся я всю жизнь Мерзляковым, я уже сейчас был бы „крупнейший специалист по Мерзлякову”, через 10 лет — „наш маститый знаток Мерзлякова”, а еще через 10 лет — и академик, и герой, и мореплаватель, и Плуткин. Чужой хлеб бы не трогал (зачем лезть в Пушкина, или поэтику, или еще куда-то?) и свой бы стерел — о Мерзлякове бы никому писать не давал. Но вот я пишу о Пушкине — это уже почти неприлично (было прежде, теперь, после смерти Томашевского, Пушкин из клетки льва превратился в школьный двор, в котором резвятся молодые диссертанты), а о структурализме думать — „кель орер”». — *Письма*. С. 166.

1957 годом датируются первое масштабное обращение Л. к творчеству Пушкина и первый опыт построения истории новой русской литературы. О своем пушкиноведческом дебюте Л. вспоминал: «В обширной пушкинистике тех лет практически не было новых синтезирующих работ о „Евгении Онегине”. Попытка начинающего автора, зарекомендовавшего себя в печати только несколькими статьями о Радищеве и масонстве, могла восприниматься как дерзость. Меня, еще недавно ходившего в гимнастерке и шинели, это скорее подзадоривало, чем смущало. Я отдал рукопись своей статьи Томашевскому, и он попросил меня через несколько дней зайти к нему в Пушкинский дом <...> Томашевский, которого я увидел, был для меня неожиданно новым — таким я его еще никогда не видел. Он не был насмешливым, не был злым, не был остроумным. Наверное, так выглядел бы немолодой рыцарь, снявший с себя доспехи и латы и аккуратно положивший свой шлем на маленький стол. Томашевский сказал мне, что он прочел статью и что ее надо печатать. С этой своей резолюцией он передаст статью в редакцию. „А когда напечатаем, можно будет и подискутировать”. Это было одобрение, хотя и в свойственной ему сдержанной форме, и я вышел совершенно счастливый <...> Обещанный им разговор не состоялся. <Б. В. Томашевский утопул в Черном море 24 августа 1957 г. — *Комм.*> Когда я много лет спустя вернулся уже под другим углом к той же теме, я многократно пытался представить себе полемические замечания Томашевского». — *Ю. М. Лотман*. Двойной портрет. [Томашевский и Жуковский] // *ЛС*. С. 57. Статья «К эволюции построения характеров в романе „Евгений Онегин”» была опубликована в кн.: *Пушкин. Исследования и материалы*. Т. III. М.; Л., 1960. С. 131–173.

В том же 1957 году Л. в соавторстве с Б. Ф. Егоровым и З. Г. Минц подготовил доклад об этапах развития русской реалистической литературы; доклад был зачитан на заседании кафедры русской литературы ТГУ. Вероятно, обращение к теме диктовалось не только научными, но и преподава-

тельскими интересами соавторов (чтение общих курсов по истории русской литературы), а также некоторым потеплением общественной атмосферы. Позднее доклад был переработан в статью; см.: *Б. Ф. Егоров, Ю. М. Лотман, З. Г. Минц*. Основные этапы развития русского реализма // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1960. Вып. 98 (=Труды по русской и славянской филологии. Т. III). С. 3—23. По свидетельству соавтора, «Лотману принадлежит в этой статье значительная часть, посвященная первой половине XIX века»; см.: *Б. Ф. Егоров*. Личность и творчество Ю. М. Лотмана // *Ю. М. Лотман*. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960—1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 1995. С. 10. (Далее это издание обозначается: *Лотман*. Пушкин.) Здесь, в частности, были осторожно намечены контуры будущих тесно взаимосвязанных работ об истоках «толстовского направления» и «естественном человеке» в литературе XIX в. (нормативность как устойчивая черта русской литературы, связь нормативности и демократизма).

В комментируемых статьях высказано несколько принципиальных идей, сохранивших значимость на протяжении всего творческого пути Л.: о Просвещении как фундаменте русской литературы XIX в., об особенностях русского утопизма, об альтернативах в развитии словесности и культуры, о переализованных культурных возможностях, о природе «реализма» и др. Ряд частных наблюдений статьи о «толстовском направлении» разрабатывался в отдельных монографических исследованиях, как синхронных ей («Идейная структура „Капитанской дочки“»), так и отделенных от основной работы большими временными промежутками («Идейная структура поэмы Пушкина „Анджело“», «Поэтическая декларация Лермонтова») и оставшихся в замысле (статья о «Тазите»). То же относится и к статье о «человеке природы» (ее роль в творческой эволюции З. Г. Минц — особая тема). Комментируемые статьи могут рассматриваться как зерно, из которого развились не только историко-литературные, но и культурологические и методологические построения Л. последующих лет.

Важной особенностью работ стало пристальное внимание к проблемам поэтики (см., например, анализ пушкинского «Когда за городом задумчив я брожу» в первой статье, наблюдения над соотношением «словесного» и «музыкального» начал в «романсной» лирике Блока, замечания об эволюции блоковской тоникки — во второй). Комментируемые статьи писались параллельно с «Лекциями по структуральной поэтике».

Особо значимым было стремление (приметное уже в статье «Основные этапы развития русского реализма») обнаружить принципиальное единство русской литературы. Мысль эта оставалась актуальной для Л. вплоть до его последних выступлений — «В точке поворота» (1991), «Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция» (1992), «О русской литературе классического периода. Вводные замечания» (1992). См. в особенности: «Подлинное понимание культурного значения эпохи Блока (шире — начала XX века) вряд ли возможно в той относительно короткой перспективе, которая обычно в этой связи привлекается. Границы подлинного исторического периода, необходимого для понимания событий, пролегают значительно шире. Если один его край обозначить Пушкининым, а другой — переживаемым

нами временем, то имя Блока окажется расположенным прямо в середине этого периода. Эта хронологическая позиция глубоко символична, и из нее возникает императивная необходимость взглянуть на Блока с позиции этих двух перспектив. Одновременно это вынуждает нас обдумать еще раз наши представления как о пути, который вел к Блоку, так и о дороге, уводившей от него» — *Ю. М. Лотман*. В точке поворота // Тезисы докладов научной конференции «А. Блок и русский постсимволизм». 22—24 марта 1991 г. Тарту, 1991. С. 7. Определяя первую границу периода, Л. дал сноску: «Если бы мы занимались историей государственности, а не литературы (культуры), то эту границу пришлось бы расширить до Петровской эпохи». Ср. в упомянутых выше статьях понятия о «послепетровской эпохе» — от «начала реформ Петра Великого до смерти Пушкина» — и «классическом периоде» — от Пушкина до Чехова, при этом период предшествующий помещен в рамки от Ломоносова до Карамзина, а последующий — от Блока и символистов до нашего времени; см.: Учен. зап. Тарт. ун-та. 1992. Вып. 882 (=Труды по знаковым системам. XXIV). С. 58; Учен. зап. Тарт. ун-та. 1992. Вып. 936 (=Труды по знаковым системам. XXV). С. 79. Ясно обозначенная в поздних работах соотносимость положений Пушкина (и общекультурной ситуации 1830-х гг.), с одной стороны, и Блока (и культуры рубежа веков), с другой, видимо, была актуальна для Л. и ранее. В статье о «человеке природы» Блок осмысливается как завершитель предшествующей литературной эпохи, причем связанный с ее магистральными (с точки зрения авторов) тенденциями. Постоянно подчеркивая связи Пушкина, Гоголя, Лермонтова с «веком Просвещения», Л. в то же время видел в их творческих системах различные тенденции, раскрывшиеся в позднейшей литературе. (Ср. в статье «Две «Осени» (1993): «Подобно библейскому Моисею, Пушкин и Баратынский подвели свой народ к границе обетованной цели, но им не суждено было перейти ее...»; цит. по: *Ю. М. Лотман*. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. СПб., 1996. С. 520.) Аналогично установление связей Блока с литературой XIX в. всегда подразумевало внимание к контексту блоковской эпохи и постсимволистским перспективам. Эта принципиальная позиция, а не только советский идеологический контекст, обусловили стратегию серии блоковских сборников; об этом см. в неподписанной статье З. Г. Минц «О дальнейшем направлении „Блоковских сборников“» — Учен. зап. Тарт. ун-та. 1990. Вып. 917 (=Блоковский сборник. XI). С. 3—5.

Принципиально новаторский характер работ обусловил постоянную, то подчеркнутую корректную, то тщательно замаскированную, но внутренне весьма напряженную полемику. В первой работе ее объектами стали высоко ценимые Л. ученые старшего поколения (Б. В. Томашевский, Д. Е. Максимов, Г. А. Гуковский; отметим, что статья о «толстовском направлении» появилась в год шестидесятилетия Гуковского в томе, посвященном его памяти). Как представляется, более близкими Л. были идеи Б. М. Эйхенбаума, Н. И. Мордовченко, М. К. Азадовского. Важным элементом второй статьи стал спор с исследователями, однозначно связывавшими творчество Блока с романтической традицией: не называемые, но угадываемые Л. И. Тимофеев и В. Н. Орлов. (Ср. обычно негативные характеристики «романтизма» в ра-

ботах Л., в частности, в статье о «толстовском направлении» и стремление отделить молодого Горького от нишканства в соответствующем разделе второй статьи.) Здесь завуалированность полемики, кроме прочего, объяснялась общим идеологическим контекстом — ссылкой на «революционно-романтические» традиции у блоковедов, вынужденных бороться за реабилитацию поэта, служила своего рода «справкой» о его «благонадежности».

**ИСТОКИ «ТОЛСТОВСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1830-Х ГОДОВ**

Впервые: Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1962. Вып. 119. С. 3–76 (=Труды по русской и славянской филологии. Т. V); вошло со значительными сокращениями в ИС. Т. III. С. 49–90. Печатается по тексту первой публикации.

30 августа 1961 г. Л. сообщает Б. Ф. Егорову: «...для сборника (V том) еще не начинал, хотя в голове кое-что и есть»; в письме тому же адресату, неопределенно датированном осенью 1961: «Для V-го сб<орника> я еще не делал ничего и до Нового года ничего не дам. („Режь меня, беи меня!!!)» — *Письма*. С. 132, 133 (выделено Л.). Игровая цитата из песни Земфиры возникла, видимо, по ассоциации с обдумываемой статьей, написанной в поразительно короткий срок. 31 декабря Л. посылает телеграмму Егорову: «Поздравляем новым годом свиноматка рекордсменка пятая опоросилась вчера большими затруднениями приплод весом 630 сдан другу Лаугусте = завхоз Юрмихов». — Там же. С. 134 (в готовом и отданном по инстанции томе 630 машинописных страниц). Заметим, что в ноябре 1961 г. Л. участвовал в трех научных конференциях (Тарту, Ленинград, Горький); см.: Хроника научной работы кафедры русской литературы ТГУ за 1961 год // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1962. Вып. 119. С. 403. Том был сдан в набор 13 февраля, а 17–18 февраля Л. писал Егорову: «Сборник в типографии! Через 5 дней будет корректура!» — *Письма*. С. 135. 26–27 февраля: «...к концу апреля вся книга будет уже в тираже»; 18 апреля: «Сб<орник> проходит вторую корректуру — надеюсь выпустить его к Блоковской» <конференции>. — Там же. С. 137, 141 (выделено Л.).

При ренубликации статьи в ИС (Т. III) Л. исключил из нее фрагменты, послужившие основой для других работ, включенных в издание (статьи об «Анджело» и «Капитанской дочке»), либо существенно им переосмысленные (например, о каменноостровском цикле), либо не получившие развития (о позднем Жуковском). При радикальном сокращении введения ушли не только этикетные формулировки начала 1960-х гг., но и заявка важной темы «Гоголь и Гнедич» (о ней см. ниже). Учитывая принципиальное значение работы в эволюции Л., мы считаем необходимым воспроизведение в научном издании ее первоначального варианта.

“...связь Толстого с Лермонтовым и декабристской традицией... — Среди обширной литературы, посвященной этим вопросам (о Лермонтове и Толстом

см.: Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 577), для Л. здесь, вероятно, были важны работы Б. М. Эйхенбаума. Существенны как его частные наблюдения (см., например: Б. Эйхенбаум. Лев Толстой. Л.; М., 1928. Кн. 1. С. 170–172; Легенда о зеленой палочке // Б. Эйхенбаум. О прозе. Л., 1969. С. 431–438; впервые: Огонек. 1950. № 47), так и общая концепция толстовского архаизма, в которой декабристы и Лермонтов осмысливались в качестве посредников между просветительством в его руссоистском изводе и Толстым. Ср. также статью «Черты летописного стиля в литературе XIX века» (Б. Эйхенбаум. О прозе. С. 371–378; впервые: Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. М.; Л., 1958. С. 545–550), где выстраивается линия Карамзин — Пушкин в работе над «Борисом Годуновым» и архаист Грибоедов в работе над сочинением о 1812 году — Толстой, и ответ на анкету IV Международного съезда славистов, с решительной критикой теории «перехода от романтизма к реалистической литературе» (впервые: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958; ср.: Б. Эйхенбаум. О литературе. М., 1987. С. 458; 537 — комментарий М. О. Чудаковой). Личные контакты Л. с Эйхенбаумом (о них см. в кратких заметках Л. «Двойной портрет» // ЛС. С. 67–68) могли компенсировать ту недоговоренность, что ощущается в поздних печатных работах Эйхенбаума. Ср. его дневниковую запись от 21 ноября 1953: «Очень много думаю, а пишу мало и медленно»; цит. по: М. Чудакова, Е. Тоддес. Наконец и путь Б. Эйхенбаума // Б. Эйхенбаум. О литературе. С. 30, там же подробный анализ духовно-интеллектуального состояния Эйхенбаума в 1950-е гг.

“...тема «Гнедич и Гоголь» не менее закономерна, чем «Гнедич и декабристы»... — Страстное увлечение Гомером в переводе Гнедича проявилось уже в отроческие годы Л.: «...вскоре „Илиада“ Гомера стала его настольной книгой. На даче он рассказывал мне и сестре Ляле эпизоды „Илиады“ с таким воодушевлением, как будто события, в ней описанные, совершались на его глазах». — Л. М. Лотман. Мои воспоминания о брате Юрии Михайловиче Лотмане. Детские и юношеские годы // ЛС. С. 131. Немногим позднее интерес к Гнедичу был стимулирован дружеским общением с А. М. Кукулевым (см. Ю. М. Лотман. Не-мемуары; Л. М. Лотман. Указ. соч. С. 6–7, 134; в частности, об изучении древнегреческого языка под влиянием Кукулевича), автором работы «Русская идиаллия П. И. Гнедича „Рыбаки“» // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 46. Сер. Филол. Вып. 3, сочувственные ссылки на которую появляются в ряде работ Л.

Историко-литературная проблема «Гнедич и Гоголь» в советском идеологическом контексте обретала дополнительный «еретический» смысл. Хотя первое сопоставление Гоголя с Гомером появляется в статье Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835): «Если в наше время возможна гомерическая эпопея, то вот вам ее высочайший образец, идеал и прототип» — В. Г. Белинский. Полн. собр. соч.: В 13 тт. Т. I. М., 1953. С. 304 (речь идет о «Тарасе Бульбе»), в дальнейшем (полемика 1842 г. о «Мертвых душах») критик резко выступал против соображений К. С. Аксакова о сход-

стве Гомера и Гоголя, в частности, их развернутых сравнений. Наряду с Аксаковым о гомеровских (и дагтовских) сравнениях в «Мертвых душах» писал другой объект порицаний Белинского — С. П. Шевырев. См. К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. М., 1981. С. 147; Русская эстетика и критика 40—50-х годов. М., 1982. С. 66; В. Г. Белинский. Указ. соч. Т. VI. С. 419; о подробностях полемики 1842 года см.: Ю. В. Манн. В поисках живой души. «Мертвые души»: Писатель — критика — читатель. М., 1987. Изд. 2-е, испр. и доп. С. 125—165. В дальнейшем о «гомеровских» элементах гоголевского стиля писали А. А. Потебня, И. Е. Мандельштам, В. Я. Брюсов (статья «Испепеленный. К характеристике Гоголя»: «Очень вероятно, что бой под Дубно и написан не столько на основании изучения малороссийской старины, сколько под влиянием перевода Гнедича «Илиады» — В. Я. Брюсов. Собр. соч.: В 7 тт. Т. 6. М., 1975. С. 143. Примеч. 1; впервые: Вестн. 1909. № 4), В. В. Виноградов (подробнее см. в комментариях к статье «Язык Гоголя»: В. В. Виноградов. Избр. труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1990. С. 383.), однако официальное советское литературоведение либо игнорировало проблему, либо бегло отмечало тенденции, ведущие к отрицательно оцениваемым «Выбранным местам из переписки с друзьями» (ср. полемический выпад Л. в начале «гоголевского» раздела статьи — С. 297).

Возражая тезису об опоздании «Илиады» Гнедича, Л. мог иметь в виду и лично-аллюзивный подтекст предисловия И. П. Медведевой (-Томашевской) к тому Гнедича в «Библиотеке поэта»: «Весь цикл его произведений и переводов, объединенный вокруг грандиозного создания — перевода „Илиады“, был кровными узами связан с декабристскими идеями, со своеобразной, действительной интерпретацией гражданской и героической мира древней Греции. Теперь идейная сущность труда Гнедича должна была неизбежно ступенчатся. Теряя высоты поэта-трибуна, Гнедич переставал быть в центре литературной жизни. Больше не было надежд и на прямое участие в общественной и государственной жизни. В своей «Записной книжке» Гнедич спрашивал: „Кто захочет писать, если он может действовать?“ — и сам отвечал: „Но кто и кому дает действовать у нас?“» (И. П. Медведева цитирует: П. Тихонов. П. И. Гнедич. Несколько данных для его биографии. СПб., 1884. С. 73—74.) В «Двойном портрете» Л. вспоминал о мужественном презрении Б. В. Томашевского (мужа И. П. Медведевой, влияние его идей весьма ощутимо в ее работах) к окружающей действительности, убежденно утверждал, что смерть Томашевского («он поплыл далеко в море и больше уже не вернулся») явилась результатом «сознательного самоубийства» — *ЛС.* С. 54—58. Ср. в дневниковой записи Эйхенбаума от 4 июля 1952 г.: «...Иногда с трудом держу себя в руках; подите вы все к чертям — и оставьте меня в покое. Страшные расхождения поколений: совсем не понимаем друг друга. Томашевский спасается в музыкальных пластинках: слушал у него многое» — цит. по: М. Чудакова, Е. Тоддес. Указ. соч. С. 30 — и в сходном контексте у Л. Я. Гинзбург: «Томашевский, завидя гостя, бросается к проигрывателю» // *Лидия Гинзбург.* Человек

за письменным столом. Л., 1989. С. 203. О жизненной позиции и научной работе И. П. Медведевой-Томашевской см.: *Зоя Томашевская.* Как и зачем писалось «Стремя» // *И. Медведева (Д*).* Стремя «Тихого Дона». Загадки романа. М., 1993. С. 121—126; А. Солженицын. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. М., 1996. С. 580—592.

Полемика с И. П. Медведевой не отменяет значимости ее статьи для концепции Л. В частности, И. П. Медведева осторожно предполагает возвращение перевода «Илиады» на картину Александра Иванова (другого героя статьи Л.) «Приам, испрашивающий у Ахиллеса тело Гектора»; см.: *П. И. Гнедич.* Стихотворения. Л., 1956. С. 34.

^{3*} *Такой значительный поэт, как Жуковский...* — Замечание справедливо не только в отношении общих «историко-литературных построений», но и для монографических работ о Жуковском. В книге А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и „сердечного воображения“» (СПб., 1904) жизнь Жуковского второй половины 1820-х — начала 1850-х гг. описана бегло, а тогдашнее творчество — более чем бегло. Тщательно откомментированный некоторые поздние сочинения Жуковского П. С. Вольпе во вступительной статье к двухтомнику «Библиотеки поэта» (Л., 1939. Т. 1. С. XLII—XLVIII) переходит на скороговорку, вероятно, вынужденно. Г. А. Жуковский, анализирующий поэзию Жуковского в рамках жесткой концепции «от романтизма к реализму» («Пушкин и русские романтики». Саратов, 1946; 2-е изд. — М., 1965) сосредоточен на поэзии 1810-х гг. Даже наиболее представительные издания советского периода — Стихотворения: В 2 тт. (Л., 1939—1940; вст. ст., ред. и примеч. П. С. Вольпе), Соч. (М., 1954; вст. ст. Г. Н. Поспелова; подг. текста и примеч. В. П. Петушкова), Стихотворения (Л., 1956; больш. сер. Б-ки поэта; вст. ст., подг. текста и примеч. П. В. Измайлова), Собр. соч.: В 4 тт. (М.; Л., 1959—1960; вст. ст. И. М. Семенко; подг. текста и примеч. И. М. Семенко, П. В. Измайлова, В. П. Петушкова, И. Д. Гликмана), Соч.: В 3 тт. (М., 1980; вст. ст. И. М. Семенко; подг. текста И. М. Семенко, И. Д. Гликмана, Н. В. Измайлова) — далеки от полноты, особенно в отношении позднего творчества. Отход от традиционного небрежения творчеством Жуковского 1830—50-х гг. наметился лишь в 1970-х гг. и, как правило, мотивировался стиховедческими и/или архивными разработками: ср. исследования С. А. Матяш [Неизданное «Общее оглавление» последнего прижизненного собрания сочинений В. А. Жуковского (к вопросу о жанровой системе поэта) // *Русская литература.* 1974. № 2. С. 150—155; Поэма В. А. Жуковского «Рустем и Зораб»: Своеобразие идейного звучания и стихотворного стиля // *Вопросы истории, языка и литературы.* Караганда, 1976. Вып. III. С. 36—45; Неопубликованные главы поэмы В. А. Жуковского «Рустем и Зораб» // *Русская литература.* 1978. № 3. С. 125—131; Метрика и строфика В. А. Жуковского // *Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов.* М., 1979. С. 14—96] и группы литературоведов из Томского университета [Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978 (ч. I); 1984 (ч. II); 1988 (ч. III); А. С. Яцишевич. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жу-

ковского. Томск., 1985; А. С. Янушкевич. Путь Жуковского к эпосу // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 166—178; О. Б. Лебедева. Неопубликованные переводы Жуковского из Софокла // Там же. С. 272—292 и др.]. Ср. сочувственную ссылку на монографию А. С. Янушкевича в статье «Русская литература посленетровской эпохи и христианская традиция» (1991) — ИС. Т. III. С. 136. Примеч. 17.

С другой стороны, следует отметить, что «эпические» («патриархально-идиллические») тенденции в поэзии Жуковского обнаружилась уже во второй половине 1810-х гг. — с этой точки зрения он вполне сопоставим с Гнедичем. Отрицательно воспринятые современниками (в том числе и близкими поэту) тенденции эти практически не привлекали внимания исследователей до 1970-х гг.; ср.: В. Э. Вацуро. <Примеч. к пародии О. М. Сомова «Соложеное тесто»> // Поэты 1820—1830-х годов: В 2-х тт. Т. I. Л., 1972. С. 720—721; В. Э. Вацуро. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л., 1978. С. 118—137. В последней работе, в частности, указано: «Именно Жуковский, а не Гнедич, как это обычно считается, сделал первый практический шаг к созданию русской народной и даже «простонародной» идиллии» (с. 125), завершает же статью, проследившую эволюцию жанра до его высшей (и предполагающей саморазрушение) точки — идиллии Дельвига «Конец золотого века», вывод, перекликающийся с идеями статьи Л.: «Не жанр, но заключенная в нем концепция продолжает жить, модифицируясь в прозе, в эпических формах, в „Старосветских помещиках“ Гоголя, в замысле „Одиссея“ Жуковского, даже влияя в полемике вокруг „Мертвых душ“» (с. 138).

В очерченном контексте тезис, заявленный Л. в 1962 г., видится отчетливо новаторским, открывающим серьезные научные перспективы. Не написав специальных работ о позднем Жуковском, Л., как представляется вероятным, считал и в дальнейшем заполнение этой лакуны важной задачей. Ср. статью ученицы Л., развивающую некоторые положения комментируемой работы и уже названном своим отсылающую к упомянутой вышние статье Б. М. Эйхенбаума: К. <А. >Куман. Черты дегонимного мышления и элементы историзма в мировоззрении В. А. Жуковского // *Quinquagenario*. Сб. статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1972. С. 136—146.

⁷ «...горячо и живо отзывался Белинский. — Из упомянутых сочинений безусловно положительно Белинский оценивал «Уидну» в обзоре «Русская литература в 1841 году» и второй статье пушкинского цикла; см.: В. Г. Белинский. Указ. соч. Т. V. С. 51; Т. VII. С. 199—200. В той же статье «Отрывки из „Илиады“» и «Отрывки из испанских романов о Сиде» включены в перечень пьес, «которые мы считаем или лучшими, или самыми характеристическими» у Жуковского (там же. Т. VII. С. 213). «Маттео Фальконе» безоговорочно упоминает в обзоре «Русская литература в 1843 году» (там же. Т. VIII. С. 94). «Одиссея» возникает в связи с возражениями на посвященную ей статью Гоголя (рецензия на второе издание «Мертвых душ» и «Выбранные места из переписки с друзьями», 1847; см.: Там же. Т. X. С. 51, 71—72). Отпо-

шение Белинского к позднему творчеству Жуковского точно передано в рецензии на 9-й том стихотворений (1844); ср.: «Романтик по натуре, Жуковский и доселе остался романтиком по преимуществу. Как бы чувствуя сам, что уже прошло время для романтической поэзии, Жуковский, обремененный лаврами, является теперь на поэтическое поприще более как ветеран поэзии, нежели как воин, состоящий в действительной службе. Его теперь занимает не сущность содержания, а простота формы в изящном произведении, — и надобно сказать, что в этой простоте с ним было бы трудно состязаться какому угодно поэту. При этой простоте, которой единственный недостаток состоит в том, что она несколько искусственна <...> — при этой простоте стих Жуковского так легок, прозрачен, тепел, прекрасен, что благодаря ему вы можете прочесть от начала до конца «Наль и Дамайнти» — индийскую поэму с немецко-романтическим колоритом — к совершенному вашему удивлению, несмотря на то, что вы привыкли требовать от поэзии пиши не одному вашему чувству или фантазии, по и уму». — Там же. Т. VII. С. 346. Немногим ранее рецензируя «индийскую в полном значении слова» поэму, критик писал о «бездне, поглощающей и уничтожающей личность человека», называл ее персонажей «образами без лиц» (реминисценция «Шильонского узника» в переводе Жуковского) и делал вывод: «Для нас, европейцев, эта поэма интересна как факт первобытного мира, и мы не можем сочувствовать ее суверенно, ее уродливому пиэтизму, даже самым красочам ее». — Там же. Т. VIII. С. 112, 113.

⁸ «...не найдем упоминаний ни «Анджело», ни «Тазита». — Обе поэмы, действительно, были обойдены вниманием исследователей. См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 388—392 (о «Тазите»; наиболее значимое исследование: В. Л. Комарович. Вторая кавказская поэма Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 6. М.; Л., 1941. С. 211—234), 394—398 (об «Анджело»; наиболее значимое исследование: Н. И. Черняев. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900. С. 144—232); автор главы «Поэмы» Б. В. Сандомирская не учла в обзоре комментируемую статью. Показательно, что поэмы игнорировались не только советскими литературоведами, но и русскими мыслителями, сосредоточенными по преимуществу на философско-религиозных аспектах творчества Пушкина и свободными (в дореволюционных или эмигрантских условиях) от цензурных стеснений. О «Тазите» говорится только в очерке Мережковского «Пушкин» (1896); см.: Д. С. Мережковский. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 500. «Анджело» упоминается одной строкой в статье Г. П. Федотова «Невец империи и свободы» (1937): «Из поздних свобода, конечно, одушевляет „Анджело“» — цит. по: Пушкин в русской философской критике. Конец XIX — первая половина XX вв. М., 1990. С. 365.

⁹ «Представления об истории как едином и закономерном поступательном процессе... — Выведение «реализма» из «историзма» характерно для концепций, разрабатывавшихся Б. В. Томашевским и в особенности Г. А. Гуковским. См. книги Гуковского «Пушкин и русские романтики», «Пушкин

и проблема реалистического стиля» (М., 1957), «Реализм Гоголя» (М.; Л., 1959). Формально солидаризируясь с Гуковским, Л. вносит в его концепцию две существенных поправки. Во-первых, если для Гуковского «романтизм» — важнейший этап на пути к «реализму», то Л. постоянно квалифицирует «романтизм» как феномен «антидемократический», эстетически несостоятельный и, в сущности, маргинальный, а новое искусство (термина «реализм» Л. стремится избегать) связывает с Просвещением. Во-вторых, история словесности перестает быть односторонней, утверждается различие «натуральной школы» и конструируемого в статье «толстовского направления», что не только усложняет историко-культурную карту 1830—40-х гг., но и предполагает принципиальную возможность альтернатив в истории.

⁷⁷ ...«вытвердил, как азбуку». — Наряду с «Общественным договором» Раевский упоминает здесь и «Дух законов» Монтескье.

⁷⁸ ...идеальное государство «Атлантида». — Ср. в очерке В. Ф. Раевского: «По согласию, что большая часть соотечественников наших столько же знают об этом, как мы об Атлантиде. Наши дворяне знают географию от села до уездного города...» Иных упоминаний об Атлантиде у Раевского нет.

⁷⁹ В лице поклонником Руссо был Кюхельбекер. — Об этом см. в статье Ю. Н. Тынянова «Пушкин и Кюхельбекер», впервые опубликованной в том же томе «Лит. наследия» (М., 1934. Т. 16—18), что и цитированный Л. строкой выше «Вечер в Кишиневе» В. Ф. Раевского. Ср.: Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 247—250. См. также позднейшую работу: Б. С. Мейлах. «Словарь» В. К. Кюхельбекера // Декабристы и русская культура. Л., 1976. С. 185—204.

⁸⁰ Н. Муравьев вспоминал... — Цитируются «Записки Николая Николаевича Муравьева» (-Карского). В отроческое «тайное общество», планировавшее основание республики на «каком-нибудь острове» (возможно, на Сахалине), входили также будущие декабристы А. З. Муравьев и М. И. Муравьев-Апостол.

⁸¹ Александр Муравьев на следствии показал... — Наряду с Руссо Александр Николаевич Муравьев называет сочинения Макиавелли и Монтескье.

⁸² Б. В. Томашевский <...> считает, что Алеко как романтический герой вообще находится вне суда и оценок. — Имеется в виду глава «„Цыганы“. Идея поэмы» в посмертно изданной монографии «Пушкин» (М.; Л., 1961). Ср.: «В Алеко Пушкин изобразил представителя того поколения, к которому принадлежал и сам. Современному человеку Пушкин мог только сочувствовать и сострадать <...> Задача Пушкина не «развенчание» героя, а изображение его трагической безысходности» — цит. по: Б. В. Томашевский. Пушкин: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 230—231. Трактровка Томашевского несомненно полемична по отношению к «пушкинской речи» Достоевского (1880). Расходясь с предшественником в вопросе о романтизме (и соответственно в трактовке проблемы «автор/герой», о чем см. ниже), Л. учитывает и развивает некоторые наблюдения и решения Томашевского.

⁸³ Такой сюжет совсем не означал стремления уйти от острой проблематики в бухалическое благодушие. — Ср.: «Чувство современности руководило Пушкиным в создании поэмы. Неверно впечатление, будто Пушкин уводит нас из современного общества в экзотический табор, который является каким-то первобытным островком глубокой древности среди нового общества, едва с ним соприкасающегося» — Б. В. Томашевский. Указ. соч. С. 226. Томашевский связывал противопоставление цивилизованного общества (с его индивидуалистическими «страстями» и «просвещением») и мира цыган не с кишиневским декабристским окружением Пушкина, но с системой тех «гуманистических идеалов, которые воодушевляли Пушкина и людей его поколения, идей, уже сложившихся много ранее в сознании лучших представителей XVIII в.» (с. 225—226), цитируя, в частности, лицейского профессора А. П. Куницына и Ж. де Сталь.

⁸⁴ ...в дни молодости в старом цыгане кровь «весело кипела». — «Я молод был моя душа / Во время весело кипела».

⁸⁵ Мабли писал... — «Размышления о греческой истории или причинах благоденствия греков. Сочинение г. аббата де Мабли». См. статью «Радищев и Мабли» в наст. изд.

⁸⁶ «в просвещении стать с веком наравне» — «Чаадаеву» (1821).

⁸⁷ Где благо, там уже на страже Иль просвещение, иль тиран. — («К морю», 1824); окончание 13 строфы при жизни Пушкина не печаталось и заменялось строками отточен. См. об этом: Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. Л., 1924. С. 22—23. Л. последовательно рассматривает черновые и снятые по цензурным или автоцензурным причинам фрагменты текстов наряду с печатными. Ср. ниже анализ «монолога Алеко над колыбелью сына», пристальное внимание которому уделено и Томашевским: «Наиболее сильные обвинения против общества высказаны в отрывке, не вошедшем в печатный текст поэмы и известном нам по недоработанной черновой рукописи. Однако Пушкин ознакомил друзей и с этим отрывком <далее ссылка на рецензию Вяземского. — Комм.> Одно то, что Пушкин не скрывал существования монолога, дает право учитывать и его при разборе поэмы, тем более что мы не знаем точно поводов, по которым Пушкин не включил этого монолога в законченный текст своего произведения». — Б. В. Томашевский. Указ. соч. С. 228—229.

⁸⁸ В предшествующий период Пушкин <...> считал, что народ <...> может двигаться к свободе лишь подчиняясь просвещенному руководству. — Ср. об этом в статьях «Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века» (в наст. изд.) и «Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель» (1959; см.: ИС. Т. II. С. 282—349). Ср. также в статье «Из комментариев к „Путешествию из Петербурга в Москву“» анализ эпизода из главы «Зайцова» (коллективное убийство ассессора) и различных решений проблемы тираниубийства в творчестве Пушкина и у декабристов-романтиков (в наст. изд.).

^{19*} «С вольностью святой Законов мощных сочетанье». — «Вольность» (1817).

^{20*} *Тя же мысль развивал и Радищев в хорошо известном Пушкину трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии».* — Детальный анализ противоречивых воззрений Радищева на проблему частной собственности на землю см. в статье «Радищев и Мабли» (в наст. изд.). С трактатом Радищева Пушкин был знаком по «Собранию оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева» (М., 1809; ч. II—III) — см.: «Источники сведений Пушкина о Радищеве. (1819—1822)» (в наст. изд.).

^{21*} *Радищев писал...* — «О человеке, о его смертности и бессмертии». Кн. 1 (1792).

^{22*} *Позиция Пушкина была более сложной...* — Развивающий идею следующего далее фрагмента анализ двух типов поведения («декабристско-ригористического» и в духе «Арзамаса» или «Зеленой лампы») с проекциями на поэзию Пушкина конца 1810 — начала 1820-х гг. см. в статье «Декабрист в повседневной жизни. (Бытовое поведение как историко-психологическая категория)» (1975) — ИС. Т. I. С. 299—303, 320—328, где цитируются те же строки из «Краев земных испытанный любитель...» (1817) и начало оды «Вольность». Ср. также в биографии Пушкина: *Лотман*. Пушкин. С. 46—52.

^{23*} *Раевский призвал Пушкина оставить «другим певцам любовь» и воспеть свободу.* — Цитируется сочиненное в Тыраспольской крепости послание «К друзьям в Кишинев» (1822); см.: *В. Ф. Раевский*. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967. (Больш. сер. Б-ки поэта) С. 154.

^{24*} *В том же духе высказывался и С. Тургенев.* — Имеется в виду дневниковая запись С. И. Тургенева от 1 декабря 1817 г.: «Мне опять пишут о Пушкине, как о развертывающемся таланте. Ах, да поспешат ему вдохнуть либеральность и вместо оплакивания самого себя, пусть первая песнь его будет: Свободе» — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 1. М.; Л., 1936. С. 197.

^{25*} *<И взор я бросил на> людей...* — Черновой набросок «Бывало в сладком ослепленье...» (1823), из которого выросли стихотворения «Демон» и «Свободы сеятель пустынный...».

^{26*} *Кто жил и мыслил, тот не может...* — «Евгений Онегин», I, XLVI. Об этой строфе и ее связи с пушкинским кризисом 1823 г. Л. писал в статье «К эволюции построения характеров в «Евгении Онегине»». См.: Пушкин: Исследования и материалы. Т. 3. М.; Л., 1960. С. 142—143. Представляется вероятным, что это наблюдение над переосмыслением Пушкиным Онегина стимулировало переход Л. от историко-текстологического изучения романа к исследованию его художественной структуры. Пример с XLVI строфой открывает список романских «противоречий» в статье «Художественная структура „Евгения Онегина“»; см.: Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1966. Вып. 184. С. 27. (=Труды по русской и славянской филологии. Т. IX). Ср. там же: «В черновых рукописях второй главы Онегин сливается с лирическим героем элегии „Демон“ и высоким, трагическим образом Алеко» — с. 28. См. также в спецкурсе о «Евгении Онегине» и комментарии к роману: *Лотман*. Пушкин. С. 407—409; 581—583.

^{27*} *«мирные народы» — «Паситесь, мирные народы! / Вас не разбудит чести клич» («Свободы сеятель пустынный...», 1823).*

^{28*} *Здесь нельзя говорить о том, что герой произведения является alter ego самого автора в том смысле, в котором Пушкин писал о творчестве Байрона.* — Имеются в виду характеристики из пушкинских набросков <<О драмах Байрона>> и <<О трагедии Олина „Корсер“>> (1827). Оспаривая лирический автобиографизм Алеко, Л. замаскированно полемизирует с Томашевским. Ср.: «Алеко, как и Пленник, не лишен некоторых автопортретных черт (что подчеркнуто уже выбором имени), но и здесь мы видим задачу поэта не в субъективном самораскрытии, а в изображении объективно обобщенного представителя современного русского общества <...> Автобиографический налет — необходимая принадлежность романтического героя» — *Б. В. Томашевский*. Указ. соч. С. 219. Для Томашевского «социально-романтические» размышления Пушкина в 1823—1824 гг. продолжают линию, наметившуюся уже при создании «Кавказского пленника» (там же. С. 228), соответственно и появление «Демона» мыслится им как закономерное (там же. С. 164; см. также: *И. Н. Медведева*. Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 6. М.; Л., 1941. С. 51—71) — ср. ниже у Л. «В творчестве Пушкина мелькнул образ Демона».

^{29*} *Как будто нам уж невозможно...* — «Евгений Онегин» (I; LV1).

^{30*} *...читал Сен-Жюста.* — См.: *Лотман*. Пушкин. С. 319—321 («Пушкин — читатель Сен-Жюста», 1960).

^{31*} *...представление о закономерной связи психологического содержания образа и характера времени, духа эпохи.* — Этот тезис, как и вытекающий из него следующий (о конфликте героев как конфликте эпох) восходит к концепции Г. А. Гуковского; см.: *Г. А. Гуковский*. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 279—412 (глава четвертая «Произведения 1830-х годов»; об упомянутых Л. «Скупом рыцаре» и «Пиковой даме» — с. 309—323; 343—353).

^{32*} *«Не будем ни суеверны...»* — Письмо А. А. Дельвигу от начала февраля 1826 г.

^{33*} *...Петр «Полтавы», воплотивший в себе поступательное развитие истории, герой лишенный всего, что делало бы его не только историческим деятелем, но и человеком.* — Подобная трактовка Петра намечена уже Гуковским (ср.: «Сила Петра и правда его в том, что он творит общегосударственное дело, в том, что он воздвигает себе памятник „в гражданстве северной державы, в ее воинственной судьбе“» — *Г. А. Гуковский*. Указ. соч. С. 89), но Л. ее усиливает, специально подчеркивая «внечеловечность» персонажа. Ср. конкретизацию этого тезиса в статье «Посвящение „Полтавы“ (адресат, текст, функция)» (1975): «Осуждению подвергаются все герои, чьи личные устремления — злодейские или благородные — диктуются не желанием слиться со стихийным движением истории, сделаться, как Петр, ее персонализированным воплощением, а любовью, ненавистью, — человеческими страстями. Все они — от злодея Мазепы до „как агнец“ кроткого Искры —

осуждены на забвение. Причем судьей демонстративно избрана История: точка оценки вынесена на сто лет в будущее по отношению ко времени сюжетного действия поэмы. Только отказавшийся от всего личного Петр (ср. противоположное построение характера Петра в „Арапе Петра Великого“) сохраняет право на память потомков». Цит. по: *ИС. Т. II. С. 375.*

В биографии Пушкина (1981) Л. вносит важное уточнение: «В борьбе с романтическим субъективизмом Пушкин был склонен в 1826–1829 гг. даже резко преуменьшать роль личной активности отдельного человека. В споре с личностью история представлялась ему всегда заведомо правой. Резкие антиромантические выпады сочетались в его сочинениях этих лет с прославлением победоносного хода Истории, которая в его мыслях чаще всего воплощалась в образе Петра Великого.

Однако признание безусловного приоритета общего над частным, истории над человеком, составляя глубокое убеждение Пушкина в эти годы, противоречило гуманному пафосу его творчества и являлось, в известной мере, насильем над собой <...>

В 1826 г. в черновиках шестой главы „Евгения Онегина“ появилось:

Герой, будь прежде человек (VI, 411).

Мысль эта, пройдя через незавершенные тексты, выйдет на поверхность творчества в Болдинскую осень:

Оставь герою сердце! Что же

Он будет без него? Тирани... (III, 253)». — *Лотман. Пушкин. С. 118–119.*

См. также: *ИС. Т. III. С. 133* («Русская литература посленетровской эпохи и христианская традиция»). Поскольку для Л. философско-художественные искания Пушкина мыслились в неразрывном единстве с его опытами практической политики, напомним, что в заметке «Несколько добавочных замечаний к вопросу о разговоре Пушкина с Николаем 18 сентября 1826 года» (1990) предполагается, что именно Пушкин предложил императору Петра Великого в качестве образца для подражания. — *Лотман. Пушкин. С. 366–368.*

¹¹⁶ «Эти казни не вероятны...» — «Замечания о бунте» («Общие замечания»).

¹¹⁷ «Сей варвар не щадил ни возраста, ни пола...» — «Станс граду Сибирску на Пугачева» (1774).

¹¹⁸ «Расскажи мне, говорил я Д. Пьянкову...» — «Замечания о бунте» (<10>).

¹¹⁹ «Замечательна разность...» — «Замечания о бунте» (<14>).

¹²⁰ «...милости, а не правосудия...» — Завершающийся здесь анализ последней пушкинской повести развернут в статье «Идейная структура „Капитанской дочки“» (1962; см.: *ИС. Т. II. С. 416–429*). Положения этой статьи, как и тесно связанной с ней работы об «Анджело», оспаривались в книге: *Г. П. Макогоненко. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. (1833–1836). Л., 1982. С. 104–130, 408.* При переиздании работы Л. (редкий случай в его практике) счел необходимым дополнить ее антикритикой; см.: *Ю. М. Лотман. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 119–120* (подстраничное примечание).

¹²¹ *Тема милости появилась в творчестве Пушкина в период ожидания приговора по делу декабристов.* — Эта тема, пронизывая пушкинский эпистолярный 1826 г., реализовалась в «Стансах» (сочинены 26 декабря 1826 г., т. е. после приговора, коронации и возвращения Пушкина из ссылки). Однако слово «творчество» употреблено Л., видимо, не случайно. Так, в заметке «Несколько добавочных замечаний к вопросу о разговоре Пушкина с Николаем 18 сентября 1826 года» Л. цитирует «Стансы» (поэтический аналог программы, развернутой, по мысли исследователя, Пушкиным на аудиенции), связывая их с теми мыслями, «которые начали оформляться в сознании поэта, когда он призывал Дельвига взглянуть «на трагедию взглядом Шекспира»» (*Лотман. Пушкин. С. 368*).

¹²² «Пир Петра Великого» — «Пир Петра Первого»; эту повторяющуюся описку отметил Г. П. Макогоненко (указ. соч. С. 109), в ходе полемики приписав ей принципиальный смысл.

¹²³ «братьев, друзей, товарищей» — «Еще таки я все надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» (письмо П. А. Вяземскому от 14 августа 1826 г.).

¹²⁴ «Анджело» — Следующий далее анализ был развернут в статье «Идейная структура поэмы Пушкина „Анджело“» (1973; см.: *ИС. Т. II. С. 430–444*; концептуальное приращение здесь значительнее, чем в случае «Капитанской дочки»).

¹²⁵ *Белинский, оценивший поэму резко отрицательно, в обширном обзоре произведений Пушкина посвятил ей лишь несколько слов.* — Имеются в виду «Литературные мечтания» (1834; поэма поставлена в ряд «мертвых, безжизненных сказок»; «судя <...> по его поэме „Анджело“ <...> мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю» — *В. Г. Белинский. Указ. соч. Т. I. С. 21, 53*) и одиннадцатая статья цикла «Сочинения Александра Пушкина» (1846; «„Анджело“ составляет переход от эпических поэм к драматическим; по крайней мере диалог играет в этой поэме большую роль. „Анджело“ был принят публикой очень сухо, и поделом. В этой поэме видно какое-то усиление на простоту, отчего простота ее слога вышла как-то искусственна. Можно пойти в „Анджело“ счастливые выражения, удачные стихи, если хотите, много искусства, но искусства чисто технического, без вдохновения, без жизни. Короче: эта поэма недостойна таланта Пушкина. Больше о ней нечего сказать». — *В. Г. Белинский. Указ. соч. Т. VII. С. 553*).

¹²⁶ *Последующая исследовательская традиция так и не нашла ей места в закономерном развитии творчества поэта.* — В статье 1972 г. Л. повторил этот тезис в несколько смягченной форме, сославшись на указанный выше обзор В. Б. Сандомирской и написанную М. П. Алексеевым главу в коллективной монографии «Шекспир и русская культура» (М.; Л., 1965). Учитывая прикровенную полемику с Б. В. Томашевским в разделе о «Цыганах», можно предположить, что, не в последнюю очередь, Л. имел в виду позицию этого пушкиниста, полагавшего, что в «Анджело» Пушкин решал чисто

художественную задачу — «хотел присвоить своему эпосу <...> приемы психологического развертывания образа героя. Опыт „Анджело“ оказался недостаточен <...> Замысел, который он, вероятно, делал много лет, не получил полного выражения в данном произведении. Судя по мемуарным данным <рассказ П. В. Нащокина П. И. Бартеневу, см.: П. И. Бартенев. О Пушкине. М., 1992. С. 363. — *Комм.*>, Пушкин ревниво относился к данной поэме и неравнодушно принимал бранчивые оценки критики. Но это объясняется значительностью поставленных задач, а вовсе не достоинством поэмы самой по себе». — Б. Томашевский. Поэтическое наследие Пушкина // Пушкин родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. С. 308.

¹⁵ *Вяземский возмущался этим...* — В статье 1972 г. (ИС. Т. II. С. 436—437) Л. приводит цитату из пятой записной книжки Вяземского, ссылаясь на свою работу: П. А. Вяземский и движение декабристов // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1960. Вып. 98. С. 134. (=Труды по русской и славянской филологии. III); здесь эта запись вводилась в научный оборот. Ср.: П. А. Вяземский. Записные книжки. М., 1992. С. 81—82.

¹⁶ *...закон, который Пушкин боготворил в оде «Вольность»...* — «Свободную душею закон боготворить» («Деревня», 1819).

¹⁷ *...замена политики человечеством.* — Этот тезис, как представляется, принципиальный не только в историко-литературном, но и в общепровозраженческом плане, проходит сквозь все творчество Л., оставаясь предметом напряженной рефлексии. Если в комментируемой работе и исследованиях 1970—1980-х гг. он мыслится противоречием тоталитарной идеологии (и соответствующей практике) советского государства, то в предсмертной книге «Культура и взрыв», где Л. неоднократно возвращается к своим магистральным идеям и излюбленным историко-культурным примерам, происходит существенный смысловой сдвиг: «Цена, которую приходится платить за утопии, обнаруживается лишь на следующем этапе. Характерная черта взрывных моментов в бинарных системах <к ним Л. относит русскую культуру. — *Комм.*> — их переживание себя как уникального, ни с чем не сравнимого момента во всей истории человечества. Отмененным объявляется не какой-либо пласт исторического развития, а само существование истории. В идеале — это апокалиптическое „времени больше не будет“, а в практической реализации — слова, которыми Салтыков завершает „Историю одного города“: „История прекратила течение свое“. С этим связано стремление заменить юридическую моральными или религиозными принципами». Далее Л. резюмирует свои давние выводы о «Капитанской дочке» и «Анджело», включая в этот ряд строку «И милость к падшим призывал», и пишет: «В антитезе милости и справедливости русская, основанная на бинарности, идея <отметим прикровенно ироничное использование легализованной и вошедшей в моду соловьевско-бердяевской мифологии. — *Комм.*> противопоставит латинским правилам, проникнутым духом закона <сходная игра с названием трактата Монтескье. — *Комм.*>: *Fiat justitia — perat mundus* и *Dura lex, sed lex*.

Тем более знаменательно устойчивое стремление русской литературы увидеть в законе сухое и бесчеловечное начало в противоположность таким неформальным понятиям, как милость, жертва, любовь. За этим вырисовывается антитеза государственного права и личной нравственности, политики и святости». Затем приводятся примеры из «Преступления и наказания» и «Власти тьмы» и актуализуется фигура Крылова, у которого «ни старое, ни новое <...> не вызывает иллюзий», пафос которого — «освобождение от иллюзий: никому, может быть, за всю историю русской культуры не удалось столь органично соединить неподдельную народность с самой высокой европейской культурой».

Крылов, конечно, не единственный, хотя и самый яркий представитель этого направления русской культуры, чуждый и славянофильства и западничества, чуждый <в тексте обесмысливающее «чуждой». — *Комм.*> самого принципа „кто не с нами — тот против нас“ — ведущего принципа бинарных систем. В этой связи также следует назвать имена Островского и особенно Чехова».

Квалифицируя далее исторические события начала 1990-х гг. на территории бывшего СССР и Восточной Европы как «переключение с бинарной системы на тернарную», подчеркивая (это последние слова книжки!), что «пропустить эту возможность было бы исторической катастрофой», Л. все же считает необходимым заметить: «Если движение вперед — а альтернативой ему является лишь катастрофа, границы которой трудно предсказать — все же преодолет ту грань, на которой мы находимся, то возникший порядок вряд ли будет простой копией западного. История не знает повторов». Она любит новые непредсказуемые дороги». — Ю. М. Лотман. Культура и взрыв. М., 1992. С. 258—265, 270.

¹⁸ *«Ближе к Пушкину, т. е. к человечности»...* — Дневниковая запись от 1 декабря 1912 г.: Мейерхольд «развил длинную теорию о том, что его мировоззрение, в котором есть много от Гофмана, от „Балаганчика“, от Метерлинка, — сменяли с его техническими приемами режиссера (кукольность), доказывая, что он ближе к Пушкину, т. е. к человечности, чем я и многие думаю». — Александр Блок. Собр. соч.: В 8 тт. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 187.

¹⁹ *...интересен замысел «Тазита».* — В том же ключе, но немного подробнее о «Тазите» говорится в статье «Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция». Здесь же в сноске: «Этой поэме посвящена наша специальная работа, в настоящее время находящаяся в печати». — ИС. Т. III. С. 134—135. Примеч. 13.

²⁰ *Об этих стихотворениях писалось много.* — Обзор предшествующей литературы см. в упомянутой ниже — принципиальной для истории вопроса — статье Н. В. Измайлова: Н. В. Измайлов. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 243 и сл. (здесь учтены и работы, появившиеся после первой публикации статьи Н. В. Измайлова). С середины 1970-х гг. наметился рост интереса к «каменноостровскому циклу», стимулированный, по удачному

выражению автора следующего этапного исследования, «как объяснительным возможностям самой гипотезы <Н. В. Измайлова. — *Комм.*>, так, по-видимому, импульсами, идущими от современной поэтики» (а также наметившимся тяготением к религиозно-философской проблематике и относительно слабыми цензурными послаблениями в этой сфере). См.: *Е. А. Тоддес*. К вопросу о казенноостровском цикле // Проблемы пушкиноведения. Сб. научных трудов. Рига, 1983. С. 26–27. Ср. также: *С. А. Фомичев*. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л., 1986. С. 266–280.

⁵¹ ...*нивелируя даже в 1840 гг. разницу между Белинским, Герценом, петрашевцами, В. Майковым?* — Можно предположить, что такая постановка вопроса возникла не без влияния постоянных творческих контактов Л. с Б. Ф. Егоровым. Ср. его позднейшие работы: *Б. Ф. Егоров*. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1968; *Б. Ф. Егоров*. Литературно-критическая деятельность В. Г. Белинского. М., 1982. С. 138–172.

⁵² *Теперь Христу приданы черты угнетенного человека.* — При недостаточном внимании к собственно богословской проблематике, в частности, к догмату о «богочеловечности» Христа (ср. ниже «слово „божество” в своем основном семантическом значении исключает смерть»); также о религиозной разделенности Марии грешницы и Пресвятой Девы) этот фрагмент работы намечает важные исследовательские перспективы. Ср. наблюдения над «стремлением отделить христианство от церковности и вычленив в нем гуманистическое ядро. Это сделалось особенно заметно, когда в 1820-е, а для России в 1830-е гг. идеи Просвещения стали перерастать в „новое христианство” Сен-Симона, в социально-утопические идеи, пышно расцветшие во второй трети XIX в. Именно та традиция, которая выступала в XVIII в. в авангарде отрицания христианства, в середине XIX в. торжественно возвратила образу Христа роль центрального культурного символа»; далее о молодом Герцене, Аполлоне Григорьеве, Александре Иванове, Чаадаеве; несколько выше в близкой связи — о «Пророке» Некрасова («Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция») — *ИС. Т. III*. С. 132–133, 130. В русле этой же концепции находится «Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе» (1982), где использованы те же цитаты из Герцена и Чаадаева, что и в статье «Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция»; см.: *Лотман*. Пушкин. С. 290–291. Ср.: «Именно такой И<исус> Х<ристос>, который вполне перестал быть богом, но остро воспринимается в своей страдающей человечности, становится для либеральной и демократической интеллигенции 19 в. одним из ее идеалов, воплощением жертвенной любви к угнетенным...» — *С. С. Аверинцев*. Иисус Христос // Мифы народов мира: В 2 тт. Т. 1. М., 1980. С. 503.

⁵³ ...*принявшей воскресшего Христа за садовника.* — Иоанн, 20, 15.

⁵⁴ «*Когда за городом задумчив я брожу...*» — Об этом стихотворении см. также: *Ю. М. Лотман*. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1972. С. 115–119. В обеих редакциях разбора можно предположить знакомство с наблюдениями из очерка Ю. И. Айхенвальда «Пушкин» (1906). Ср.:

«Можно ли в картинах смерти выразительнее описать две жизни в их противоположности — городскую и деревенскую? И можно ли в два слова больше содержания, больше уничтожающей сатиры вложить, чем это сделано в противоречивом сопоставлении: „мелкие пирамиды”». Цит. по: *Ю. Айхенвальд*. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 70; ср., в частности, внимание Л. к «оксюмороническим оборотам».

⁵⁵ *И пусть у гробового ахода...* — «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (1829).

⁵⁶ *Дом <...> становится символом уважения к самому себе, утверждения своего права на независимость.* — Ср. развитие этого тезиса (тоже с цитированным переводом из Р. Саути — «Еще одной высокой, важной песни», 1829 и набросков «Два чувства дивно близки нам») в биографии Пушкина: *Лотман*. Пушкин. С. 137–139. Очень близкие соображения были высказаны С. Л. Франком в статьях «Религиозность Пушкина» (1933) и «Пушкин как политический мыслитель» (1937); см.: Пушкин в русской философской критике. Конец XIX — первая половина XX вв. М., 1990. С. 393, 414–416. Мы, однако, не располагаем данными о времени знакомства Л. с этими работами. О набросках «Два чувства дивно близки нам» в связи с проблемой соотношения семантики и ритмики: *Ю. М. Лотман*. Структура художественного текста. М., 1970. 147–149.

⁵⁷ ...«*кладбище*», которое в другом месте Пушкин рифмует с «*святое смерти пепелище*»... — «Стою печален на кладбище» (1834).

⁵⁸ «*Имение <...> должно продаваться с публичного торгу*» — «Марья Шонниг» (1834–1835?).

⁵⁹ «*проданы были с публичного торгу...*» — «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» (1836).

⁶⁰ ...«*покоя и воли*»... — «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит» (1834).

⁶¹ *Достоевский сохранил в воспоминаниях...* — «Дневник писателя» (1873; II. «Старые люди»).

⁶² *См. Н. И. Мордовченко <...>* — На этих страницах Н. И. Мордовченко характеризует позицию журнала «Московский наблюдатель», особое внимание уделяя В. П. Андросову, которого он относит к «левой группе»; в частности, исследователь замечает: «„Очищение” и „укрепление” старой патриархальной дворянской России от всех язв и злоупотреблений составляло важнейшую часть идеологической программы „Моск. Наблюдателя”» (с. 132). Не исключено, что ученик Мордовченко Л. имел представление о концепции, стоящей за этой краткой характеристикой. Ср. также кн.: *Н. И. Мордовченко*. Белинский и русская литература его времени. М., Л., 1950. Свое восхищение научным творчеством и личностью учителя Л. выразил в статье: *Николай Иванович Мордовченко*. Заметки о творческой индивидуальности ученого // Историкографический сборник. Саратов, 1973. № 1(4). С. 205–213. См. также: *Ю. М. Лотман*. Не-мемуары // *ЛС*. С. 34–35; *Б. Ф. Егоров*. Личность и творчество Ю. М. Лотмана // *Лотман*. Пушкин. С. 6–7.

⁶⁴ *«Основы такого понимания народности были заложены Карамзиным.* — Любопытно, что первое в статье упоминание Карамзина возникает в непосредственной близости с именем Мордовченко, под руководством которого Л. в студенческие годы занимался изучением карамзинского «Вестника Европы». Выше Л. «обходит» Карамзина, даже касаясь темы «милости» у Пушкина, где параллель с карамзинской одой 1792 г. кажется очевидной. [Ода «К милости» была предметом специального внимания Л. См.: ИС. Т. II. С. 169–171 («Поэзия Карамзина», 1966); Ю. М. Лотман. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 203]. Между тем для той культурной традиции, обнаружению которой посвящена комментируемая статья, «История государства Российского» — текст основополагающий. В работе «Пути развития русской прозы 1800–1810-х годов» Л. сочувственно повторяет тезис из статьи Б. М. Эйхенбаума «Карамзин» (1916): «История Государства Российского — конечно, не столько история, сколько героический эпос» (цитируется по: Б. М. Эйхенбаум. Сквозь литературу. Л., 1924. С. 38); в связи с «Историей...» Карамзина развиваются соображения упомянутой нами выше статьи Эйхенбаума «Черты летописного стиля в литературе XIX века» (она названа «чрезвычайно интересной, хотя и не бесспорной»), «История...» прямо сопоставляется с «Войной и миром», а в финале уже намечается вчерне тема работы о «толстовском направлении»: «Обзор прозы преддекабристского периода убеждает в том, что пути, по которым шло развитие русской истории и романа в XVIII — начале XIX веков, к этому времени оказались исчерпанными <...> Русская проза конца 1820–1830-х годов выростала не из прозы предшествующего периода, а из поэзии. Три обширных эпических замысла — „Российский Жидльбаз“ Нарезного, „История государства Российского“ Карамзина и перевод „Илиады“ Гнедича завершают искания эпиков и прозаиков XVIII — начала XIX веков. Только пройдя через период господства лирической поэзии, литература 1830–1840-х годов смогла снова обратиться к традиции XVIII века, вбирая из нее опыт философского романа (Герцен), плутовского („Мертвые души“) и социально-психологического (Толстой, Достоевский)». — Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1961. Вып. 104. С. 29, 43–44, 47–47, 57 (=Труды по русской и славянской филологии. IV). Ср. также: «Среди малых жанров, легкой поэзии доонегинского периода выделяются два эпических замысла, которым трудно найти место в стандартной историко-литературной обойме (лучший признак значительности произведения). Это „Илиада“ Гомера в переводе Гнедича и „История государства Российского“ Карамзина. Оба замысла отличаются эпической величием, оба обращают читателя к истории и мифу, оба вместо романтического автора, приотлично создающего сюжет игрой своего воображения, ставят в центр текста «почти не автора» — переводчика чужих легенд или пересказчика чужих летописей. Этот боковой путь вел в неизведанные литературные дебри <...> От „Илиады“ Гнедича путь вел к „Тарасу Бульбе“, а от „Истории государства Российского“ — к „Войне и миру“. — ИС. Т. II. С. 226 («Колумб российской истории», 1988).

⁶⁴ *«Иванов устранил себя...»* — Цитируется статья А. С. Хомякова «Картина Иванова. Письмо к редактору „Русской беседы“» (1858).

⁶⁵ *«...романтизм» и «реализм»...* — Эта проблема в советском лермонтоведении имела статус важнейшей. Итоги обильных и не слишком продуктивных дискуссий см. в статье А. М. Гуревича и В. И. Коровина: Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 474–477.

⁶⁶ *Д. Е. Максимов* — Отношение Л. к личности и научному творчеству Д. Е. Максимова запечатлено в статьях: К 70-летию Дмитрия Евгеньевича Максимова // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 5–6; подпись: Кафедра русской литературы ТГУ; Поэзия науки. (К 80-летию Дмитрия Евгеньевича Максимова) // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1986. Вып. 735. С. 3–6 (А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сборник VII). З. Г. Минц была ученицей Д. Е. Максимова, членом его блоковского семинара в послевоенном ЛГУ; об этом семинаре см.: В. А. Каменская, З. Г. Минц. Первый блоковский (диалог-воспоминания) // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1989. Вып. 857. С. 11–21. (Биография и творчество в русской культуре начала XX века. Блоковский сборник. IX. Памяти Д. Е. Максимова). В рецензии на упомянутую книгу Д. Е. Максимова Л. писал: «Бесспорное сочувствие вызывает стремление автора реабилитировать значение романтизма как прогрессивного художественного метода, во многом определившего своеобразие поэтического сознания Лермонтова», однако особое внимание уделял приоритетной для Максимова (и для рецензента — в связи с просветительским ее генезисом) «теме простого человека»; здесь же были сформулированы перешедшие в комментируемую статью замечания об образе Мцыри; см.: Ю. М. Лотман. Книга о поэзии Лермонтова // Вопросы литературы. 1960. № 11. С. 232–235.

⁶⁷ *«...в трудах С. Н. Дурылина, Б. М. Эйхенбаума, А. Н. Соколова...»* — Вероятно, имеются в виду работы: С. Дурылин. Как работал Лермонтов. М., 1934. С. 71–81; Б. М. Эйхенбаум. Литературная позиция Лермонтова // Лит. наследство. Т. 43–44. М., 1941. С. 46–49 (вошла в кн.: Б. М. Эйхенбаум. Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961; Б. М. Эйхенбаум. О прозе. Л., 1969); А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в. М., 1955. С. 602–611.

⁶⁸ *«Железный стих»...* — Формула из «Как часто, пестрою толпою окружен» (1840) была использована Л. В. Пумпянским как характеристика стилиевой линии поэзии Лермонтова, связанной с поэтикой О. Барбье и В. Гюго («железному» стиху исследователь противопоставляет «эфирный»); см.: Л. Пумпянский. Стиховая речь Лермонтова // Лит. наследство. Т. 43–44. М., 1941. С. 400–404. Ср. сочувственную ссылку на эту работу: Ю. М. Лотман. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 217. Примеч. 1. — «Поэтическая декларация Лермонтова („Журналист, читатель и писатель“)»; это стихотворение цитируется ниже; в статье 1988 года развиваются некоторые тезисы комментируемой работы.

⁶⁹ Об элементах социального утопизма в поэзии Лермонтова говорил Б. М. Эйхенбаум (см., напр.: *Статьи о Лермонтове* <...> стр. 362–363). — Л. отсылает к предсмертной работе Эйхенбаума «Гражданская экзальтация», которая, по свидетельству ответственного редактора «Статей о Лермонтове» Б. Я. Бухштаба, писалась в качестве введения к монографии. В «Гражданской экзальтации», в частности, анализируется стихотворение Лермонтова «Отрывок», к которому ниже обращается Л.

⁷⁰ *«Демон зол по природе...»* — Аккуратная полемика с концепцией, изложенной Б. М. Эйхенбаумом в упомянутой выше статье «Литературная позиция Лермонтова», где лермонтовская трактовка «зла» выводится из философии Шеллинга и безусловно оправдывается. Ср. у Л. ниже о Демоне: «В этих стихах есть богоборческий максимализм, но есть и равнодушные к красоте мира, „дикого и чудного“».

⁷¹ *«выше и похвал, и славы, и людей»* — «Наполеон» (1829).

⁷² *«Собрание зол его стихия»* — «Мой демон» (1829).

⁷³ *На жизнь надеяться страшась...* — «Отрывок» (1830).

⁷⁴ *...наподобие Гана Исландца...* — Сопоставление фрагментов «Мцыри» и романа В. Гюго см.: Ю. М. Лотман. Историко-литературные заметки. 3. Из комментария к поэме «Мцыри» // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1961. Вып. 104. С. 282–283 (=Труды по русской и славянской филологии. IV).

⁷⁵ *Покая рабского над сенью...* — «Вольность», 1783 (?), строфа 11.

⁷⁶ *«наемное удовлетворение любовных страсти»...* — «Путешествие из Петербурга в Москву», гл. «Яжелбци».

⁷⁷ *...аполне «реалистический» Печорин.* — Ср. финал «Княжны Мерн»: «Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига; его душа жила с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его теневая роца, как ни свети ему мирное солнце...»

⁷⁸ *С вещей снята кажимость...* — Кроме отсылок к «Маскараду» и «Как часто, нестрою толпой окружен», здесь просматривается будущая программа Толстого. Сама формула напоминает строку из стихотворения Б. Л. Пастернака «Но вещи рвут с себя личину» («Косых картин, летящих ливнем», 1922).

⁷⁹ *«ты в горло нож ему воткнул и трижды тихо повернул»...* — Полемическая реминисценция была отмечена: Ю. М. Лотман. Историко-литературные заметки. 3. Из комментария к поэме «Мцыри». С. 283–284.

⁸⁰ *Кругом меня цвет божий сад* — В этой цитате курсивы принадлежат Л.

⁸¹ Следующим обращением Л. к творчеству Лермонтова стал доклад, зачитанный на конференции, посвященной 150-летию поэта (Тарту, октябрь 1964). В письме к Б. Ф. Егорову от 15 сентября 1964 Л., намечая программу конференции, именует доклад «Реализм Лермонтова» в свете (анти)смысловых идей». Другими сведениями о нем мы не располагаем.

⁸² *...имея совершенно определенное мнение о повести «Рим»...* — Полемизируя с К. С. Аксаковым в статье «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя „Мертвые души“» (1842), Белинский писал об изменах Гоголя «непосредственности творчества», приводя как пример вторую редакцию «Портрета», далее: «Это же доказывает и недавно напечатанная в „Москвитянине“ статья Рим, в которой есть удивительно яркие и верные картины действительности, но есть и косые взгляды на Париж, и близорукие взгляды на Рим, и — что всего непостижнее в Гоголе — есть фразы, напоминающие Марлинского». — В. Г. Белинский. Указ. соч. Т. VI. С. 427. В обзоре «Русская литература в 1842 году» начало повести «Рим» характеризовалось как «равно изумляющее своими достоинствами и своими недостатками». — Там же. С. 535. Наиболее определенно Белинский высказался в письме к В. П. Боткину от 31 марта 1842: «...ты прав — в этом кружке он как раз сделался органом „Москвитянина“. „Рим“ — много хорошего, но есть фразы; а взгляд на Париж возмутительно гнусен». — Там же. Т. XII. С. 90. 20 апреля 1842 Белинский писал Гоголю: «Хотелось бы мне сказать Вам искренно мое мнение о Вашем „Риме“, но, не получив предварительного позволения на откровенность, не смею этого сделать». — Там же. С. 109.

⁸³ *...считал задачей живописи изображение «прекрасного человека» (III, стр. 88).* — «Портрет» (вторая редакция; 1842): «Или, если возьмешь предмет безучастно, бесчувственно, не сочувствуя с ним, он непременно предстанет только в одной ужасной своей действительности, неозаренной светом какой-нибудь непостижимой, скрытой во всем мысли, предстанет в той действительности, которая открывается тогда, когда, желая постигнуть прекрасного человека, вооружаешься анатомическим ножом, рассекаешь его внутренность и видишь отвратительного человека».

⁸⁴ *...все является «в настоящем свете».* — Заключительные слова повести «Невский проспект»: «...сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде».

⁸⁵ *«выбирали в предводители»* — Здесь и далее (трижды) цитируется статья «О движении народов в конце V века» (1834).

⁸⁶ *«Жизнь политическая...»* — Письмо к Н. Я. Прокоповичу от 27 января 1837.

⁸⁷ *«Полковник больше человек современный...»* — Письмо к Н. Я. Прокоповичу от 3 июня 1837.

⁸⁸ *«Меня не веселили мои Мертвые души...»* — Письмо к В. А. Жуковскому от 12 ноября 1836.

⁸⁹ *«Что человеку благолетие сродно...»* — «О человеке, о его смертности и бессмертии». Кн. 1.

⁹⁰ *«племени поющего и пляшущего»* — Эту формулу из пушкинской рецензии на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1836) в статье «Из наблюдений над структурными принципами раннего творчества Гоголя» Л.

возвел к высказыванию Екатерины II. См.: Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1970. Вып. 251. С. 34. (=Труды по русской и славянской филологии. XV).

^{97*} *Белинский считает, что «люди — братья друг другу»...* — «Стихотворения Петра Штавера» (1845).

^{98*} *Гоголь...* — Развита в статье концепция гоголевского творчества, видимо, предполагала продолжение и конкретизацию. 18 апреля 1963 Л. посылает Б. Ф. Егорову тезисы предполагаемой работы «Художественный метод Гоголя как этап в развитии русского реализма», где, в частности, пишет: «В статье предполагается рассмотреть объективные и осознанные связи Гоголя с русской и мировой просветительской традицией. Особо будут рассмотрены вопросы: Гоголь и античная традиция (Гомер, Плуларх), природа человека в понимании Гоголя. Автор постарается доказать, что осознание античности Гоголем было определено традицией просветительской мысли XVIII в. В работе предполагается рассмотреть проблему „Гоголь и Педич“ <...>. Поскольку тема „Гоголь — гоголевская школа“ изучена достаточно полно, автор счел бы целесообразным сосредоточить свое внимание на менее изученной проблеме: гоголевская традиция в творчестве Л. Толстого». — *Письма*. С. 154. По свидетельству Б. Ф. Егорова, статья предназначалась для «Гоголевского сборника», планировавшегося сначала издательством «Художественная литература», а потом Ленинградским университетом. Сборник не состоялся, и статья Л. осталась замыслом.

^{99*} *...Чернышевским...* — См.: Ю. М. Лотман. Беседа А. А. Иванова и Н. Г. Чернышевского: (К постановке источниковедческой проблемы) // Вопросы литературы. 1966. № 1. С. 131—135 (в частности, о сенсационизме А. А. Иванова). Замысел этой работы, возникший, вероятно, в ходе «ивановских» штудий Л., отраженный в комментируемой статье, упоминается в письме к Б. Ф. Егорову от 2 февраля 1964 (в связи с подготовкой VII тома «Трудов по русской и славянской филологии»): «...есть один хороший замысел: „О чем беседовали А. А. Иванов и Чернышевский?“, но нет времени сделать, а тут надо именно сделать». — *Письма*. С. 162.

^{100*} *«Чем отличается гений от таланта?»* — «Мысли и заметки о русской литературе» (1846). Концепция Белинского о гении и таланте была подробно проанализирована Н. И. Мордовченко; см.: Н. Мордовченко. Белинский и русская литература его времени. М.; Л., 1950. С. 214 и сл. Л. обращается к этому сюжету в своей последней книге; см.: Ю. М. Лотман. Культура и взрыв. М., 1992. С. 22—24.

^{101*} *«Я утратил ту религиозную веру...»* — «А. Иванов» (1858).

^{102*} *...ядовитой шутке Тютчева...* — Шутка приведена в воспоминаниях В. В. Стасова.

^{103*} *...«ту нежность, которую мы имеем к школе, в которой долго жили».* — «Былое и думы» (ч. 4; гл. XXIX).

^{104*} *В «Выбранных местах» Гоголь писал...* — «Светлое Воскресенье».

^{105*} *«Когда Иванов был в Лондоне...»* — «Концы и начала» (предисловие).

^{106*} *«Однажды кто-то принес к нему тетрадку поданных карикатур...»* — «Литературные и житейские воспоминания. IV. Поездка в Альбано и Фраскати. (Воспоминание об А. А. Иванове)» (1861).

^{107*} *...свидетельство П. М. Ковалевского...* — См.: Александр Андреевич Иванов. С. 405. Упомянутое в том же абзаце свидетельство В. В. Стасова — там же. С. 423—424.

^{108*} *Чернышевский <...> проявлял большую терпимость к искусству, стремящемуся воплотить природу человека...* — Ср. в статье «Беседа А. А. Иванова и Н. Г. Чернышевского» цитату из Чернышевского: «Его пример свидетельствует, что и заблуждение Гоголя могло быть не безысходно» и далее замечания Л. об оценках Чернышевским позднего творчества Гоголя: Вопросы литературы. 1966. № 1. С. 135.

«ЧЕЛОВЕК ПРИРОДЫ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА И «ЦЫГАНСКАЯ ТЕМА» У БЛОКА

ВПЕРВЫЕ: Блоковский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Май 1962. Тарту, 1964. С. 98—156. Практически без изменений (исключая новое оформление сносок) вошло в ИС (Т. III. С. 246—293).

18 апреля 1962 Л. писал Б. Ф. Егорову: «...в присланном Вам<и> ко мне плане конференции <блоковской. — *Комм.*> нет моего доклада и место для него не предусмотрено. Это после того, как я с Дм<итрием> Евг<сеньевичем> согласовал и уточнил тему. А т<ак> к<ак> это было буквально дня за 3—4 до Вашего с ним свидания, то забыть он не мог. Не могу понять, почему он так поступил, но доклада *решительно* <выделено Л. — *Комм.*> делать не буду и в сборнике участвовать тоже не буду» — *Письма*. С. 141—142. Недоразумение разрешилось на следующий день, когда Л. получил письмо от Д. Е. Максимова (там же, письмо от 19—20 апреля.) На конференции, состоявшейся в Тартуском университете в мае, Л. и З. Г. Минц сделали совместный доклад, легший в основу комментируемой статьи. 15 сентября Л. пишет Егорову из Пскова: «Для сборника <имеется в виду VI том «Трудов по русской и славянской филологии»». — *Комм.*> я еще ничего не делал, для Блоковского/Дмитриевичевского/Зараминцевского — также...» (там же. С. 144). В письме ему же от 24—25 октября, раздраженный трениями в редколлегии «Блоковского сборника», Л. высказывает намерение забрать свою потенциальную статью (здесь она названа «Блок и цыгане») и опубликовать ее в VI томе «Трудов по русской и славянской филологии» (там же. С. 146). 1 февраля 1963 г.: «За Блоковский том не сяду, не кончив свою книгу» (там же. С. 151; имеются в виду «Лекции по структуральной поэтике»). «Блоковский сборник» был сдан в набор 8 августа 1963 г. В письмах Егорову от 28

и 29–30 декабря 1963 г., 7 и 14 марта 1964 г. Л. (ответственный редактор книги) сообщает о прохождении корректур; 2 апреля: «Блоковские корректуры кончатся (мы с Зарой уже, в смысле кончились)»; 4–10 июня: «Блоковский том прошел второй раз Главлит <...> Тираж утвержден в 2500» — там же. С. 158, 159, 163, 164, 165, 171. К печати сборник был подписан 8 июня. 13 октября Л. сообщает Егорову: «Блоковский том и *моя книга* (!) завтра должны появиться в свет (тираж!!!)». — Там же. С. 176 (выделено Л.; см. также письмо Вяч. Вс. Иванову от 20 октября 1964 г. — с. 649).

¹⁴ *Все эти вопросы ждут своего решения.* — В 1972 г. З. Г. Минц защитила докторскую диссертацию на тему «Александр Блок и русская реалистическая литература XIX века», ряд ее положений отражен в статьях: Ал. Блок и Л. Н. Толстой // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1962. Вып. 119 (=Труды по русской и славянской филологии. V). С. 232–278; Блок и Достоевский // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 217–247; Блок и Гоголь // Блоковский сборник. II. Труды Второй научной конференции, посвященной жизни и творчеству А. А. Блока. Тарту, 1972. С. 122–205; Блок и Пушкин // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1973. Вып. 306 (=Труды по русской и славянской филологии. XXI). С. 135–296; Лирика Александра Блока. Вып. 3. Александр Блок и традиция русской демократической литературы XIX века. Тарту, 1973.

¹⁵ *По авторитетному свидетельству В. Гаевского...* — См.: В. П. Гаевский. Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения // Современник. 1863. № 7. Отд. 1. С. 155. Ссылка на эту работу приводится Б. В. Томашевским.

¹⁶ *«Народ есть общество людей...»* — «Житие Федора Васильевича Ушакова с приобщением некоторых его сочинений». Ч. 2.

¹⁷ *«Предписание же закона положительного...»* — «Опыт о законодательстве».

¹⁸ *«Представим себе мысленно мужей...»* — «Путешествие из Петербурга в Москву» (гл. «Хотиллов»).

¹⁹ *Героиня Гюго — искра поэзии в море грязи.* — Реминисценция (возможно, бессознательная) пушкинской характеристики «Одного дня приговоренного к смерти». Ср.: «Поэт Гюго не постыдился в нем искать вдохновения для романа, исполненного огня и грязи» («О занесках Самсона», 1830). Ср. в романе «Собор Парижской Богоматери» об Эсмеральде: «Она была словно факел, внесенный со света во мрак». — В. Гюго. Собр. соч.: В 15 тт. Т. 2. М., 1953. С. 251 (кн. 7, гл. 1).

²⁰ *Пускай цыгана бедный впуск...* — Фрагменты монолога даны в обратном порядке.

²¹ *Об этом писал еще Ф. В. Ушаков...* — «Житие Федора Васильевича Ушакова с приобщением некоторых его сочинений». Ч. 2.

²² *...Трагтовку знаменитого второго эпода Юрация...* — Ср. в наст. изд. статью «Радищев — поэт-переводчик». Далее цитируются «Строфы похвальные помещику житию» (1752) В. К. Тредиаковского, «Похвала сельской жизни» (1798) Г. Р. Державина, «Похвала сельской жизни» (1811) М. В. Милонова.

²³ *«но мысль ужасная здесь душу омрачает»* — «Деревня» (1819).

²⁴ *«...в стихотворение «Лето» он ввел образ условно-поэтической буйной толпы...»* — Далее цитируется послание И. И. Дмитриева «К Г. Р. Державину» (1805), в первой публикации («Вестник Европы». 1805. Ч. 23. № 19) — «Ответ сочинителю стихов под названием „Лето“ <т. е. выступившему анонимно Державину. — *Комм.*>, напечатанных в осьмнадцатом номере „Вестника Европы“». В первых изданиях цитируемое Л. примечание Дмитриева имело продолжение: «Для тех, которые не жилали в Москве, можно прибавить, что в этой роще было кладбище для иностранных. Теперь же надгробные камни служат для гуляющих вместо столов и стульев». Отсюда отмеченные в комментируемой статье строки «Топоча по доскам гробовым, / Буди сон мертвой тишины» в «Цыганской пляске» (1805) — ответе Державина на послание Дмитриева. Их «цыганский» диалог рассмотрен в упомянутой автором выше книге Б. С. Штейнпресса (с. 26–27).

²⁵ *«...только влюбленный...»* — Блок. «Когда вы стоите на моем пути» (1908).

²⁶ *«...в предисловии, вызвавшем одобрение Белинского...»* — В статье «Стихотворения Е. Баратынского» (1842) критик назвал предисловие к поэме «весьма умно и дельно написанным» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1955. С. 485).

²⁷ *«...союз героя и Сары определен словами, почти точно заимствованными из пушкинской поэмы.»* — «...твоя судьбина / Не будет скована с моею! / Покуда люблю жить со мною, / Живи! наскучило — прощай! / С твоей свободой той порою / Я выговаривал мою». Цит. по: Е. А. Баратынский. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 240–241 («Цыганка», гл. IV).

²⁸ *«...беззаконную комету».* — «Портрет» (1828). Героиня пушкинского стихотворения графиня А. Ф. Закревская была предметом долгого и страстного увлечения Баратынского.

²⁹ *«...«племя поющее и пляшущее»...»* — См. коммент. ²⁰⁰ к статье «Истоки „толстовского направления“...» (с. 503–504).

³⁰ *«Это очень ясно видно на примере «Живого трупа» Л. Н. Толстого.»* — К этой пьесе и ее герою, ставящемуся в ряд других персонажей Толстого, соавторы, варьируя свою главную мысль, обращаются в нескольких работах разных лет. См.: З. Г. Минц, Ал. Блок и Л. Н. Толстой. С. 271–272; Ю. М. Лотман. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя (1968) // ИС. Т. I. С. 417–418 (противопоставление толстовских героев «пути» и героев «степи», к которым относятся Ерошка, Хаджи-Мурат, Федя Протасов); Ю. М. Лотман. Между свободой и волей (судьба Федя Протасова) // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. I. (Новая серия). Тарту, 1994. С. 11–24. Цитируется действие I, карт. II, явл. 6, 2, 4.

³¹ *«Иная, высшая потребна мне свобода»* — «Из Пиндемонти» (1836).

³² *Д. Ровинский...* — Этот и последующий примеры почерпнуты из книги Б. С. Штейнпресса (с. 18–19, 15). В статье Аполлона Григорьева «Русские

народные песни. Критический опыт» (библиографическое описание приведено соавторами с неточностями, восходящими к книге Б. С. Штейнпресса, в наст. изд. исправлено) восторженному описанию цыганского пения посвящены с. 124–126. Цитируется заключительный пассаж: «О значении цыган в отношении к русской песне мы уже говорили: повторим еще, что они знают многое множество песен известных весьма немногим — в этом мы убеждались опытом, — что одним словом, от народа отделять их нельзя» (с. 126).

^{20*} *...дающей ей ту «игру»...* — «Да. Моя жена идеальная женщина была <...> Не было изюминки, — знаешь, в квасе изюминка? — не было игры в нашей жизни <...> А без игры не забудешься» («Живой труп»; д. V, карт. 1, явл. 1).

^{21*} *...«поззию московского житья».* — «Мой лучший сон, мой ангел сладкопевный, / Поззия московского житья!» («Весенняя ночь», 1831).

^{22*} *К. Аксаков писал...* — Цитируется магистерская диссертация К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1846). Эта и предшествующая цитата (из письма Н. В. Киреевского) приведены в упоминаемой соавторами книге М. К. Азадовского. Об отношениях Л. и М. К. Азадовского (его лекции по фольклору Л. слушал на первом курсе университета) см.: *Письма*. С. 107 (преамбула к письмам Л. к Азадовскому; с фронта Л. писал «именно М. К. Азадовскому, единственному из учителей»). См. также: *Ю. М. Лотман*. Двойной портрет. Азадовский и Пропп: два подхода // *ЛС*. С. 64–67. «Памяти Марка Константиновича Азадовского» посвящена статья Л. «Сатира Воейкова „Дом сумасшедших“» // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1973. Вып. 306 (=Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. XXI). С. 3.

^{23*} *...отвергает «Что делать?»...* — «Живой труп» (д. IV, карт. 1, явл. 5).

^{24*} *...в творчестве Аполлона Григорьева.* — Григорьевым в это время занимался Б. Ф. Егоров. См. его статьи «Аполлон Григорьев — критик» (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1960. Вып. 98. С. 194–246; 1961. Вып. 104. С. 58–83; к первой из статей приложены библиографии критики, художественной прозы и опубликованных писем), «Материалы об Ап. Григорьеве из архива Н. Н. Страхова» (там же. 1963. Вып. 139. С. 343–350), публикацию «Переписка Ап. Григорьева с Н. Н. Страховым» (там же. 1965. Вып. 167. С. 163–173) и подготовленную им книгу: Аполлон Григорьев. Литературная критика. М., 1967.

^{25*} *...Вновь стою...* — В 41 строфе поэмы «Venezia la bella. Дневник странствующего романтика. (Отрывок из книги „Одиссея о последнем романтике“»)» (1857) пропущена предпоследняя строка («Но ты, как бы испугана, встаешь»), вероятно, выпавшая при наборе в цитируемом соавторами издании «Библиотеки поэта». Ср.: *Аполлон Григорьев*. Соч.: В 2 тт. Т. 1. М., 1990. С. 221.

^{26*} *...«О, говори хоть ты со мной...» и «Цыганской венгерке».* — Стихотворения 13 и 14 из цикла «Борьба» (1857).

^{27*} *Не менее существенная черта их характеристики — красота...* — Ср. замечания о культе красоты в демократической литературе начала XX века (с теми же примерами из «Старухи Изергиль»): *З. Г. Миц*. Поэтический идеал молодого Блока // Блоковский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Май 1962. Тарту, 1964. С. 220–221.

^{28*} *К периоду «Ante lucem»...* — Стихотворение «Табор шел. Вверху сверкали звезды» при жизни Блока не печаталось. Впервые: *А. Блок*. Неизданные стихотворения (1897–1919). Л., 1926.

^{29*} *...из цикла «Распутья».* — Этому циклу позднее будет посвящена специальная работа: *З. Г. Миц*. Цикл Ал. Блока «Распутья» // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1985. Вып. 657 (Мир Блока. Блоковский сборник <5>). С. 3–18.

^{30*} *«Крыльцо Ее словно паперть», «С каждой весною пути мои круче», «День поблек, изящный и невинный», «В голубой далекой спаленке», «Привявший мир, как звонкий дар»* — Начальные строки стихотворений (7 ноября 1903 г.; 7 мая 1907 г.; 24 декабря 1904 г.; 4 октября 1905 г.; 26 октября 1907 г. — последнее из цикла «Заключение огнем и мраком»).

^{31*} *Предельно отвлеченному <...> идеалу «Стихов о Прекрасной Даме»...* — Ср.: *З. Г. Миц*. Поэтический идеал молодого Блока. С. 172–225 (в особенности с. 208 и сл.).

^{32*} *Всем раскрывшим пред солнцем тоскливую грудь* — «Гимн» (27 августа 1904).

^{33*} *«Да буду я — царь над собой* — «Есть лучше и хуже меня» (сентябрь 1906).

^{34*} *Я думал о бывшемся чуде* — «Мне снились веселые думы» (11 марта 1903).

^{35*} *Были улицы пьяны от криков* — «В кабаках, в переулках, в извивах» (декабрь 1904).

^{36*} *...прославления «красоты, несмотря ни на что» (Д. С. Мережковский)?* — Цитируется строка из стихотворения Д. С. Мережковского «Смех» (1894). Указано Кс. А. Кумпан.

^{37*} *...о величии человека «маленького и могучего»...* — Запись от 20 апреля 1907 г. См.: *Александр Блок*. Записные книжки. 1907–1920. М., 1965. С. 94.

^{38*} *...мечтает о журнале в традициях «Современника»* — Запись от 12 сентября 1908 г. — там же. С. 113.

^{39*} *«Для нас — самая глубокая бездна...»* — Эта и четыре последующих неогворенных цитаты из статьи «Поэзия заговоров и заклинаний» (1906).

^{40*} *«А вчера представилось...»* — Запись от 9 июля 1907 г. *Александр Блок*. Записные книжки. С. 95.

Комментарии

- ¹¹ ...в «Песне Судьбы»... — Далее цитируются картины 3, 5, 7, 5, 2, 4, 5, 3, 4.
- ¹² ...о переплетении в ней «страшного и прекрасного»... — Дневниковая записка от 10 ноября 1911 г. («Жить на свете и страшно, и прекрасно»).
- ¹³ Исследователи указывают на романтические традиции... — Имеются в виду, в частности, работы: Вл. Орлов. Александр Блок. Очерк творчества. М., 1956. С. 134; Л. И. Тимофеев. Александр Блок. М., 1957. С. 82.
- ¹⁴ «кричащие противоречия» — Этикетная формула из статьи В. И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908).
- ¹⁵ «Цыганская тема» в лирике третьего тома... — Ср. в позднейшей работе: З. Г. Мицц. Лирика Александра Блока. Вып. 3. Александр Блок и традиции русской демократической литературы XIX века. Тарту, 1973. С. 36–37.
- ¹⁶ «темный морок цыганских песен», <...> «поцелуев бред» — «Три послания. 2» (февраль 1910).
- ¹⁷ Герой лирики третьего тома погружается в стихию сегодняшней народной жизни... — Позднее авторы в этой связи сопоставляли Блока с Достоевским. См.: З. Г. Мицц. Блок и Достоевский // Достоевский и его время. Л., 1971; «Для Блока „в неестественных условиях городской жизни“ именно примитив таит в себе, хоть и искаженные и вычужденные, звуки скрипок мировой музыки. Более того, чем униженнее, похмельнее и дальше от утонченности, чем грубее эта сфера, тем она стихийнее и, следовательно, ближе к грядущему воскресенью. Связь мысли о воскресении через падение с погружением в стихию городской — именно петербургской — жизни роднит Блока с Достоевским». Ю. М. Лотман. Блок и народная культура города // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1981. Вып. 535 (Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник. IV). С. 13 (ИС. Т. III. С. 190). Ср. также: «„Мифология стихий“ у Блока колеблется между двумя системами истолкований. Первая, яснее выраженная у раннего Блока и тяготеющая к философии Вл. Соловьева, строится как триада: исходная гармония — «страшный мир» — конечный синтез стихий земли и неба. Вторая включает в себя представление о бесконечном космическом борении стихий музыки (динамики, страстей, духа = огня, ветра, воды) и косности (цивилизации, стагнации, мещанства, материи), что, в конечном счете, сводится к антитезе жизни-стихий и псевдожизни, механического существования, смерти. В обеих системах дисгармония, оцениваясь по-разному, занимает существенное конструктивное место. Творчество и имя Достоевского становится для Блока знаком-символом» — Ю. М. Лотман, З. Г. Мицц. Образы природных стихий в русской литературе (Пушкин — Достоевский — Блок) // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1983. Вып. 620 (Типология литературных взаимодействий. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение). С. 41. Мотив «воскресение через падение», затронутый уже в комментируемой работе, станет предметом пристального анализа в статье Л. «Сюжетное пространство русского романа» (1987; см.: ИС. Т. III. С. 91–110).

- ¹⁸ «красивые уюты» — «Земное сердце стынет вновь» (1911 — 6 февраля 1914).
- ¹⁹ ...особенно укрепил «Живой труп»... — Этот фрагмент восходит к статье З. Г. Мицц «Ал. Блок и Л. Н. Толстой» (с. 271–275). Далее цитируется монолог Федя Протасова (д. V, карт. 1, явл. 1).
- ²⁰ Дай гневу правому созреть — «Да. Так диктует вдохновенье» (сентябрь 1911 — 7 февраля 1914).
- ²¹ «живое — богато — и легко и трудно <...> Как жизнь сама». — Запись от 9 декабря 1913 г.
- ²² И коварнее северной ночи — «К Музе» (29 декабря 1912).
- ²³ Страшный мир! Он для сердца тесен — «Три послания. 2».
- ²⁴ Опустись, занавеска линиялая — 30 декабря 1908.
- ²⁵ Жизнь давно сожжена и рассказана — «Через двенадцать лет. 8» (23 марта 1910).
- ²⁶ Я пригвожден к трактирной стойке — 26 октября 1908 г.
- ²⁷ Уж не мечтать о нежности, о славе — «О доблестях, о подвигах, о славе» (30 декабря 1908).
- ²⁸ Когда-то гордый и надменный — 11 июля 1910 г.
- ²⁹ Визг цыганского напева — «Из хрустального тумана» (6 октября 1909).
- ³⁰ Но из глубы зеркал ты мне взоры бросала — «В ресторане» (19 апреля 1909).
- ³¹ Мой поезд летит, как цыганская песня — «Была ты всех ярче, верней и прелестней» (31 августа 1914).
- ³² Ты душа на последний путь вступающая — «Дух пряный марта был в лунном круге» (6 марта 1910).
- ³³ От похмелья до похмелья — «Все б тебе желать веселья» (7 декабря 1908).
- ³⁴ Бред безумья и страсти — «Натянулись гитарные струны» (19 декабря 1913).
- ³⁵ «Ап. Григорьев — начало мыслей». — Эта запись интерпретируется как свидетельство о начале работы над изданием сборника стихотворений Григорьева (М., 1915). См.: К.<А.>Куман, Ал.<Л.>Осват. Предшественник — современник. Блок в работе над изданием стихотворений Аполлона Григорьева // Литературное обозрение. 1980. № 10. С. 56.
- ³⁶ «каким раденьям причастна»... — «Каким раденьям ты причастна, / Какою верой крещена» («Ушла. Но гиацинты ждали»; 31 марта 1907).
- ³⁷ «Человек в очках» из «Песни Судьбы» — Карт. 4.
- ³⁸ Как цыганка платками узорными — «Опустись, занавеска линиялая».

⁶⁹ *Как прощались, страстно клялись* — 5 сентября 1909 г.

⁷⁰ *...мелодия выводит стихотворения позднего Блока далеко за рамки словесно выраженного в них.* — Ср. наблюдения Ю. Н. Тынянова в статье «Блок» (1921): «...музыкальная форма, которая является первообразом лирики Блока, — романс, самая примитивная и эмоциональная <сноска Тынянова: «Мысль о том, что поэзия Блока является канонизацией цыганского романа, развивает Виктор Шкловский („Блок и Розанов“) — *Комм.*>. Блок подчеркивает эпитафиями родство с цыганским романсом („Не уходи, побудь со мною“; „Утро туманное, утро седое“), — но эти эпитафии вместе с тем являются заданным мелодическим строем; „Дым от костра струю сизою...“ невозможно читать, не подчиняясь этому мелодическому заданию». Цит. по: Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 122.

⁷¹ *«музыка прежде всего»* — Начальная строка стихотворения П. Верлена «Искусство поэзии» (начало 1870-х; опубл. 1882).

⁷² *«Чуждо точного значения...»* — «Свосправное прозвание» (1832). Ср. в статье Л. «Символ в системе культуры» (1987): «К пониманию Достоевского ближе не романтическое «Невыразимое» Жуковского, а аналитическое слово Баратынского» (далее цитируется «Чуждо явного значения», прежде стоявшее в одном ряду с «Невыразимым») // *ИС*. Т. I. С. 196. В статье «Две «Осени» (1993) Л. вновь сопоставил философию слова этих поэтов, воздержавшись от категоричного вывода: «Именно подвижность, незакрепленность, релятивность смысла составляют философскую сущность поэзии Баратынского. Это заострено тем, что идея невыразимости выражается в терминологически точных категориях». К этим словам дана сноска: «Ср. формулу Жуковского: „Невыразимое подвластно ль выражению?..“». Ср. там же: «Стихотворения Пушкина и Баратынского едины в том смысле, в каком единство неизбежно подразумевает противоположность. Они находятся в том переломном моменте литературного пути России и европейской культуры в целом, из которого открываются две перспективы: одна из них ведет к Толстому и Блоку, вторая — к Флоберу и Верлену». Цит. по: Ю. М. Лотман. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. СПб., 1996. С. 516, 520.

⁷³ *Как беден наш язык! Хочу и не могу* — Начальная строка стихотворения А. А. Фета (1887).

⁷⁴ *Музыка — «субстанция» народной жизни, и это представление роднит Блока не с романтической традицией, а с традицией, идущей от творчества Гоголя через Аполлона Григорьева...* — Детальный анализ проблемы «Блок и Гоголь» представлен в одноименной статье З. Г. Минц. В частности, З. Г. Минц пишет: «...образ „мирового оркестра“, музыки как духовной основы бытия первоначально возникает у Блока под впечатлением событий 1905 г., преломленных сквозь призму трех литературных источников: „Пронсхождения трагедии из духа музыки“ Ницше <...>, интерпретации ницшеанских идей в символистской критике (прежде всего — у Вяч. Иванова)

и воспринятых через прозу и публицистику Гоголя романтических концепций музыки как наиболее „духовного“ искусства» (с. 180). Несколько в ином (но близком!) ракурсе эта тема разрабатывается в статье Л. «Блок и народная культура города». Комментируя блоковское отношение к народному театру, Л. пишет: «Особенно важно для Блока, что происходящее в зрительном зале — лишь часть праздничного гуляния, центр пестрого мира. Идея живой органичности этого мира восходит к „Риму“ Гоголя и, пройдя через идеи Вяч. Иванова, получит потом завершение в концепциях М. М. Бахтина...» // *ИС*. Т. III. С. 195. Ср. также (в контексте интерпретации конфликта Блока и Мережковских в связи со статьей Блока «Судьба Аполлона Григорьева», 1915): «Блока, идущего к революционному максимализму „Двенадцати“ и „Скифов“, „почвеннические“ симпатии к Ап. Григорьеву заставляют почти полностью зачеркивать революционную культуру шестидесятников...» — З. Г. Минц. Блок в полемике с Мережковскими // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1981. Вып. 535 (Наследие Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник. IV). С. 202.

⁷⁵ *...чисто салонный по стилистике текста романс Мерзлякова...* — Ср. в статье «А. Ф. Мерзляков как поэт» (предисловие Л. к подготовленному им тому Большой серии «Библиотеки поэта» — А. Ф. Мерзляков. Стихотворения. Л., 1958): «Своеобразие песен Мерзлякова в том, что в качестве поэтических произведений они были рассчитаны не на декламацию, а на вокальное исполнение, причем мотив, как правило, брался из народной песни. Это придавало колорит народности даже тем произведениям, в которых, если исходить из одного текста, трудно уловить что-либо отличное от традиционной поэтики, от светского романса. Так, например, стихотворение «В час разлуки пастушок...» — ничем не выдающийся образец романсной лирики XIX в. — был неотделим в сознании современников от народной украинской песни, на «голос» которой он был написан. Насколько подобная связь была крепкой и в сознании самого автора, свидетельствует тот факт, что, готовя для издания 1830 г. список песен и романсов, Мерзляков обозначил в нем это стихотворение не его настоящим заглавием, а первой строкой песни, давшей мотив, «Ихав козак за Дунай!» // Ю. М. Лотман. О поэтах и поэзии. С. 412.

⁷⁶ *«Черная шаль» Пушкина...* — Ср.: «„Черная шаль“ имела успех. Особенно привлекла внимание публики эта песня, когда ее стали исполнять на концертах в музыкальной обработке Верстовского. Московские концерты 1823 г. вызвали несколько критических откликов <далее о критике. — *Комм.*> В публике „Черная шаль“ имела исключительный и длительный успех. Об этом свидетельствуют музыкальные переложения, популяризовавшие стихотворение в качестве романса. О широкой популярности говорят лубочные листы на сюжет „Черной шали“» // Б. В. Томашевский. Пушкин. М., 1990. Т. 2. С. 144, 146. См. также комментарий В. Е. Гусева: Песни русских поэтов: В 2 тт. Л., 1988. Т. 1. С. 598.

⁷⁷ *«унижен бедный»* — «Пляски смерти», 5 (7 февраля 1914).

⁷⁸ *«льнет туда, где унижение»* — «Да. Так диктует вдохновенье».

^{79*} *Это колос ячменный — поля — «Вербы — это весенняя таль»* (30 марта 1914).

^{80*} *И я забыл все дни, все ночи — «Бушует снежная весна»* (18 марта 1914).

^{81*} *А там: Уйдем, уйдем от жизни! — «Сердитый взор бесцветных глаз»* (25 марта 1914).

^{82*} *Мелодией одной звучат печаль и радость... — «Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь»* (31 марта 1914).

^{83*} *Ты как отзвук забытого гимна — 28 марта 1914 г.*

^{84*} *Здесь страшная печать отверженности женской — «Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь».*

^{85*} *...музыка — «духовное тело мира»... — «Музыка творит мир. Она есть духовное тело мира — мысль (текучая) мира...»* (запись от 29 июня 1909). См.: Александр Блок. Записные книжки. С. 150.

^{86*} *«Музыка дышит, где хочет...» — Запись от февраля 1909. Там же. С. 132.*

^{87*} *...носителями духа музыки окажутся «варварские массы»... — «...в такие времена бессознательными хранителями культуры оказываются свежие варварские массы»* («Крушение гуманизма», 1919). Цит. по: Александр Блок. Собр. соч.: В 8 тт. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 99.

^{88*} *...предпосылку для развития «человека-артиста»... — Там же. С. 114—115.*

^{89*} *...«переделать все»... — Там же. С. 12 («Интеллигенция и революция», 1918).*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИДЕЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ по тексту КД (Гл. II, раздел 2). Заглавие раздела в окончательном варианте КД было снято. Восстанавливается здесь по экземпляру КД, хранящемуся в архиве автора.

К вопросу о композиции и идейной направленности «Путешествия из Петербурга в Москву» Л. вновь обратился в статье «Пути развития русской просветительской прозы» (1961 г.), где в сжатом виде повторил основные выводы публикуемого отрывка КД. Радищев, указывает здесь Л., «считает полезным, чтобы читатель сам дошел до вывода, восприняв чувствами предлагаемые ему конкретные факты. Но автору вывод из этих фактов уже известен. Поэтому в каждой главе книги главенствует конкретный эпизод, но последовательность глав несет явные следы авторской конструкции — это последовательность идей, внушаемых читателю» (см. с. 230 наст. изд.).

^{1*} *...усомниться в наличии в книге сложного композиционного замысла, не способствующего ясности восприятия идей автора.* — см. коммент. ^{1*} к статье «Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века» в наст. изд.

^{2*} *...Одной из существенных особенностей этического учения Кутузова... — подробнее см. статью Л. «„Сочувственник“ А. Н. Радищева А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тургеневу»* (в наст. изд.).

^{3*} *...в статье «Рассуждение о труде и праздности»... — по мнению Л., автором этого отрывка был Радищев. Аргументацию Л. см. в статье «Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века: А. Н. Радищев и А. М. Кутузов»* (Радищев: Статьи и материалы. Л., 1950. С. 81—128).

^{4*} *...Радищев <...> не мог обойти молчанием тему, поднимавшуюся им уже в «Беседующем гражданине».* — Имеется в виду отрывок «Рассуждение о труде и праздности» — см. комм. выше.

РАДИЩЕВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ XIX ВЕКА

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ по тексту КД (Гл. IV, отрывки).

^{1*} *Исследователи отмечали уже, что, работая над воронцовским проектом «Жалованной грамоты», Радищев последовательно изгонял из него все, напоминающее о крепостном состоянии русского крестьянина.* — Имеется в виду работа: И. М. Троицкий. Законодательные проекты А. Н. Радищева // Радищев: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. С. 47—49, 55.

^{2*} *Не красна изба углами, но красна лишь пирогами. Пословица.* — В статье «Отражение этики и тактики...» Л. воспроизводит эту трактовку эпиграфа со ссылкой на работу В. В. Пугачева «Радищев и французская революция» (Учен. зап. Горьков. ун-та. Серия ист.-филол. 1961. № 52. С. 275).

^{3*} *...ли в «Описании древнего славянского языческого баснословия» М. И. Попова черпал он данные об обычаях древних славян.* — Л. противопоставляет свою трактовку комментарий, данному в ПСС. Автором комментария был Г. А. Гукковский.

РУССО И РУССКАЯ КУЛЬТУРА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

ВПЕРВЫЕ — Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969. С. 40—99. Не переиздавалась. Печатается по этому изданию. (Далее: Руссо, 1969).

Статья была составлена из фрагментов следующих статей: «Пути развития русской просветительской прозы XVIII века», с. 216—222 (наст. изд.) соответствуют Руссо, 1969, с. 572—577 (философский роман, творчество Богдановича, «Отрывок путешествия в... И*** Т***»); «Пути развития рус-

ской прозы 1800—1810 годов» (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1961. Вып. 104. С. 3—57 <«Труды по русской и славянской филологии. IV»>), с. 31—34 соответствуют *Руссо, 1969*, с. 583—587 (Карамзин); «Истоки „толстовского направления“ в русской литературе 1830-х годов», с. 257—265 (наст. изд.) соответствуют *Руссо, 1969*, с. 590—598 (Пушкин); «Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века» (наст. изд.) с. 164—166 (Щербатов), с. 168—170 (Козельский), с. 176—183 (Фонвизин), с. 184—188 (Радищев) соответствуют *Руссо, 1969*, с. 564 (Щербатов, в сокращ.), с. 561—562 (Козельский, в сокращ.), с. 578—579 (Фонвизин, в сокращ.), с. 565—571 (Радищев).

В Приложении публикуются оригинальные фрагменты, после 1969 г. не переиздававшиеся.

“...и слажеи меду». — Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 470.

“...ту и умрет». — «Сказание об Индейском царстве». С прил. Н. Баталпа. Воронеж, 1876. С. 70.

“ П. Г. Чернышевский был страстным поклонником Руссо... — Столь очевидная, на первый взгляд, проблема соотношения творчества Чернышевского и философского наследия Руссо оставалась, фактически, неизученной. В 1960-е гг. на эту тему появилась лишь одна специальная статья: Т. Л. Занаворова. Ж.-Ж. Руссо в оценке Н. Г. Чернышевского // Учен. зап. Магнитогорск. пед. ин-та. 1963. Т. 15. Вып. 2. С. 110—126. Л., судя по всему, с этой работой знаком не был.

“ Второе направление в истолковании Руссо в эти годы связано с именем Л. Н. Толстого. — До работ Л. влияние руссоистской традиции на русскую культуру XIX в. не рассматривалось. Исключение составляло лишь творчество Л. Н. Толстого, чье 100-летие широко отмечалось советской литературой в конце 1920-х гг. (О «руссоизме» Толстого см.: Л. Якобсон. Молодой Толстой как критик руссоизма // Искусство. 1928. Кн. 3—4. С. 219—234; В. Л. Львов-Розаковский. Руссо XIX века // Его же. От усадьбы к избе. Лев Толстой. 1828—1928. М., 1928; С. Макашин. Литературные взаимоотношения России и Франции XVIII—XIX вв. // Лит. наследство. Т. 29—30. М., 1937. С. XLVI).

С КЕМ ЖЕ ПОЛЕМИЗИРОВАЛ НИИИ В ОДЕ «ЧЕЛОВЕК»?

ВПЕРВЫЕ — *Русская литература, 1964, № 2, С. 166—167. Переиздана в кн.: Ю. М. Лотман. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 748—750. Печатается по первому изданию.*

Принятые сокращения

Беседы... — Ю. М. Лотман. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994.

ДД — Ю. М. Лотман. Пути развития русской литературы преддекабристского периода. Дисс. ... д-ра филол. наук. Л., 1961.

ИС — Ю. М. Лотман. Избранные статьи. В 3 тт. Таллинн: Александра. Т. I — 1992; Т. II — 1992; Т. III — 1993.

КД — Ю. М. Лотман. А. Н. Радищев в борьбе с общественно-политическими воззрениями и дворянской эстетикой Карамзина. Дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1951.

ЛСП — Ю. М. Лотман. Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1: Введение, теория стиха [Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1964. Вып. 160 (=Труды по знаковым системам. I)].

ЛС — Лотмановский сборник. 1. М.: ИЦ-Гарант, 1995.

Письма — Ю. М. Лотман. Письма. М.: Гнозис, 1997.

Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 1—16. М.; Л.: АН СССР, 1937—1949.

Радищев — А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. Т. 1—3. М.; Л.: АН СССР, 1938—1952.

Содержание

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Предисловие. Вяч. Вс. Иванов	5
I	
Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века	7
Радищев и Мабли	45
Источники сведений Пушкина о Радищеве (1819–1822)	72
«Сочувственник» А. П. Радищева А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тургеневу	95
Из комментариев к «Путешествию из Петербурга в Москву»	115
Неизвестный читатель XVIII века о «Путешествии из Петербурга в Москву»	127
Об одной самооценке Радищева	131
Радищев — поэт-переводчик	133
II	
Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века	139
Пути развития русской просветительской прозы XVIII века	207
Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII — начала XIX столетия	231
Арханглы-просветители	239

III

Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов	253
«Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская тема» у Блока	325

Приложения

Идейное содержание «Путешествия из Петербурга в Москву» (КД. Глава II. Раздел 2)	387
Радищев в первые годы XIX века (КД. Глава IV)	410
Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века (фрагменты)	425
С кем же полемизировал Пинин в оде «Человек»?	434
Комментарии	437
Принятые сокращения	517